

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 19, № 1 • 2025

Тема номера:
СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2025
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

Vol. 19 No 1 • 2025

Topic of the Issue:
UNION STATE: DEVELOPMENT PROSPECTS

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2025
- © All rights reserved

 It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, заместитель Государственного секретаря – член Постоянного Комитета Союзного государства, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук, доцент

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук, доцент

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдурашитович, директор Бишкекского филиала Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и защиты избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ), кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселонович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор Института Европы Российской академии наук, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КОЖОШЕВ Арзыбек Орозбекович, Член Коллегии (министр) по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович, исполнительный директор Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко (Россия, Москва), доктор экономических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Deputy State Secretary — Member of the Standing Committee of the Union State, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPa, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPa, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPa, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHAN Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences, Associate Professor

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Director of the Bishkek branch of the International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations (IPA CIS IIMDD), PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELIDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

GROMYKO Alexey, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KOZHOSHEV Arzybek, Member of the Board — Minister for Energy and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Kyrgyzstan, Bishkek), Doctor of Economics, Professor

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUZNETSOV Alexey, Director of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MEZHEVICH Nikolay, Executive Director of the A. A. Gromyko Association for Foreign Policy Studies (Russia, Moscow), Doctor of Economics, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Law" section, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
экономика, право, политика
Международный научно-аналитический журнал
Том 19, № 1 2025

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю. Какой должна быть роль институтов развития в новом мирохозяйственном укладе.....	9
--	---

ГЛАВНОЕ

Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Союзное государство на новом этапе экономической и социально-политической интеграции	11
Кефели И. Ф., Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Перспективы укрепления геополитического контура Союзного государства	19

ЭКОНОМИКА

Абдихамитов Д. К., Медведева Ю. М. Роль энергетических рынков ЕАЭС в реализации экономических интересов Казахстана.....	32
Мосейко В. В., Головацкая В. С. Развитие института самозанятых в Казахстане и России.....	44
Куклина Е. А., Борщева Е. Д. Развитие форм организации туризма в КНР на основе пространственного подхода: имплементация опыта России	56
Перышкин М. О. Влияние иноязычного населения Эстонии на развитие высокоинновационных услуг	71
Гореловская М. Д. Перспективы развития рынков газового конденсата и сжиженного углеводородного сырья	85

ПРАВО

Агамагомедова С. А. Публичный правопорядок: евразийское измерение.....	98
Перевалов Д. В. Гармонизация законодательства о безопасности в рамках Союзного государства	109
Алексеев Г. В., Харина О. Н. Правовое регулирование взаимодействия государства и международных журналистских организаций в евразийском медиапространстве	118
Галицкая Н. В. Космическое право на распутье коммерческой экспансии космического пространства	130

ПОЛИТИКА

Николаенко А. В., Куркина Е. Н. Поворот России на Восток: перспективы сотрудничества со странами Большой Евразии	141
Колесникова М. А. Динамика развития политических и экономических отношений Турции и Индии в рамках Большого евразийского пространства.....	150
Щербань А. В. Политика обеспечения информационной безопасности в государствах — членах ШОС.....	159
Баранов Н. А., Берете Бакари Блонд Политические партии Гвинейской Республики в формировании внешнеполитического курса страны: евразийский акцент.....	171

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

.....	183
-------	-----

EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics

International scientific and analytical journal

Vol. 19, No. 1 2025

Contents

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

The Role of Development Institutions in the New World Economic Order..... 9

MAIN

Andrey D. Khlutkov, Nikolay M. Mezhevich

The Union State at a New Stage of Economic and Socio-Political Integration 11

Igor F. Kefeli, Victor G. Kogut, Gennady N. Nuryshev

Prospects for Strengthening the Geopolitical Contours of the Union State 19

ECONOMICS

Dastan K. Abdikhamitov, Yulia M. Medvedeva

The Role of the EAEU Energy Markets in the Economic Interests of Kazakhstan Realizing..... 32

Victoria V. Moseiko, Varvara S. Golovatskaja

Development of Self-Employed Institution in Kazakhstan and Russia 44

Evgenia A. Kuklina, Ekaterina D. Borscheva

Development of Forms of Tourism Organization in China Based on a Spatial Approach:
Implementation of Russia's Experience..... 56

Mikhail O. Peryshkin

The Impact of the Foreign-Speaking Population of Estonia on the Development of Highly Innovative
Services 71

Maria D. Gorelovskaya

Prospects of the Domestic Markets of Gas Condensate and LPG Development 85

LAW

Saniyat A. Agamagomedova

Public Law and Order: The Eurasian Dimension 98

Dmitry V. Perevalov

Harmonization of Security Legislation within the Framework of Union State 109

George V. Alexeyev, Olga N. Kharina

Legal Regulation of States and International Journalistic Organizations Interaction in the Eurasian Media
Space..... 118

Natalia V. Galitskaya

Space Law at the Crossroads of Commercial Expansion of Outer Space..... 130

POLITICS

Anastasia V. Nikolaenko, Evgeniia N. Kurkina

Russia's Turn to the East: Prospects for Cooperation with Greater Eurasian Countries 141

Maria A. Kolesnikova

Dynamics of the Development of Political and Economic Relations between Turkey and India within the
Framework of the Great Eurasian Space 150

Anastasia V. Shcherban

Information Security Policy in the SCO Member States..... 159

Nikolay A. Baranov, Berete Bakari Blond

Political Parties of the Republic of Guinea in Shaping the Country's Foreign Policy:
Eurasian Emphasis..... 171

EURASIAN CHRONICLE

..... 183

Какой должна быть роль институтов развития в новом мирохозяйственном укладе

В этом году завершается переход к новому мирохозяйственному укладу. Он характеризуется сочетанием централизованного стратегического планирования и рыночной конкуренции, государственного контроля за денежным обращением и автономии предприятий, регулирования рынка в общественных интересах и частного предпринимательства.

Страны, формирующие биполярное ядро нового мирохозяйственного уклада (МХУ), — Китай и Индия — растут намного быстрее развитых капиталистических стран благодаря более эффективной системе управления. Ее главной целью является повышение общественного благосостояния, а инструментами обеспечения роста производственных инвестиций являются:

- рефинансирование банков и институтов развития, обеспечивающих целевое кредитование значимых для социально-экономического развития инвестиционных проектов по льготным ставкам процента (от 0,2 до 2%);
- нормы валютного регулирования (ограничивающие вывоз капитала целями повышения конкурентоспособности национальной экономики);
- дифференциация процентных ставок в зависимости от целей кредита исходя из приоритетов государственной политики развития (от 2 до 6% для производственной сферы);
- гибкое применение залоговых требований (включающих низколиквидные активы, обязательства корпораций и гарантии органов государственной власти);
- стабилизация обменного курса национальной валюты, обеспечиваемого соответствующим набором инструментов (репатриация валютной выручки, валютный контроль для пресечения утечки капитала, пресечение деятельности спекулянтов по манипулированию рынком и др.);
- использование цифровых версий национальных валют для контроля за целевым использованием кредитов и обращением денег.

В странах ядра нового МХУ вся банковская система работает как большой институт развития. Денежная эмиссия в КНР ведется по каналам кредитования производственной сферы посредством рефинансирования банков под залог долговых обязательств предприятий, органов государственной власти и местного самоуправления. В Индии централизованно определяются приоритеты кредитования экономики (высокотехнологические сферы, сельское хозяйство, жилищное строительство и др.), которым следует кредитная политика контролируемых государством банков, получающих соответствующее рефинансирование от Центрального банка. Аналогичная политика проводится в Японии, Южной Корее, странах АСЕАН. В некоторых из них используются также «исламские» инструменты целевого кредитования инвестиций.

Центральным звеном банковско-инвестиционной системы стран ядра нового мирохозяйственного уклада являются институты развития. Они всемерно поддерживаются денежными властями, которые опираются на них при реализации стратегических планов социально-экономического развития. Эта поддержка включает рефинансирование институтов развития со стороны центральных банков посредством специальных инструментов рефинансирования. При этом используется весь арсенал методов контроля за целевым использованием предоставляемых таким образом кредитов. В этих целях в настоящее время проводятся эксперименты по «оцифровке» национальных валют, используемых для целевого рефинансирования банков и институтов развития.

Целевое рефинансирование банков и институтов развития для кредитования инвестиций — не новое изобретение. Первым целевую эмиссию денег для кредитования капитальных вложений в соответствии с государственными планами стал широко применять СССР. После войны Япония попыталась использовать опыт СССР для финансирования инвестиций посредством целевой кредитной эмиссии. В конечном счете ее денежным властям удалось замкнуть сберкассы на кредитование институтов развития, дополнив этот воспроизводственный контур их централизованным рефинансированием. Крупные европейские страны организовали беззалоговое кредитование инвестиций в восстановление разрушенной войной экономики посредством рефинансирования банков под векселя заемщиков центральными банками. Очевидно, что без подобных механизмов целевого кредитования инвестиций были бы невозможны ни индустриализация СССР, ни восстановление послевоенной Европы, ни японское экономическое чудо.

Сторонники монетаристской парадигмы и примитивизации денежной политики критикуют подобный подход, опасаясь разгона инфляции в результате увеличения денежной массы. Они не хотят понять, что долгосрочная макроэкономическая стабильность в современных условиях обеспечивается научно-техническим прогрессом, который одновременно является главным фактором современного экономического роста. Внедрение инноваций является основным способом повышения эффективности производства, обеспечивая одновременно рост выпуска товаров и снижение издержек, что позволяет сдерживать и даже снижать инфляцию при расширении целевого кредитования инвестиций.

Институты развития по определению предназначены для целевого кредитования инвестиционных проектов. В настоящее время их масштаб деятельности в нашей стране ограничен возможностями рефинансирования за счет государственного бюджета. Расходы последнего определяются законодательно установленными мандатами исходя из норм социального законодательства и требований национальной и общественной безопасности. Рефинансирование институтов развития за счет госбюджета не может не быть остаточным. Поэтому российские институты развития на два-три порядка уступают зарубежным по объемам капитала, кредитов и активов.

Решение стоящих перед страной задач мобилизации имеющихся ресурсов и научно-технического потенциала в целях опережающего развития экономики невозможно без двукратного увеличения объема инвестиций и трехкратного увеличения объемов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Обеспечить такое увеличение может только целевое кредитование Банком России институтов развития посредством специальных инструментов рефинансирования. Процентная ставка по таким кредитам не должна превышать 1% при условии, что до конечных заемщиков институты развития должны доводить кредиты по ставке не выше 2%.

Денежные власти изымают из экономики триллионы рублей посредством депозитов и облигаций Банка России. Последний из кредитора денежной системы превратился в заемщика. Чтобы выйти из стагфляционной ловушки на траекторию опережающего экономического роста, необходимо дополнить созданную по поручению президента систему стратегического планирования необходимыми для ее работы механизмами рефинансирования производственной деятельности по реализации национальных программ и инвестиционных проектов. Это требует многократного увеличения мощности институтов развития за счет их целевого рефинансирования Банком России под реализацию документов стратегического планирования посредством механизмов государственно-частного партнерства.

Очевидно, что подобные задачи предстоит решать и Союзному государству России и Беларуси в рамках «Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы», в которых четко указывалось, что «достижение целей Союзного государства осуществляется поэтапно с учетом приоритета решения экономических и социальных задач», в частности, это проведение согласованной структурной макроэкономической политики (в т. ч. подготовка прогнозов социально-экономического развития Союзного государства), создание общего финансового рынка и проведение единой промышленной политики.

Главный редактор
Сергей Глазьев

Союзное государство на новом этапе экономической и социально-политической интеграции

Хлутков А. Д.¹, Межевич Н. М.^{2,*}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

² Центр белорусских исследований Института Европы РАН, Москва, Россия

* e-mail: mez13@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3513-2962

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Выявить закономерности и этапы формирования Союзного государства как принципиально нового интеграционного объединения на Евразийском пространстве. **Методология.** Системный анализ интеграционных процессов и синергетического эффекта взаимодействия и сотрудничества в экономической и социально-политической сферах. **Результаты.** Основные аспекты жизни белорусского государства и общества в постсоветский период: развитие политической системы, экономические реформы, политика в сфере культуры, языка, национальных отношений и исторической памяти, внешняя политика. Обосновано положение о том, что, несмотря на множество позитивных изменений за четверть века, не снимается с повестки дня необходимость совершенствования политической формы Союзного государства и правовой модели российско-белорусского сотрудничества. Особые отношения руководства стран и их широчайшая народная поддержка обеспечивают устойчивость интеграции, но уровень оперативного управления на уровне ведомств и территорий необходимо совершенствовать. **Выводы.** Россия и Беларусь в своем интеграционном взаимодействии создали на Евразийском пространстве новый тип наднационального государства с присущими ему конфедеративными и федеративными признаками.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, Союзное государство, интеграция, Евразийское пространство

Для цитирования: Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Союзное государство на новом этапе экономической и социально-политической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 11–18.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-11-18>. EDN: JJKKHL

The Union State at a New Stage of Economic and Socio-Political Integration

Andrey D. Khlutkov^a, Nikolay M. Mezhevich^{b,*}

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russia

^b Center for Belarusian Studies of Institute of Europe of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

* e-mail: mez13@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3513-2962

ABSTRACT

Aim and tasks. To identify patterns and stages of formation of the Union State as a fundamentally new integration association in the Eurasian space. **Methods.** System analysis of integration processes and synergistic effect of interaction and cooperation in the economic and socio-political spheres. **Results.** The main aspects of life of the Belarusian state and society in the post-Soviet period: development of

the political system, economic reforms, policy in the sphere of culture, language, national relations and historical memory, foreign policy. The position is substantiated that, despite many positive changes over a quarter of a century, the need to improve the political form of the Union State and the legal model of Russian-Belarusian cooperation is not removed from the agenda. Special relations between the leadership of the countries and their broadest popular support ensure the sustainability of integration, but the level of operational management at the level of departments and territories needs to be improved. **Conclusions.** Russia and Belarus in their integration interaction have created a new type of supranational state in the Eurasian space with its inherent confederative and federal features.

Keywords: Russia, Belarus, Union State, integration, Eurasian space

For citation: Khlutkov A. D., Mezhevich N. M. The Union State at a New Stage of Economic and Socio-Political Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 11–18. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-11-18>. EDN: JKKHL

Введение

Дискуссия о теории и практике экономической интеграции не может вестись иначе, чем через жесткую детерминацию конкретно-исторической ситуации, мировой политики и тенденций развития мирохозяйственного уклада.

За последние 500 лет, как отметил Сергей Лавров, многие геополитические трагедии либо возникли в Европе, либо были спровоцированы ее политикой¹. Общая оценка ситуации меняется. Еще относительно недавно доминировала следующая точка зрения: «Отдельные нарушения существующей системы, которые государства допускают в порядке исключения, не обязательно следует воспринимать как движение в сторону демонтажа системы международного права как таковой» [2, с. 24]. На Западе этот тезис имел статус доктринального. Да, в России было понимание того, что кризис 2007–2009 гг. не случаен и носит системный характер. К примеру, об экономических аспектах этой проблемы писал академик С. Ю. Глазьев: «Опыт кризиса 2008 г. выявил высокую уязвимость российской экономики от мирового финансового рынка, чье регулирование осуществляется дискриминационными для России способами... Потери доходов бюджетной системы из-за “утечки” капитала составляют около триллиона рублей в год» [11, с. 211]. С позиций международных отношений выступал член-корреспондент РАН Ал. А. Громыко: «Мир в начале XXI в. во многом превратился из вместилища надежд и ожиданий в среду, наполненную возросшими рисками и угрозами» [13, с. 12]. На Западе оптимизм стал уходить из экспертной и академической дискуссии существенно позже, но, подчеркнем, это было задолго до 2022 г. Попытки наших оппонентов увязать корректировку идеологического мейнстрима со специальной военной операцией, как это следует из оценки происходящих событий на фоне гибридной войны «коллективного Запада» против России, — контрпродуктивны. Функционирование мирового рынка без международного разделения труда и сегодня признано невозможным, но, с другой стороны, факт торговых войн стал общепризнанным. Можно ли при этом говорить о том, что «признаком мирового хозяйства является сохранение экономического единства в большей или меньшей степени» [23]? С точки зрения авторов статьи — нет. «Чрезвычайные меры и чрезвычайные полномочия вводятся повсеместно» [24], это основывается на том, что «власть всегда создает мораль, удобную самой себе» [1, с. 248–249].

Кризис мировой экономики достаточно закономерен. Традиционная ресурсная база развития европейской и американской экономики исчерпана. В «конце каждого векового системного цикла накопления капитала, по заверению итальянского экономиста Дж. Арриги, властвующая элита доминирующей в мировой экономике страны стремится любым способом сохранить существующий мирохозяйственный уклад, провоцируя мировую войну с целью сокрушения поднимающих головы конкурентов, сильно

¹ Лавров о Европе: 500 лет агрессии и повторяющиеся трагедии мира [Электронный ресурс]. URL: <https://specreporter.com/2025/03/05/lavrov-o-evrope-500-let-agressii-i-povtoryayushhiesya-tragedii-mira> (дата обращения: 05.03.2025).

недооценивая их потенциал» [7, с. 9]. Если интерпретировать этот тезис применительно к региону, то, конечно же, речь идет о Западной Европе. Отметим, что с российской стороны никто не ставил задачи размежевания с Европой. «Сформулирую нарочито парадоксально: главная задача специальной военной операции — вернуть Россию в Европу в качестве ведущего игрока» [19].

Разумеется, вся сложность текущих процессов к экономической сфере не сводится, хотя именно «либеральная глобализация подорвала возможности государств влиять на распределение национального дохода и богатства. Транснациональные корпорации получили право бесконтрольного перемещения ресурсов, ранее контролировавшихся государствами» [5, с. 269]. Экономические модели эпохи либерализма не могли не базироваться на десуверенизации. Последний тезис принципиально важен именно для оценки интеграции на постсоветском (постсоциалистическом) пространстве.

Как это не парадоксально, но об этом писал даже Е. Т. Гайдар: «Европейская ориентация позволила восточноевропейским странам решить проблемы переходного периода импортировать политическую и социальную стабильность, но в долгосрочной перспективе сократила свободу маневра в выработке национальной стратегии развития» [3, с. 22]. Прошедшие годы подтвердили справедливость этой оценки, добавить к которой можно лишь то, что свобода маневра (суверенитет) продолжает убывать. Венгерское исключение лишь подтверждает правило.

Некоторые особенности интеграционных процессов на современном этапе

Формирование эффективной как экономической, так и социальной модели в заведомо зависимых государствах в принципе невозможно. В этом контексте мы обязаны обратиться к анализу т. н. новой внешнеэкономической нормальности. Ее проявления появились не сегодня: «...торговый протекционизм быстро набирает обороты и грозит перерасти в новую глобальную торговую войну... Ирония в том, что эту войну начинают не бедные экономики, которые понесли серьезные потери, а США, которые во всех отношениях получили от глобальной неолиберальной торговли больше, чем потеряли» [14].

Отдельно следует остановиться на т. н. концепции интеграции интеграций, приглашение к «равноправной интеграции», сделанное в начале второго десятилетия в Москве, и Киеву, было стандартным отвлечением внимания на негодный объект. В Москве с некоторым опозданием это поняли, в Киеве — нет. Равноправие участников интеграции означает «права каждого участвующего в интеграции субъекта выбирать тот формат принятия решений, который обеспечивает ему полный учет национальных интересов» [4, с. 10]. Однако интеграция, предлагаемая Брюсселем, была основана не на учете, а на игнорировании интересов стран, вступающих в ЕС. Привлекательность европейской модели, к примеру для республик советской Прибалтики, во многом была связана с тем, что «СССР изначально создавался и десятилетиями позиционировался как интеграционный проект, его прекращение, независимо от причин, бросало тень на любой проект постсоветской интеграции» [17, с. 27]. В этих условиях обращение к ЕС было единственной формальной альтернативой. Именно так формулировали свою позицию элиты республик Прибалтики. Путь в ЕС для Молдовы оказался очень сложным, и его перспективы представляются сомнительными. Что же касается Украины, то никакого европейского выбора не было. Был сделан антироссийский выбор, юридическое оформление которого было связано с членством в ЕС. В этом ряду очевидное исключение из правила, точнее набора правил, — Республика Беларусь.

Союзное государство Россия — Беларусь состоялось

Масштабное обсуждение вопросов интеграции на постсоветском пространстве началось в 1992 г., фактически сразу после создания формата «Содружество независимых государств». СНГ было вынужденным форматом, в перспективах которого сомнения возникли практически сразу. Прибалтика отказалась участвовать и закрепила это решение в собственном законодательстве. Украина сыграла в ту же игру, что и Великобритания при вступлении в ЕЭС в 1973 г. Лишь в Москве и Минске ограниченность проекта СНГ поняли практически сразу и начали искать более работоспособные форматы [15].

Российская Федерация и Республика Беларусь первыми начали реальное интеграционное взаимодействие, организовав Союзное государство России и Белоруссии. Пробразом данного объединения является Сообщество Белоруссии и России, оформленное еще в 1996 г., которое предполагало политическую и экономическую интеграцию с целью объединения материального и интеллектуального потенциала двух государств. В этом же году было принято решение о формировании общего Парламентского собрания.

В 1997 г. Сообщество было преобразовано в Союз России и Белоруссии и были сформированы Высший совет и Исполнительный комитет Союза. Только после этого последовал следующий шаг, подписан «большой договор» о создании Союзного государства. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «О создании Союзного государства» был подписан 8 декабря 1999 г. Он вступил в силу 26 января 2000 г. после ратификации парламентами двух стран.

Отметим, что другого столь эффективного партнера с экономической точки зрения у России не было. Как отмечал академик С. Ю. Глазьев, мнение которого мы полностью разделяем, все альтернативные точки зрения придают избыточное значение политологии и конспирологии, но не учитывают объективную логику экономики [10].

Оценка белорусской экономики и белорусской экономической модели не является предметом данной статьи. В РАНХиГС и Институте Европы РАН много написано на данную тему [12; 18]. Отметим главное, к 2025 г. даже белорусская «оппозиция», ее «экономическая экспертная» часть признает факт укрепления национальной экономики и признает взаимовыгодный характер российско-белорусских экономических отношений. Впрочем, «оппозиция» приходила к этому очень долго, фактически с конца 2019 г., постоянно делала оговорки и использовала любой минимальный повод для критики власти для разговоров о ее неэффективности.

Общая оценка экономики Беларуси предполагает не только экономические, но и политические вызовы. «Белорусская модель эффективнее, чем в среднем по ЕАЭС, институционально подготовлена к переходу к стратегии опережающего развития — степень износа основных фондов в РБ в полтора раза ниже, чем в РФ и других странах Союза, инвестиции в человеческий капитал существенно выше, неравенство значительно ниже. В РБ — при определенной корректировке уровня жизни — сложится дееспособная форма общественного правления большинства в интересах общей пользы, условная “полития”» [6, с. 24].

В российском экспертном сообществе существовали различные точки зрения по поводу российско-белорусских экономических отношений. Тезис о дотировании Россией белорусской экономики озвучивался неоднократно, но не был методологически обоснован, методики подсчетов оказались непрозрачными [16]. Сам факт кредитования одной экономикой другой нуждается в разъяснении, в том числе и лежащем за пределами собственно экономики. «Без преувеличения можно сказать, что Лукашенко удалось создать в Белоруссии свое экономическое чудо... Большую роль в этом играли партнерские отношения с Россией, с которой у Белоруссии Союзное государство и общий рынок» [21].

Экономическая интеграция является наиболее убедительным свидетельством взаимодействия двух государств. Это не означает того, что она (экономическая интеграция) существует вне социально-экономического контекста. История совместной жизни двух народов практически лишена системных конфликтов. Это принципиально отличает белорусский кейс от украинского и прибалтийского [8]. Что же касается т. н. культурного кода, то этот вопрос требует более подробного пояснения.

Географические факторы культурного кода очень важны. Белорус с Могилевщины или русский изпод Твери изначально сформировались в условиях общинного коллективизма. «Пановать» в лесах и болотах невозможно, только общинный коллективизм позволяет выжить в биологическом и социальном смысле. Практики интеграции на бытовом уровне легко интерпретируются в практики экономической интеграции.

Далее следует отметить то, что интеграция на российско-белорусском направлении имеет большие резервы. «Согласно оценке Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, лишь 1/3 интеграционного эффекта обеспечивается устранением пограничных барьеров во взаимной торговле, что было

по преимуществу сделано уже на этапе Таможенного союза, а 2/3 эффекта достигаются за счет налаживания кооперации и специализации производств, выращивания евразийских кооперационных контуров и цепочек, построения такой индустриальной карты, которая бы, помимо собственно производства, обеспечивала полную загрузку производственных мощностей, занятость и рост производительности труда и, как следствие, требуемый кумулятивный эффект, связанный с ростом оплаты труда, и в целом упрочение социального благополучия граждан» [9, с. 13].

Заключение

Завершая рассмотрение особенностей российско-белорусской интеграции, следует признать, что исторически оправданным стало решение о поэтапной реализации экономических и социально-политических интеграционных процессов: «в своей интеграции РФ и РБ ранее сделали ставку не на скорость, а на вызревание предпосылок для реального объединения»¹.

Минск потратил много сил и времени, пытаясь реализовать свои экономические проекты в рамках западноевропейского вектора интеграции, но ничего, кроме высокомерного «Белоруссия — это страна, которая сидит на шпагате на перекрестке»², не услышал. Любые обращения европейских экспертов к проблематике белорусской интеграции сводились к тому, что «сдача суверенитета» на Запад — это хорошо, а на Восток — плохо [22, с. 8]. Многовекторность не препятствовала масштабной поддержке Белоруссии со стороны России, при том что ключевые российские внешнеполитические шаги были лишь ограниченно поддержаны Белоруссией [20]. По крайней мере, на нескольких сложных этапах. Отметим и то, что проблемы оказались временными, а достижения системными.

Итак, накопление позитивных изменений за четверть века не снимает вопроса о перспективах экономического развития, как и политической формы Союзного государства. Политико-правовая модель российско-белорусского сотрудничества требует уточнения. Значительная часть вопросов двустороннего сотрудничества решается на самом высоком уровне. Особые отношения «первых лиц» и широчайшая поддержка народов обеспечивает устойчивость интеграции, но уровень оперативного управления на уровне ведомств и территорий не является оптимальным.

Межведомственные согласования по-прежнему снижают экономическую эффективность взаимодействия. Некоторые проблемы, роуминг, железнодорожные тарифы в общественном мнении носят характер «устойчиво не решаемых».

Внешние вызовы не дают оснований Москве и Минску снижать темпы и качество интеграции, это относится к проблематике военных и политических угроз, которые едины для России и Беларуси. Это, так сказать, «негативное стимулирование». Следует выявить и «позитивное стимулирование», связанное с тем, что эффекты Союзного государства, особенно в сфере формирования скоординированной социальной политики, также очевидны. При этом ряд вопросов, к примеру в финансовой сфере, можно решать в обход политических решений. К примеру, форматы клирингового рубля способны остановить контрпродуктивную дискуссию о единой валюте.

С нашей точки зрения, Россия и Беларусь в своем интеграционном взаимодействии создали совершенно новый, уникальный тип Союзного государства, обладающий как конфедеративными, так и федеративными признаками при одновременном наличии в этом уникальном государственном образовании особенностей, свойственных международной организации.

Список литературы

1. Андерсон П. Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина; под ред. В. Софронова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 296 с.

¹ Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: Аналитический доклад. М. : Ассоциация внешнеполитических исследований имени А. А. Громыко, Институт Европы РАН, 2022. С. 4.

² Рудольф Ришар: сидеть на шпагате долго — не очень удобно [Электронный ресурс] / Конференция «Минск после Риги». 28.05.2015. URL: euroradio.fm/ru/rudolf-rishar-sidet-na-shpagate-dolgo-ne-ochen-udobno (дата обращения: 05.02.2025).

2. Бест Дж. Война и право после 1945 г. / пер. с англ. М. Юмашева; под ред. Ю. Юмашева, Ю. Кузнецова. М. : ИРИСЭН, Мысль, 2010. 675 с. (Серия: Международные отношения).
3. Гайдар Е. Т. Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4–24. EDN: PJFDQB. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-9-4-24
4. Глазьев С. Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого евразийского партнерства // Экономические стратегии. 2019. № 1. С. 6–17. EDN: VVFDRM
5. Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах («Коллекция Изборского клуба»). М. : Книжный мир, 2018. 768 с. ISBN: 978-5-6041071-1-9. EDN: VQDBYV
6. Глазьев С. Ю. Белорусский выбор // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 11–25. EDN: ZJMCVZ. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-3-11-25
7. Глазьев С. Ю. На пути становления нового мирохозяйственного уклада // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 9–10. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-9-10. EDN: AKIQZW
8. Глазьев С. Ю. О важности изучения религиозных и социокультурных процессов для евразийской интеграции // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 8–14. EDN: HRPSWO. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-1
9. Глазьев С. Ю. Проблемы развития евразийской экономической интеграции: как их разрешить? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3 (41). С. 11–23. EDN: PTNCXP. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-11-23
10. Глазьев С. Ю. Реальное ядро постсоветской экономической интеграции: итоги создания и перспективы развития Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России // Российский экономический журнал. 2011. № 6. С. 56–81. EDN: PFTYGF
11. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир, 2018. 768 с. EDN: QUGVQF
12. Глазьев С. Ю., Чистилин Д. К., Живалов В. Н. [и др.] Белорусский выбор. Политический и экономический анализ ситуации до и после выборов 2020 г. М. : НИЦ ИНФРА-М. Серия: Научная мысль. 2023. 218 с. ISBN: 978-5-16-017784-7.
13. Громыко Ал. А. О насущном: Европа и современный мир. М.; СПб. : Нестор-История, 2017. 232 с. EDN: ZUOYAL
14. Лиу Г. Грядущая торговая война и глобальная депрессия / пер. с англ. А. Смирнова // Прогнозис. 2005. № 2(3). С. 85–107.
15. Межевич Н. М. Литва и Беларусь между Сциллой и Харибдой национальных моделей постсоветского транзита // Международная жизнь. 2023. № 2. С. 54–63. EDN: NCETGS
16. Межевич Н. М. Теоретические предпосылки и практические возможности российско-белорусского сотрудничества // Международная жизнь. 2022. № 5. С. 28–37. EDN: BANVPU
17. Межевич Н. М., Шамахов В. А. После 30 лет постсоветской интеграции. Почему потери заметны, а приобретения не так очевидны? // Международная жизнь. 2021. № 12. С. 24–33. EDN: JDDHHR
18. Межевич Н. М., Шимов В. В. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития. М. : Институт Европы РАН, 2024. 124 с. EDN: YVGCKK. DOI: 10.15211/report32024_409.
19. Межуев Б. В. Цивилизационное равнодушие [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 61–78. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czivilizaczionnoe-ravnodushie/> (дата обращения: 13.02.2025). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-61-78. EDN: OWEOUR
20. Саулин А. Д., Зверев Ю. М., Межевич Н. М., Юшков И. В. [и др.] Российская Федерация и Республика Беларусь перед общими вызовами: российский взгляд : аналитический доклад. Москва, 2016. 59 с. ISBN: 978-5-904914-18-9. EDN: YPHVAD
21. Сергей Глазьев: Идеология или смерть! [Электронный ресурс] // Изборский клуб. 21.08.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/19782>; Сергей Глазьев: «Идеология или смерть!» // Вопросы культурологии. 2021. № 1. С. 56–62. EDN: KBZUZS

22. Тиммерманн Х. Отношения Белоруссии и России в общеевропейском контексте. Взгляд из Германии. М. : Комитет «Россия в объединенной Европе», 2003. 80 с. ISBN: 5-901683-81-1.
23. Хейфец Б. А. Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства? Научный доклад. М. : ИЭ РАН, 2024. 110 с. ISBN: 978-5-9940-0720-4. EDN: BZFUYL
24. Чэндлер Д. Биополитика и подъем «антропоцентрического авторитаризма» [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2020 Май/Июнь. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika-avtoritarizma/> (дата обращения: 13.02.2025).

Об авторах:

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: khlutkov-ad@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН (Москва, Россия), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: mez13@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3513-2962

References

1. Anderson, P. The H-word: The Peripeteia of Hegemony. London; Brooklyn, NY : Verso Publ., 2017. 208 p.
2. Best, Geoffrey. War and law since 1945. Oxford: Clarendon Press, 1997. 456 p.
3. Gaidar, E. State Burden on the Economy // Voprosy Ekonomiki. No. 9. 2004. P. 4–24. (In Russ.) EDN: PJFDQB. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-9-4-24
4. Glaziev, S. Conceptual Proposals for Practical Implementation of the Big Eurasian Partnership Idea // Economic Strategies. 2019. No. 1. P. 6–17. (In Russ.) EDN: VVFDPM
5. Glazyev, S. A Leap into the Future. Russia in the New Technological and World Economic Patterns (Izborsk Club Collection). Moscow : Book World, 2018. 768 p. ISBN 978-5-6041071-1-9. (In Russ.) EDN: VQDBYV
6. Glazyev, S. Yu. Belarusian Choice // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2020. No. 3. P. 11–25. (In Russ.) EDN: ZJMCVZ. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-3-11-25.
7. Glazyev, S. Yu. On the Path to the Formation of a New World Economic Order // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 9–10. (In Russ.) EDN: AKIQZW. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-9-10
8. Glazyev, S. Yu. On the Importance of Studying Religious and Sociocultural Processes for Eurasian Integration // Research Result. Sociology and management. 2023. Vol. 9. No. 2. P. 8–14. (In Russ.) EDN: HRPSWO. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-1
9. Glazyev, S. Yu. Problems of the Development of the Eurasian Economic Integration: How to Resolve Them? // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 11–23. (In Russ.) EDN: PTNXP. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-11-23
10. Glaziev, S. Yu. Real Core of post-Soviet Economic Integration: Results of Formation and Development Prospects of Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia // Russian Economic Journal. 2011. No. 6. P. 56–81. (In Russ.) EDN: PFTYGF
11. Glazyev, S. Y. A Leap into the Future. Russia in the New Technological and World Economic Orders. Moscow: Knizhny Mir, 2018. 768 p. (In Russ.) EDN: QUGVQF
12. Glazyev, S. Yu., Chistilin, D. K., Zhivalov, V. N. [et al.] Belarusian Choice. Political and Economic Analysis of the Situation before and after the Elections of 2020. Moscow : INFRA-M. Series: Scientific Thought. 2023. 218 p. ISBN: 978-5-16-017784-7. (In Russ.)
13. Gromyko, A. A. About the Essential: Europe and the Modern World. Moscow; St. Petersburg : Nestor-History, 2017. 232 p. (In Russ.) EDN: ZUOYAL
14. Henry, Liu. The Coming Trade War and Global Depression // Asia Times. June 15, 2005.

15. Mezhevich, N. M. Lithuania and Belarus between Scylla and Charybdis of National Models of post-Soviet Transit // The International Affairs. 2023. No. 2. P. 54–63. (In Russ.) EDN: NCETGS
16. Mezhevich, N. M. Theoretical Prerequisites and Practical Possibilities of Russian-Belarusian Cooperation // The International Affairs. 2022. No. 5. P. 28–37. (In Russ.) EDN: BANVPU
17. Mezhevich, N. M., Shamakhov, V. A. After 30 Years of Post-Soviet Integration. Why Are Losses Noticeable and Gains Not so Obvious? The International Affairs. 2021. No. 12. P. 24–33. (In Russ.) EDN: JDDHR
18. Mezhevich, N. M., Shimov, V. V. Belarus: Transformation and Modernization. Results of post-Soviet Development. Moscow : Institute of Europe RAS, 2024. 124 p. (In Russ.) EDN: YVGCKK. DOI: 10.15211/report32024_409
19. Mezhevich, B. V. Civilized Indifference [Electronic resource] // Russia in Global Affairs/ 2022. Vol. 20. No 5. P. 61–78. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/civilizatsionnoe-ravnodushie/> (accessed: 13.02.2025). (In Russ.) EDN: OWEOUR. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-61-78
20. Saulin, A. D., Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. [et al.] The Russian Federation and the Republic of Belarus Facing Common Challenges: Russian View : analytical report. Moscow, 2016. 59 p. ISBN 978-5-904914-18-9. (In Russ.) EDN: YPHVAD
21. Sergei, Glazyev: “Ideology or Death!” // Issues of Cultural Studies. 2021. No. 1. P. 56–62. (In Russ.) EDN: KBZUS
22. Timmermann H. Relations between Belarus and Russia in the pan-European Context. View from Germany. Moscow : Committee “Russia in United Europe”, 2003. 80 p. ISBN: 5-901683-81-1. (In Russ.)
23. Kheyfets, B. A. Will Contemporary Geopolitical Fragmentation BECOME a Long-Term Trend of New Regionalization of the Global Economic Space? Moscow : Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2024. 110 p. ISBN: 978-5-9940-0720-4. (In Russ.) EDN: BZFUYL
24. David, Chandler. Biopolitics and the Rise of “Anthropocentric Authoritarianism” [Electronic resource] // Russia in Global Affairs. 2020 May/June No. 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika-avtoritarizma/> (accessed: 13.02.2025). (In Russ.)

About the authors:

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russia), Doctor of Science (Economics), Professor;
e-mail: khlutkov-ad@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Center for Belarusian Studies of Institute of Europe of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Doctor of Economic Sciences, Professor;
e-mail: mez13@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3513-2962

Перспективы укрепления геополитического контура Союзного государства

Кефели И. Ф.¹, Когут В. Г.², Нурышев Г. Н.³

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

² Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств, Минск, Республика Беларусь

³ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

РЕФЕРАТ

Настоящая работа посвящена анализу итогов 25-летнего становления Союзного государства России и Беларуси. **Цель и задачи.** Определить геополитическое измерение Союзного государства как интеграционного проекта России и Республики Беларусь. Изучить основные итоги деятельности Союзного государства за 25 лет его становления. Проанализировать основные направления развития единого геополитического пространства Союзного государства. Дать оценку геополитическим детерминантам интеграционного объединения России и Республики Беларусь.

Методология. Анализ реальных политических процессов и публикаций на основе парадигмы цивилизационной геополитики, методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, качественного контент-анализа. **Результаты.** В ходе исследования раскрыт процесс формирования геополитической субъектности Союзного государства на политической карте мира. **Выводы.** Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь приобретает формат полноправного геополитического субъекта современных международных отношений на современном этапе евразийской интеграции.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, Союзное государство, геополитическое пространство, геополитический статус, интеграция

Для цитирования: Кефели И. Ф., Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Перспективы укрепления геополитического контура Союзного государства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 19–31.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-19-31>. EDN: JNENYU

Prospects for Strengthening the Geopolitical Contours of the Union State

Igor F. Kefeli^{a,*}, Victor G. Kogut^b, Gennady N. Nuryshev^c

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russia

* e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

^b Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, Minsk, Republic of Belarus

^c St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

This work is devoted to the analysis of the results of 25 years of the formation of the Union State. **Aim and tasks.** To define the geopolitical dimension of the Union State as an integration project of Russia and the Republic of Belarus. To study the main results of the Union State's activities over 25 years of its formation. To analyze the main directions of development of the single geopolitical space of the Union State. To assess the geopolitical determinants of the integration association of Russia and the Republic of Belarus. **Methods.** Research of publications and other materials on the topic under study based on the geopolitical paradigm, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, qualitative content analysis. **Results.** The study revealed the nature of the geopolitical subjectivity of the Union State in the new geopolitical configuration in Europe. **Conclusions.** The Union State is acquiring the image of a full-fledged constructor of the post-Soviet geopolitical space after its erosion. It has become an indicator of the understanding by Russian and Belarusian society of the level of their geopolitical self-identification and awareness of the geopolitical future of their countries in the new geopolitical and geoeconomic architecture of the modern world.

Keywords: Russian, Belarusian, Union State, geopolitical space, geopolitical status, integration, import advancement

For citation: Kefeli I. F., Kogut V. G., Nuryshev G. N. Prospects for Strengthening the Geopolitical Contours of the Union State // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 19–31. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-19-31>. EDN: JNENYU

Введение

В настоящее время Союзное государство, объединившее Российскую Федерацию и Республику Беларусь, переживает важный этап развития, чему предшествовали вехи его становления. Поначалу, в январе 1995 г. было подписано «Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь», целями создания которого, как исключительно экономического объединения государств, были определены, в частности, «обеспечение совместными действиями социально-экономического прогресса своих стран» и «создание условий для формирования общего экономического пространства»¹. 21 февраля 1995 г. был заключен «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь», в котором появилась статья о тесном сотрудничестве «в целях сохранения мира, укрепления стабильности, региональной и глобальной безопасности» (ст. 2) и повторился пункт о согласовании основных направлений осуществления экономических реформ, углублении экономической интеграции и создании условий для формирования единого экономического пространства (ст. 9)². Следующий шаг — это заключение 2 апреля 1996 г. «Договора об образовании Сообщества России и Белоруссии» и спустя год, 2 апреля 1997 г., «Договора о Союзе Беларуси и России», действие которых было приостановлено 26 января 2000 г. в связи с вступлением в силу «Договора о создании Союзного государства» от 8 декабря 1999 г.³

26 января 2000 г. «Договор о создании Союзного государства» после его ратификации парламентами обеих стран вступил в силу. С той поры прошло 25 лет. Ежегодно 2 апреля отмечается как День единения народов Беларуси и России. За эти годы жизнь подтвердила мудрое решение двух народов, обществ, государств и их руководителей о создании Союзного государства как дружественного надгосударственного (наднационального) образования не только сугубо экономического, но уже более определенно военно-политического, правового и гуманитарного по содержанию. Настало время решать и принимать

¹ Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900563?marker=64U0IK> (дата обращения: 03.02.2025).

² Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=203004284&collection=1 (дата обращения: 03.02.2025).

³ Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901756243#8P80LT> (дата обращения: 03.02.2025).

конкретные шаги по передаче не только многих функций и структур управления от самих государств к органам наднационального управления Союзом, но создавать новую геополитическую организацию как часть формирующегося полицентричного мироустройства (рис. 1).

ДИСЛОКАЦИЯ СИЛ У ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА, ЧЕЛОВЕК

Источник: АВИ имени А.А.Громыко, Институт Европы РАН

Рис. 1. Союзное государство в окружении «недружественной Европы» и Украины

Fig. 1. Union State surrounded by “unfriendly Europe” and Ukraine

Источник: [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2022/01/26/podpisanie-voennoj-doktriny-soiuza-otvet-na-vneshnie-vyzovy.html>
(дата обращения: 03.02.2025)

Правовая регламентация геополитического статуса Союзного государства

Геополитический статус Союзного государства (далее — СГ) регламентируется следующими основными документами:

- Конституция Российской Федерации;
- Конституция Республики Беларусь;
- Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г.;
- Закон Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями от 14 ноября 2005 г. и от 4 июня 2015 г.);
- Военная доктрина Союзного государства (утверждена постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5);
- Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229);
- Концепция безопасности Союзного государства (утверждена постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. № 14) и др.

Геополитические контуры Союзного государства

Со времени принятия Договора о создании СГ был пройден большой путь его формирования и восстановления части некогда единого геополитического пространства Советского Союза. Согласно ст. 7 данного Договора, территория СГ состоит из государственных территорий государств-участников, которые обеспечивают целостность и неприкосновенность его территории, а «внешней границей Союзного государства являются границы государств-участников с другими государствами или пространственный предел действия государственных суверенитетов государств-участников»¹. Еще в феврале 2021 г. министр иностранных дел Белоруссии В. Макей открыто заявил, выступая на Всебелорусском народном собрании, о разработке новой концепции внешней политики Республики, поскольку Белоруссия находится на «геополитическом

¹ Двусторонние договоры [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46990/ (дата обращения: 03.02.2025).

разломе между Востоком и Западом... в геополитическом столкновении разнонаправленных интересов крупных мировых политических игроков»¹. Если мы обратим внимание на рис. 1, то станет понятным, почему Союзное государство оказывается одной из главных мишеней «коллективного Запада» — Беларусь разрывает цепочку антироссийских режимов, протянувшейся от Скандинавии до Черного моря, образуя геополитический плацдарм, своеобразный «белорусский балкон», сильно выдающийся на запад, что создает некомфортную конфигурацию на восточном фланге НАТО. Протяженность границы Беларуси (читаем — Союзного государства) с Латвией составляет 173 км, Литвой — 679 км, Польшей — 398 км, Украиной — 1084 км. В итоге протяженность границы Союзного государства увеличилась на 2334 км. И дело даже не столько в ее протяженности, сколько именно в геополитической роли «белорусского балкона» — он оказывается очень неудобным для воинственных притязаний НАТО. «Балкон», может со временем расшириться в Восточной Европе, и не только. По этому поводу вспоминаются слова К. Хаусхофера о геополитическом воспитании чувства границы. В обстоятельной работе «Границы в их географическом и политическом значении» (1927 г.) автор, упоминая «широкую» русскую натуру, которая «сохранила подвижный образ восприятия границы, возможно благодаря атмосфере северного леса», весьма тонко отмечал особенность не только «культурно-географического чувства границы», обусловленного «религиозно-географическим и церковно-организационным разграничением», но и «политического чувства границы (чувство такта в соприкосновении!)», которое «представляется нам, пожалуй, привитым воспитанием своеобразия индивидуумов и народов». Далее Хаусхофер делает умозаключение в контексте своеобразной «когнитивной геополитики»: «...можно найти путь к рассмотрению индивидуального и массового психического ощущения в связи с давлением на периферические органы жизненной формы по аналогии с геопсихическими явлениями, которые нельзя отвергать и для культурно-географических и политических напряженностей, таких, как пример блокады (изоляции), и для опасностей внешнеполитического приближения границы. В подобной воспитательной работе, конечно, требуется высшее слияние образного воздействия искусства с научным обучением... Наивысшая личная “деликатность”, с одной стороны, хорошее знание „психологии толпы“ и силы, поднимающей энергию, тонус, возбудимость, настроение индивидуума — с другой, — предпосылка для эффективной способности воспитания чувства границы в нациях». Хаусхофер завершает свой ход рассуждений призывом к осуществлению искусного воспитания и формирования «атмосферы для геополитического отдаленного чувства», следствием чего будет «плодотворное, убедительное, основанное на философском знании и все-таки ведущее к практическим делам, к боевому участию как личности, так и масс воспитание чувства границы. Наконец, оно может помочь предвидеть натиск на границу отдельных лиц, групп и масс» [8, с. 105–108].

Столь детальное обращение к идейному наследию классика германской геополитики дает нам основание утверждать о необходимости стратегического охвата геополитических контуров Союзного государства, которое не должно ограничиваться лишь упоминанием правовых и государственных документов, но опираться в первую очередь на теоретическую геополитическую мысль, которая объединяет конкретные военные, политические, топографические и иные фактические данные, и то самое воспитываемое и осмысливаемое «чувство границы в нациях», о котором шла речь выше.

И все же: граница Союзного государства значительно приблизилась к Калининградской области, которую отделяет от союзной территории узкий, протяженный на 100 км, Сувалкский коридор, и весьма агрессивные прибалтийские государства — члены НАТО оказываются в потенциальной мышеловке (рис. 2).

Более того, юго-западный регион Союзного государства — это надежный тыл для Калининградской области, существенно затрудняющий реализацию планов по ее удушению и отрыву от России. Это стало достаточно четко осознанным фактом в ходе проведения в ноябре 2022 г. заседания совместной Коллегии министерств обороны Республики Беларусь и Российской Федерации с участием

¹ Глава МИД Белоруссии заявил о разработке новой внешнеполитической концепции страны [Электронный ресурс] // ТАСС. 11.02.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10679111> (дата обращения: 03.02.2025); см. также: Нейтралитет здесь неуместен [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. 27.07.2021. URL: <https://www.sb.by/articles/diplomatiya-pragmatizm-i-nastupatelnost.html> (дата обращения: 03.02.2025).

Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Беларусь Б. Грызлова, представителей Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, представительства Постоянного Комитета Союзного государства в Минске, аппарата атташе Российской Федерации, а также экспертов оборонного ведомства Беларуси. В ходе этого заседания министр обороны Республики Беларусь генерал-лейтенант Виктор Хренин четко указал на то, что нам «вместе приходится искать меры противодействия на продолжающееся беспрецедентное давление и гибридное воздействие на Беларусь и Россию. У границ Союзного государства проводится необоснованная милитаризация всего восточного фланга Североатлантического альянса и активно совершенствуется военная инфраструктура. На сопредельных территориях в разы увеличено количество мероприятий оперативной и боевой подготовки Альянса, более того — из уст политиков звучит воинственная риторика»¹ (рис. 3).

Рис. 2. Сувалкский коридор

Fig. 2. Suwalk Corridor

Источник: [Электронный ресурс]. URL: https://cont.ws/uploads/pic/2022/6/image_2022-06-27_132211610.png (дата обращения: 03.02.2025)

Рис. 3. Окружение Союзного государства юго-западной дугой угроз НАТО

Fig. 3. Surrounding the Union State with the south-western arc of NATO threats

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2017/12/03/1813> (дата обращения: 03.02.2025)

¹ С целью противодействия вызовам и угрозам военного характера, направленным против Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mil.by/special/ru/news/155443/> (дата обращения: 02.02.2025).

Геополитический статус Союзного государства — пример для обновления Евразийского союза

Возьмем на себя смелость утверждать, что геополитический статус государства, и тем более надгосударственного объединения (коалиции), регламентируется, во-первых, теорией математической геополитики (раздела теории игр) и, во-вторых, эмпирическими расчетами геополитического потенциала коалиции. Следует четко различать противоречие между геополитическими (точнее, геодивизиционными) закономерностями и военно-политическими усилиями НАТО, вспоминая риторический вопрос Т. Шеллинга: «Если игра с нулевой суммой есть предельный случай чистого конфликта, то какова другая крайность?» На этот вопрос он дает четкий ответ: «Это должна быть игра “чистого сотрудничества”, в которой игроки побеждают или проигрывают вместе, имея идентичные предпочтения относительно исхода... Игроки должны понимать друг друга, находить модели индивидуального поведения, которые делают предсказуемым поведение каждого игрока для его партнера» [9, с. 108–110]. Иначе говоря, эвристические возможности теории игр достаточно тесно коррелируют с различными геополитическими доктринами, которые принято классифицировать исходя из тех политических отношений, которые служат реализации государственных интересов на международной арене, будь то конкуренция, доминирование или кооперация. В математической теории игр был предложен тот логический переход от классической к глобальной геополитике, который позволил раскрыть природу взаимодействий акторов мировой политики в формирующемся полицентричном мире и выступить основой геополитической доктрины, которая выражает третий тип политических отношений — кооперацию.

Что касается геополитического потенциала коалиции, то вкратце отметим следующее: исходной характеристикой геополитического статуса выступают «сила», «мощь», «могущество», которые получали обоснование еще в работах основателей классической геополитики и теории международных отношений. Обобщенным показателем этих характеристик выступают модели геополитического статуса, охватывающие две группы параметров:

- 1) геополитические потенциалы, т. е. собственно геополитические атрибуты государства или союза государств (территория, месторазвитие, население, экономика, оборона);
- 2) внутренние и внешние факторы государственного или союзного устройства (качество государственного управления, степень независимости — политической, экономической, военной, участие в военно-политических коалициях) [1]. Подробнее этот вопрос рассмотрен в работе И. Ф. Кефели и Д. И. Кузнецова [2].

Исторические шаги к сближению

На Западе продолжают игнорировать реальное существование СГ как надгосударственного образования. Оно для многих западных аналитиков является «так называемым союзным государством», «союзом» в кавычках. Поэтому они заявляют: «Будущее Союзного государства как территориальной единицы в значительной степени неопределенно»¹. Несмотря на это, Союзное государство Белоруссии и России стало наглядным примером и серьезным базисом для развития интеграционных процессов на всем постсоветском пространстве. Истекший период показал, что такое решение в условиях новых вызовов и угроз со стороны коллективного Запада было своевременным и полностью соответствовало геополитическим интересам и национальной безопасности народов обеих стран. Именно с этого времени началось становление Союзного государства как геополитического субъекта. Интеграционные процессы в рамках Союзного государства оказались самыми значительными и заметными на постсоветском геополитическом пространстве. В отличие от многих постсоветских республик, Беларусь взяла курс на объединение с Россией. Практически сразу же после избрания в 1994 г. Президентом Республики Беларусь А. Лукашенко приступил к реализации одного из краеугольных пунктов своей предвыборной программы — восстановлению единого эконо-

¹ Kruzshak T., Wood M. Belarus, Russia and what the heck is a Union State? [Electronic resource] // Sovereign Limits: website. URL: <https://sovereignlimits.com/blog/belarus-russia-union-state> (accessed: 20.02.2025).

мического пространства с Российской Федерацией. Этот вопрос был вынесен на общий республиканский референдум в 1995 г., на котором более 83% белорусских избирателей проголосовали за экономическую интеграцию с Россией [3, с. 166–168]. О правильности этого курса свидетельствует рост и российско-белорусского товарооборота с чуть более 7 млрд долл. в 1999 г. до более 60 млрд долл. в 2024 г. Сегодня, несмотря на разницу экономических потенциалов, Республика Беларусь входит в число первых внешне-торговых партнеров РФ. Более 60% своего экспорта она направляет в РФ. За последнее время были сняты практически все ограничения во взаимной торговле. Принято решение о создании единого рынка электроэнергии и об отмене роуминга. В сфере производственной кооперации важное место занимают проекты по развитию самолетостроения, танкостроения, микроэлектроники, атомной энергетики как важнейших геополитических детерминантов Союзного государства. Россия выступает основным иностранным инвестором белорусской экономики. Здесь следует отметить Белорусскую АЭС, построенную «Росатомом» с использованием новейших технологий. Она сегодня вырабатывает около 40% электроэнергии в республике. Россия и Беларусь перешли в 2023 г. на национальные валюты при расчетах за энергоносители. Москва и Минск подписали договор о судоходстве по внутренним водным путям. Договор позволяет Беларуси пользоваться российскими портами для транспортировки своих грузов [4, с. 111]. Достигнута договоренность о производстве легкомоторного самолета «Освей» на базе 558-го авиационного ремонтного завода в Барановичах. Кстати, первый самолет уже должен подняться в воздух в ближайшие 2026–2027 гг. Все эти вопросы входят в стратегию научно-технологического развития Союзного государства до 2035 г., направленную на стабильный рост промышленного производства, достижение технологического суверенитета и повышение геоэкономического статуса Союзного государства. Была учреждена премия Союзного государства и в области науки и техники за выдающиеся результаты совместных белорусских и российских ученых и специалистов в научных исследованиях, открытиях и научных достижениях, которые существенно обогатили мировую науку и внесли значительный вклад в развитие естественных, технических и гуманитарных наук, совместную разработку образцов новой техники и прогрессивных технологий, укрепление обороноспособности Союзного государства. Ее историческим стартом стал июнь 2018 г. Налажен очень продуктивный и эффективный диалог на уровне глав государств, правительств, профильных министров.

Так, страны уже практически перешли к геоэкономическому союзу, включая промышленную кооперацию, единую промышленную и сельскохозяйственную политику. Беларусь выступает в условиях западных санкций важным фактором обеспечения продовольственной безопасности и технологического суверенитета России. Немаловажную роль в геоэкономическом развитии Союзного государства за последние годы стали играть и региональные связи [6, с. 18–19]. Уже более десяти лет важной площадкой для развития межрегиональных связей является Форум регионов Беларуси и России. Так, на прошедшем в Витебске XI Форуме регионов России и Беларуси 27–28 июня 2024 г. было подписано около 250 документов на рекордную сумму порядка 30 млрд российских руб. Только за 2024 г. Беларусь и Россию взаимно посетили свыше 100 региональных делегаций. Это является наглядным свидетельством совпадения векторов внутренней политики Беларуси и России и поддержки интеграционных процессов на местном уровне¹.

Курс на восстановление единого геоэкономического пространства способствовал развитию совместного правового, политического, военного и гуманитарного пространства России и Беларуси. Этому благоприятствовало подписание 29 апреля 1996 г. соглашения о создании Парламентского собрания Союзного государства на основе принципа равного представительства депутатов национальных парламентов Беларуси и России. Одним из важных направлений политико-правового развития Союзного государства является создание модельных законов, важным субъектом разработки которых стало Парламентское собрание (ПС СГ). Модельный закон ПС СГ сегодня представляет собой законодательный акт рекомендательного характера, где фиксируются определенные типовые нормы или ориентиры для унификации законодательства постсоветских республик [4, с. 112]. В условиях западных санкций очень плотной стала координация усилий обоих государств на международной арене. В целях дальнейшего укрепления совместного

¹ Захаркин И. Союзное государство РБ и РФ — образец и основа евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Ритм Евразии: информационно-аналитический сайт. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2025-02-21--sojuznoe-gosudarstvo-rb-i-rf-obrazec-i-osnova-evrazijskoj-integracii-78683> (дата обращения: 21.02.2025).

политического пространства в 2021 г. Минск приостановил свое участие в программе «Восточное партнерство», направленной на сближение республики вместе с Арменией, Азербайджаном, Грузией, Молдовой и Украиной с ЕС. Беларусь вышла из Соглашения с ЕС о реадмиссии от 2020 г., предусматривающего упрощенный порядок возвращения в республику лиц, нежелательных в ЕС. Минск отказался и от упрощенного визового режима с ЕС [4, с. 122].

Одним из значимых направлений сотрудничества Беларуси и России по формированию совместного оборонного пространства явилось принятие и реализация Военной доктрины Союзного государства как его важной геополитической детерминанты, утвержденной постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5¹.

В мае 2023 г. Москва и Минск подписали «Заявление об общих внешнеполитических приоритетах двух стран». Этот документ предусматривает совместное противостояние массовой санкционной атаке со стороны Запада. Россией предоставлены белорусской стороне истребители СУ-30 СМ, вертолеты МИ-35, новейшие ЗРК С-400 «Триумф» и «Панцирь-С». В РБ находятся РЛС 70 М6 «Волга», Система предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и 43-й узел связи ВМФ РФ «Вилейка». Ответом на агрессивную геополитику Запада стало размещение нестратегического ядерного оружия на территории РБ и решение о дислокации здесь ракетного комплекса «Орешник». Регулярно проходят совместные российско-белорусские военные учения «Запад», «Щит Союза». Учения «Союзная решимость-2022» показали, что военные двух стран в состоянии создавать объединенный кулак, способный решить задачи разгрома, ответного удара и уничтожения армии некоторых натовских государств². Последние годы свидетельствуют о новых поступательных шагах СГ в укреплении геополитической безопасности, что подтверждают совместная с Москвой и Минском разработка проекта строительства обновленной системы евразийской безопасности и продвижение Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI в.³

Окончательному оформлению единого оборонного пространства обеих стран способствовали включение в 2024 г. Беларуси в обновленную ядерную доктрину РФ, а также принятие Концепции безопасности Союзного государства. Таким образом, Беларусь юридически оказалась под российским «ядерным зонтиком», под защитой военных объектов и воинских формирований России. Без этого сегодня трудно представить себе будущее Союзного государства как геополитического актора⁴. В формировании такого актора важное место занимает подписанный А. Лукашенко и В. Путиным 6 декабря 2024 г. Договор о гарантиях безопасности в рамках СГ, одной из целей которого является направление «четкого сигнала во внешний геополитический контур для сдерживания агрессивных устремлений стран НАТО в отношении Белоруссии и России». Договор «исходит из целостности оборонного пространства Союзного государства» и предполагает приложение усилий обеих стран для «эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы в целях укрепления безопасности сторон в рамках общего пространства Союзного государства». Уникальной особенностью Договора является наличие усиленных гарантий безопасности в ядерной сфере, которые Москва представляет Минску в ответ на наращивание ударного потенциала НАТО вдоль западных рубежей СГ.

Договор вместе с соглашениями с КНДР, Ираном и ОДКБ создает геополитические контуры новой архитектуры евразийской безопасности. Проводимые в Минске конференции по евразийской безопас-

¹ О Военной доктрине Союзного государства: Распоряжение Президента Российской Федерации от 19.12.2018 № 390-рп [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46093> (дата обращения: 28.02.2025); О Военной доктрине Союзного государства: Постановление от 04.11.2021 № 5 [Электронный ресурс] // Союзное государство (сайт). URL: <https://посткомср.рф/docs/item/237511/> (дата обращения: 28.02.2025).

² Ставер А. Повторение — мать учения... вероятных «друзей» [Электронный ресурс] // Военное обозрение: сайт. URL: <https://topwar.ru/191305-povtorenie-mat-uchenija-verojatnyh-druzej.html?ysclid=m7c68w2bv8995614234> (дата обращения: 20.02.2024).

³ Захаркин И. Союзное государство РБ и РФ — образец и основа евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Ритм Евразии: информационно-аналитический сайт. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2025-02-21--sojuznoe-gosudarstvo-rb-i-rf-obrazec-i-osnova-evrazijskoj-integracii-78683> (дата обращения: 21.02.2025).

⁴ Захаркин И. Союзное государство РБ и РФ — образец и основа евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Ритм Евразии: информационно-аналитический сайт. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2025-02-21--sojuznoe-gosudarstvo-rb-i-rf-obrazec-i-osnova-evrazijskoj-integracii-78683> (дата обращения: 21.02.2025).

ности помогли подготовить проект Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI в. Эта хартия призвана заложить нормативный фундамент новой геополитической реальности на евразийском континенте¹.

Военное братство прошло проверку в ходе специальной военной операции (СВО) России как геополитического конфликта на Украине, возникшего в точном соответствии с максимой Х. Макиндера. На Западе полагают, что этот конфликт является агрессией России, поддерживаемой Беларусью. Не случайно, Россия провела многонедельные военные учения, после завершения которых российские войска не покинули страну. Кроме того, Минск допустил размещение на своей территории российских ракетных установок, стреляющих по украинским целям. Беларусь позволила России осуществить часть вторжения со своей территории, открыв России кратчайший сухопутный путь к столице Украины².

Отвергая подобные измышления, Лукашенко напомнил, что еще до начала СВО Украина разместила на границе с Беларусью ракетные подразделения, включая и комплексы «Точка-У». Эти украинские подразделения развернули ракеты в боевое положение и направили против Беларуси. Поэтому российские войска вынуждены были в ходе СВО уничтожить их в первую очередь³.

Сегодня Беларусь прикрывает фланг российской группировки, проводящей СВО на Украине, являясь одновременно сдерживающим фактором для Польши и Прибалтики⁴. Таким образом, позиция Беларуси на протяжении всей СВО остается последовательной, которая не позволяет Киеву и его западным хозяевам распространить военный конфликт на всю территорию Восточной Европы. Очередные учения «Запад-2025» совместно с Россией вынуждают страны ЕС считаться с военными возможностями Союзного государства. Поэтому эти страны начинают обвинять Минск и Москву в желании начать новое наступление не только на Украину, но и на страны Европы⁵.

В повышении геополитического статуса Союзного государства следует выделить и совместное освоение космоса. Беларусь сумела сохранить после распада Советского Союза компетенции в космической отрасли и продолжила развитие высокотехнологичного сотрудничества с Россией. Благодаря тесному взаимодействию двух стран удалось успешно выполнить восемь научно-технических программ Союзного государства. Так, программа «Космос-СГ», заложила основу не только белорусской космической системе дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), но и всей российско-белорусской космической системе. Появление первого белорусского космонавта-женщины Марины Василевской — первый шаг в этом направлении. При этом следует отметить и Петра Климука, Владимира Коваленка, Олега Новицкого, белорусских космонавтов-мужчин⁶. Будучи членом Союзного государства, Беларусь имеет беспрепятственный доступ к российским космическим технологиям, а также может использовать российскую систему навигации «Глонасс». Белорусские специалисты также участвуют в строительстве космических объектов на территории России⁷.

Реализуется большая совместная программа в гуманитарной сфере, проявляемая как геополитика мягкой силы⁸. Прилагаются общие усилия для сохранения памяти о нашей истории как важной геополитической детерминанте Союзного государства. Страны вместе готовятся отмечать 80-летие нашей

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62699/ (дата обращения: 04.03.2024).

² Kruzshak T., Wood M. Belarus, Russia and what the heck is a Union State? [Electronic resource] // Sovereign Limits: website. URL: <https://sovereignlimits.com/blog/belarus-russia-union-state> (accessed: 20.02.2025).

³ Лукашенко А. Г. Отдельные части ВС РФ в начале СВО пересекали границу Украины из Белоруссии [Электронный ресурс] // Официальная страница пресс-центра ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18532517?ysclid=m7c947ys46552977167> (дата обращения: 09.04.2024).

⁴ Особая роль Белоруссии в нашей операции [Электронный ресурс] // Платформа для просмотра и создания контента. URL: <https://dzen.ru/a/WaoCCovLm1XEE9z?ysclid=m7c9dcjybm54575647> (дата обращения: 03.03.2024).

⁵ Городецкий В. Три года Специальной военной операции на Украине [Электронный ресурс] // Одна Родина: информационно-аналитический портал. URL: https://rodina.ru/article/tri-goda-specialnoy-voennoy-operacii-na-ukraine-poziciya-belorussii-ostaetsya-neizmennoy?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 03.03.2024).

⁶ Союзное государство: 25 лет интеграции, доверия, развития. 2024. № 12. С. 32–33 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--c1angbdpdf.xn--p1ai/pdf/book_12_2024.big.pdf#page/1 (дата обращения: 20.02.2025).

⁷ Досье: космические проекты России и Беларуси [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/news/569/108364/?sphrase_id=185834 (дата обращения: 02.03.2025).

⁸ Союзному государству — 25 лет: чего Россия и Белоруссия достигли вместе? [Электронный ресурс] // Платформа для просмотра и создания контента. URL: <https://dzen.ru/a/Z1W2gn38gizmTW-W> (дата обращения: 09.02.2024).

общей Великой Победы, продолжая следовать единой идеологии, защите традиционных ценностей и сохранению общей исторической памяти. В этом направлении уже вышел третий том уникальной серии «Библиотека Союзного государства». Третий раз был реализован культурно-образовательный проект Союзного государства «Поезд памяти»¹. Союзное государство расширяет финансирование реставрационных работ на сооружениях Брестской крепости, мемориальных комплексах на Северном фесе Курской дуги и на Буйничском поле под Могилевом, а также проведения международного патриотического форума в Волгограде «Великое наследие — общее будущее» и т. д.². Учреждена премия Союзного государства в области литературы и искусства. Премия присуждается за произведения литературы и искусства, которые вносят большой вклад за развитие отношений братства, дружбы и всестороннего сотрудничества между государствами-участниками. Впервые премия была вручена в сентябре 2002 г. в Минске³. В Смоленске состоялся третий год подряд фестиваль «Молодежь — за Союзное государство». С 1992 г. проходит Международный фестиваль искусств «Славянский базар» в Витебске. В рамках дней Союзного государства фестиваль в текущем году собрал 6 тыс. участников из 42 стран⁴. Для создания единого информационного пространства создается медиахолдинг. Русский язык в Беларуси остается единственным из всех республик ближнего зарубежья, где он уравнивается с государственным (белорусским) [4, с. 111]. В связи с этим самоидентификация россиян и белорусов, как двух очень близких народов, получила мощный дополнительный импульс в виде формирующегося геополитического пространства единого Союзного государства. Беларусь для российских граждан является местом максимального благоприятствования. Они не ощущают пересечение государственной границы. Россия и Беларусь — это действительно территория одного большого Союзного государства.

Заключение

Для развития общего геополитического пространства предстоит сделать немало. Препятствует углублению интеграции пока еще сохранение противоположных подходов в России и Беларуси к применению модели рыночной экономики [Там же, с. 110]. Необходимы дополнительные меры по выстраиванию единого правового пространства. Не решен ряд правовых вопросов в области миграционной политики и гражданства, установлении более справедливых тарифов на транспорте и т. д.

Серьезные усилия необходимо приложить по укреплению геополитического статуса Союзного государства. Важной геоэкономической задачей становится переход от импортозамещения к импортоопережению, созданию высокотехнологичных белорусско-российских брендов и выход с ними на мировые рынки. Стратегически значимыми в геоэкономике и арктической геополитике Союзного государства становятся проекты по освоению арктического шельфа, что актуализирует создание белорусской портовой инфраструктуры в РФ. Крайне важным во внутренней геополитике Союзного государства является укрепление связности его геопространства. В связи с этим приоритетным становится внедрение высокоскоростных железнодорожных и автомобильных маршрутов, расширение авиационного сообщения не только между Минском и крупными городами России, но и между центрами регионов Беларуси и Российской Федерации⁵.

¹ Союзное государство: 25 лет интеграции, доверия, развития. 2024. № 12. С. 45, 50 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--c1anggbdpdf.xn--p1ai/pdf/book_12_2024.big.pdf#page/1 (дата обращения: 20.02.2025).

² Захаркин И. Союзное государство РБ и РФ — образец и основа евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Ритм Евразии: информационно-аналитический сайт. URL: <https://www.ritm Eurasia.ru/news--2025-02-21--sojuznoe-gosudarstvo-rb-i-rf-obrazec-i-osnova-evrazijskoj-integracii-78683> (дата обращения: 21.02.2025).

³ Замостьянов А. Братство, развитие, безопасность: Россия и Белоруссия продолжают движение вместе [Электронный ресурс] // Информационный портал газеты Известия. URL: <https://iz.ru/1821147/arsenii-zamostanov/bratstvo-razvitiye-bezopasnost-rossia-i-belorussia-prodolzaut-dvizhenie-vmeste> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ Союзное государство: 25 лет интеграции, доверия, развития. 2024. № 12. С. 54, 59 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--c1anggbdpdf.xn--p1ai/pdf/book_12_2024.big.pdf#page/1 (дата обращения: 20.02.2025).

⁵ Союзному государству — 25 лет: чего Россия и Белоруссия достигли вместе? [Электронный ресурс] // Платформа для просмотра и создания контента. URL: <https://dzen.ru/a/Z1W2gn38gizmTW-W> (дата обращения: 09.02.2024); Союзное государство: 25 лет интеграции, доверия, развития. 2024. № 12. С. 32–59 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--c1anggbdpdf.xn--p1ai/pdf/book_12_2024.big.pdf#page/1 (дата обращения: 20.02.2025).

События на Украине показали, что курс под влиянием внешних геополитических игроков на многовекторную геополитику с прозападной ориентацией со стороны обоих государств оказался не отвечающим современной геополитической ситуации. Поэтому затянулся вопрос с принятием Конституционного акта Союзного государства, введением единой валюты. Не были исключением торговые войны, споры хозяйствующих субъектов двух стран с ограничением доступа к госзаказам, ценовой политикой на углеводороды, электроэнергию и т. д. Необходимо проведение общей макроэкономической, единой тарифно-ценовой политики. Нуждается в унификации трудовое и налоговое законодательство, рынок ценных бумаг. Пока не выработаны единые программы и стандарты школьного, вузовского и послевузовского образования. В связи с этим не полностью реализуется геополитический потенциал Союзного государства. Его повышению служат дальнейшие интеграционные меры, включенные в «Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг.». Этот документ, подписанный президентами обоих государств В. Путиным и А. Лукашенко 29 января 2024 г., предусматривает более 300 мероприятий в одиннадцати сферах развития Союзного государства¹.

Таким образом, в заключение следует отметить, что за свою историю Союзное государство прошло довольно сложный путь развития. Еще 20 лет назад С. Б. Переслегин, подробно проанализировав сложный путь обретения государственной самостоятельности Беларуси и укрепления ее союзнических отношений с Россией, указал на уникальный ресурс Беларуси — ее географическое положение «местности-перекрестка» (по терминологии Сунь-цзы). Территория «белорусского балкона» была необходима для развертывания давления Запада на Россию. Это суждение, впервые сформулированное полководцами Речи Посполитой, было блестяще аргументировано в 1941 г. танками Г. Гота и Г. Гудериана. «Территория “белорусского балкона” может также быть использована Россией, — делает вывод Переслегин, — для оказания воздействия на Европу. В 1944 году эта геополитическая истина была продемонстрирована К. Рокоссовским в ходе блестящей операции «Багратион»... Можно сформулировать общее правило, согласно которому при любом конфликте *России и Европы стороны, захватившей инициативу, выгодно владение Белоруссией* [7, с. 191]. Беларусь и Россия вышли на совершенно новый уровень сотрудничества, который позволит превратить Союзное государство в крупного геополитического и геоэкономического игрока, способного коренным образом изменить геополитическую конфигурацию на всем евразийском пространстве. На неизбежность реализации упомянутой выше Переслегиным «геополитической истины» двадцать лет спустя справедливо указали Н. М. Межевич и В. В. Шимов: «Опыт постсоветской трансформации Республики Беларусь уникален и не похож на опыт других республик западного пояса бывшего СССР. Постсоветское развитие прибалтийских стран, Украины и Молдавии шло по во многом сходному сценарию с теми или иными местными вариациями: геополитическая переориентация на Евро-Атлантику, деиндустриализация и формирование квазидемократических плюралистических режимов, ограниченных жесткими идеологическими рамками прозападно-националистического консенсуса. Белоруссия выбивается из этого ряда не только особенностями своего политического режима, но и преобладающим вектором геополитического развития» [5, с. 110]. История становления Союзного государства облегчает общую оценку эффективности интеграционных процессов в ближнем зарубежье и позволяет определить возможности создания в перспективе новых межгосударственных интеграционных объединений.

Список литературы

1. Акаев А. А., Малков С. Ю. Геополитическая динамика: возможности логико-математического моделирования // Геополитика и безопасность. 2009. № 4 (8). С. 39–55. URL: https://smalkov.org/sites/smalkov.org/files/article/St_09_09_4.pdf
2. Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Геополитика в историческом и философском ракурсе : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 223 с.

¹ Исполнилось 25 лет Союзному государству России и Беларуси [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/568/124625/> (дата обращения: 09.02.2024).

3. Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Геополитический резонанс VI Всебелорусского народного собрания // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 11–20. EDN: PZUZTB. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-04-11-20
4. Малышев Д. В. Союзное государство после двадцатилетнего юбилея // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 5. С. 106–116. EDN: LVBOTA. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-106-116
5. Межевич Н. М., Шимов В. В. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития М. : Институт Европы РАН, 2024. 124 с. EDN: YVGCKK. DOI: 10.15211/report32024_409
6. Нурышев Г. Н., Когут В. Г. Актуальные проблемы геополитики : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2020. 203 с. ISBN: 978-5-7310-4994-8. EDN: ZRVCUZ
7. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М. : АСТ, Terra Fantastica, 2005. 619 с. С. 191. EDN: QOEVFJ
8. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет / пер. с нем. и примеч. И. Г. Усачева. М. : Мысль, 2016. 460 с. ISBN: 978-5-244-01183-8
9. Шеллинг Т. Стратегия конфликтов. 2-е изд., испр. М. : ИРИСЭН, Социум, 2019. 367 с. С. 108–110.

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Северо-Западного института управления РАНХиГС, эксперт РАН, профессор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и кафедры социальной безопасности факультета безопасности жизнедеятельности Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор;
e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Когут Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ — полномочный представитель Национального собрания (Минск, Республика Беларусь), кандидат политических наук, доцент;
e-mail: vgkogut@gmail.com; ORCID: 0009-0004-0914-8455

Нурышев Геннадий Николаевич, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия), доктор политических наук, профессор;
e-mail: g.nuryshv@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0493-4452

References

1. Akaev, A. A., Malkov, S. Yu. Geopolitical Dynamics: Possibilities of Logical and Mathematical Modelling // Geopolitics and Security. 2009. No. 4 (8). P. 39–55. URL: https://smalkov.org/sites/smalkov.org/files/article/St_09_09_4.pdf (In Russ.)
2. Kefeli, I. F., Kuznetsov, D. I. Geopolitics in the Historical and Philosophical Perspective. Tutorial. Saint Petersburg : Polytechnic University, 2016. 223 p.
3. Kogut, V. G., Nuryshv, G. N. Geopolitical Resonance of the VI All-Belarusian People's Assembly // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 11–20. (In Russ.) EDN: PZUZTB. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-04-11-20
4. Malyshev, D. V. The Union State after 20th Anniversary // World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68. No. 5. P. 106–116. (In Russ.) EDN: LVBOTA. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-106-116
5. Mezhevich, N. M., Shimov, V. V. Belarus: Transformation and Modernization. Results of Post-Soviet Development. Moscow : Institute of Europe, 2024. 124 p. (In Russ.) EDN: YVGCKK. DOI: 10.15211/report32024_409
6. Nuryshv, G. N., Kogut, V. G. Actual Problems of Geopolitics. St. Petersburg : Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2020. 203 p. ISBN: 978-5-7310-4994-8. (In Russ.) EDN: ZRVCUZ

7. Pereslegin, S. B. Self-Teacher of Playing on the World Chessboard. Moscow : AST, Terra Fantastica, 2005. 619 p. (In Russ.) EDN: QOEVFJ
8. Haushofer, K. On Geopolitics. Works of Different Years / translation from German and notes by I. G. Usachev. Moscow : Mysl, 2016. 460 p. ISBN: 978-5-244-01183-8. (In Russ.)
9. Schelling, T. The Strategy of Conflict. 2nd edition, revised. Moscow : IRISEN, Sotsium, 2019. 367 p. (In Russ.)

About the authors:

Igor F. Kefeli, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Leading Researcher of the North-West Institute of Management of the RANEPa, expert of the RAS, Professor of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University and the Herzen State Pedagogical University of Russia, Professor of Department of social security (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Professor;
e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Victor G. Kogut, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic (Minsk, Republic of Belarus), PhD in Political Sciences, Associate Professor;
e-mail: vgkogut@gmail.com; ORCID: 0009-0004-0914-8455

Gennady N. Nuryshev, Professor of St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia), Doctor of Science (Political Sciences);
e-mail: g.nuryshev@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0493-4452

Роль энергетических рынков ЕАЭС в реализации экономических интересов Казахстана

Абдихамитов Д. К.^{*}, Медведева Ю. М.

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

^{*} e-mail: dos7771tin@mail.ru

ORCID: 0009-0006-0974-7663

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Провести углубленное исследование перспектив и проблем, с которыми сталкиваются предприятия энергетического комплекса Казахстана в условиях интеграции в Евразийский экономический союз, и определить направления оптимизации их деятельности. Предлагается рассмотреть инструменты реализации экономических интересов, оценку влияющих факторов, аудит эффективности действующих стратегий и разработку практических рекомендаций по адаптации и совершенствованию деятельности предприятий с целью извлечения максимальной пользы от интеграции и снижения сопутствующих рисков. **Методология.** Исследование базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем системный, экономический и сравнительный анализ, статистические методы и экспертные оценки. Для обеспечения достоверности и актуальности результатов использованы официальные статистические данные, материалы Евразийской экономической комиссии, научные публикации и аналитические отчеты. **Результаты.** В результате исследования выявлены и систематизированы экономические интересы предприятий энергетического комплекса Казахстана в рамках ЕАЭС, проанализированы механизмы их реализации, оценены влияющие факторы и эффективность текущих стратегий, а также предложены рекомендации по оптимизации деятельности с целью максимизации преимуществ и минимизации рисков интеграции. **Выводы.** Интеграция Казахстана в ЕАЭС открывает новые возможности для развития энергетического комплекса страны, но требует комплексного подхода, включающего повышение конкурентоспособности, модернизацию инфраструктуры, внедрение инноваций и государственную поддержку, для успешной реализации экономических интересов в условиях усиленной конкуренции и новых регуляторных норм.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Казахстан, энергетический комплекс, экономические интересы, интеграция, энергетическая безопасность, конкурентоспособность, модернизация, инновации, государственная поддержка

Для цитирования: Абдихамитов Д. К., Медведева Ю. М. Роль энергетических рынков ЕАЭС в реализации экономических интересов Казахстана // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 32–43.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-32-43>. EDN: JQZANW

The Role of the EAEU Energy Markets in the Economic Interests of Kazakhstan Realizing

Dastan K. Abdikhamitov^{*}, Yulia M. Medvedeva

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia

^{*} e-mail: dos7771tin@mail.ru

ORCID: 0009-0006-0974-7663

ABSTRACT

Aim and tasks. To conduct an in-depth study of the prospects and challenges faced by enterprises in the energy sector of Kazakhstan within the framework of integration into the Eurasian Economic Union, and to identify directions for optimizing their operations. It is proposed to examine the tools for realizing economic interests, assess the influencing factors, audit the effectiveness of existing strategies, and develop practical recommendations for adapting and improving the activities of enterprises in order to maximize the benefits of integration and mitigate the associated risks. **Methods.** The research is based on a multidisciplinary approach that combines systems, economic, and comparative analysis, statistical methods, and expert assessments. To ensure the reliability and relevance of the results, official statistical data, materials from the Eurasian Economic Commission, scientific publications, and analytical reports will be used. **Results.** The research will identify and systematize the economic interests of energy sector enterprises in Kazakhstan within the EAEU framework, analyze the mechanisms for realizing these interests, assess the influencing factors and the effectiveness of current strategies, and propose recommendations for optimizing activities to maximize the benefits and minimize the risks of integration. **Conclusions.** Kazakhstan's integration into the EAEU opens new opportunities for the development of the country's energy sector, but requires a comprehensive approach, including increased competitiveness, infrastructure modernization, innovation adoption, and government support, to successfully realize economic interests in the face of increased competition and new regulatory norms. **Keywords:** Eurasian Economic Union, Kazakhstan, energy sector, economic interests, integration, energy security, competitiveness, modernization, innovation, state support

For citation: Abdikhamitov D. K., Medvedeva Y. M. The Role of the EAEU Energy Markets in the Economic Interests of Kazakhstan Realizing // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 32–43. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-32-43>. EDN: JQZANW

Введение

В условиях современных энергетических вызовов, таких как рост потребления энергоресурсов, изменение климата и геополитическая нестабильность, интеграционные процессы, подобные ЕАЭС, становятся ключевым фактором обеспечения энергетической безопасности и устойчивого развития. Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС), создавая единое энергетическое пространство, предоставляет странам-участницам уникальную платформу для сотрудничества.

Казахстан, обладающий значительным энергетическим потенциалом, играет важную роль в энергетической системе ЕАЭС. Реализация экономических интересов предприятий энергетического комплекса (ЭПК) Казахстана в условиях интеграции имеет большое значение для развития экономики страны и всего союза.

Стратегические направления развития ЕАЭС в энергетической сфере включают формирование общего энергетического рынка, развитие инфраструктуры, энергосбережение, повышение энергоэффективности и развитие возобновляемых источников энергии.

Исследование реализации экономических интересов ЭПК Казахстана в условиях ЕАЭС позволит выявить факторы, влияющие на этот процесс, оценить эффективность стратегий предприятий и разработать рекомендации по их совершенствованию.

Материалы и методы

Теоретические основы и подходы к пониманию экономических интересов

Экономические интересы представляют собой сложную и многогранную категорию в экономической теории. Они являются движущей силой экономической активности, определяя поведение индивидов, предприятий и государства. Понимание природы и сущности экономических интересов имеет

фундаментальное значение для разработки эффективной экономической политики и обеспечения устойчивого развития общества.

В трудах А. Смита экономический интерес рассматривается как «невидимая рука рынка», согласно которой преследование личных экономических интересов приводит к общественному благу. Смит утверждает, что на рынке каждый индивид, стремясь к собственной выгоде, вынужден предлагать товары и услуги, которые нужны другим людям. Таким образом, рынок сам регулирует экономические отношения, направляя их к наиболее эффективному использованию ресурсов и удовлетворению потребностей общества.

Концепция интереса как основополагающего понятия в экономической теории во многом опирается на работы Ф. Энгельса, который рассматривал экономические отношения сквозь призму интересов. Эта концепция возникла в полемике с Ж. Прудоном, отстаивавшим приоритет справедливости над интересом [18, с. 5]. Экономический интерес неразрывно связан с экономическими отношениями и их развитием. Объективность этих отношений определяет объективность интереса как явления материального мира. К. Маркс утверждал, что содержание, формы и способы реализации интересов определяются общественными условиями. «Общий интерес», по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, существует не только в теории, но и в реальности, проявляясь во взаимозависимости индивидов в процессе разделения труда.

Экономические интересы объективны, поскольку они проистекают из материальных общественных отношений. Однако, чтобы стать мотивами деятельности, они должны быть осознаны человеком. Человек является носителем и выразителем экономических интересов, и, только пройдя через его сознание, они могут повлиять на его поведение.

Объективность интересов не означает их возникновения вне сознания, а свидетельствует о том, что сознательная деятельность людей обусловлена объективными обстоятельствами. Субъективность интересов проявляется в процессе их осознания, после чего они становятся факторами, определяющими поведение.

Субъективизм, отрицающий объективную основу экономических интересов, неприемлем в экономической науке. Политическая экономия признает объективный характер интересов, не отделяя их от носителей. Социальная природа и положение субъекта формируют его потребности, удовлетворение которых требует действий, обусловленных не сознанием, а объективными условиями. Интересы отражают положение субъекта в объективном мире и проявляют производственные отношения.

В процессе реализации экономических интересов происходит переход от объективного к субъективному. Единство объективного и субъективного проявляется не в самих интересах, а в процессе их реализации через деятельность. По мнению И. Ф. Сулова, экономический интерес — это «экономическая польза, выгода, которая предопределяет необходимость связей и соотношений и обеспечивает условия самоутверждения, самодвижения и саморазвития субъекта интереса» [16].

Объективные условия отражаются в сознании индивида, формируя его цели. Однако объективное содержание интересов и субъективное восприятие их реализации могут не совпадать. Для научного понимания реализации интересов важно исследовать понятие «стимул». Стимул — это осознанный интерес, который превращается в мотив деятельности после осознания индивидом своих потребностей.

Таким образом, экономические интересы являются движущей силой хозяйственной деятельности, мотивируя участников экономического процесса к действиям, направленным на достижение благоприятных условий для расширенного воспроизводства. Удовлетворение материальных и нематериальных потребностей человека, а также реализация его экономических интересов осуществляются исключительно в рамках общественного производства. Это подчеркивает значимость экономических интересов, как фактора, детерминирующего стабильность и прогрессивное развитие экономической системы.

Стремление к прибыли и новым рынкам является одним из ключевых мотивов участия предприятий в ЕАЭС [12, с. 17]. Однако интеграция также создает вызовы, связанные с необходимостью адаптации к новым правилам и усилением конкуренции [9, с. 12]. Оценка интеграционного потенциала позволяет определить наиболее перспективные сферы для развития [17, с. 25].

В условиях интеграционных процессов, таких как ЕАЭС, экономические интересы предприятий приобретают особую значимость. Интеграция открывает перед предприятиями новые перспективы, включая расширение рынков сбыта, оптимизацию затрат и повышение конкурентоспособности. Однако она также ставит перед ними новые задачи, связанные с необходимостью приспособления к новым правилам и обострением конкурентной борьбы.

Таким образом, понимание экономических интересов предприятий в контексте интеграции является важным условием для успешной реализации интеграционных проектов. Это предполагает учет как объективных экономических факторов, так и субъективных мотивов, влияющих на поведение предприятий.

Интеграция как способ реализации экономических интересов

Как отмечал Джон Мейнард Кейнс, политические решения часто формируются под влиянием идей экономистов прошлого. Аналогично концепции интеграции, разрабатываемые теоретиками, неизбежно содержат идеологическую составляющую, отражая интересы и позиции современных политических деятелей. Практические интересы государств и общие интересы сообщества, а не абстрактные теоретические схемы, всегда были движущей силой интеграционных процессов. Интересно отметить, что истоки практической интеграции лежали в Европе, в то время как теоретическое осмысление этих процессов происходило преимущественно в рамках американских научных школ.

Теоретические концепции интеграции помогают политикам и обществу ориентироваться в сложных социально-экономических процессах. Они не только проясняют логику происходящих событий, но и позволяют предвидеть последствия принимаемых решений, выделяя главное из множества фактов и выявляют скрытые тенденции.

Активизация интеграционных процессов всегда вызывает научный интерес. Так было и в середине 1980-х гг., когда европейское сообщество вступило в новую фазу развития. «Исторический компромисс», достигнутый в тот период, повлиял не только на практику интеграции, но и на ее теоретическое осмысление. Например, стали активно разрабатываться модели «многоскоростной интеграции», которые учитывают разные темпы и уровни интеграции разных стран.

Оценивая объективные успехи европейской интеграции в 1980-х гг., можно было подумать, что теория «переплескивания» работает максимально эффективно. Практика нам показывала внушительные темпы экономического развития, но интеграция — это сложный процесс, в котором участвуют множество факторов с разновекторной направленностью, в том числе и в сфере экономических интересов. Эта разновекторность процессов и явлений может приводить к перманентному хаосу. Поэтому интеграционные процессы не проходят равномерно, а имеют часто поступательный характер. В свою очередь, эти достижения были результатом не только интеграции «переплескивания», но и результатом целенаправленных, комплексных мер со стороны стран — участников этого процесса. На сегодняшний день перед академической наукой и управленческой практикой стоит задача переосмыслить саму концепцию интеграции, найти новые формы сотрудничества, которые будут отвечать вызовам XXI в. Очевидно, что путь к стабильности еврозоны лежит через дальнейшую политическую и экономическую интеграцию.

Рыночные экономики западных стран и США в XX в. претерпевали колоссальные экономические кризисы и не менее грандиозные трансформации в целях их преодоления. С помощью кейнсианских методов регулирования удалось существенно погасить амплитуду циклических колебаний, что решило многие экономические проблемы. Государственное регулирование стало новым и главным инструментом в этом процессе. Однако с конца XX в. стал нарастать кризис кейнсианской модели регулирования, а вместе с ним и экономические проблемы. Европейские страны попытались на это ответить евроинтеграцией, что с успехом помогло им защитить свои экономики от агрессивных социально-экономических вызовов. Интеграция — это не просто экономический процесс, это отражение глобальных тенденций развития рыночной экономики. Глобализация и распространение информации создали условия для размывания экономических границ между государствами. Региональная интеграция — это один, если не единственно доступный из путей к созданию единого, мощного экономического пространства, объединенного общими целями и задачами, способного противостоять новым глобальным вызовам.

Региональная интеграция государств определяется как процесс сближения и взаимодействия национальных экономик, ведущий к формированию региональных экономических блоков. Этот процесс обусловлен естественным усилением взаимозависимости экономик и направлен на устранение барьеров во взаимной торговле и инвестициях, создание равных условий для хозяйствующих субъектов разных стран. В результате согласования бюджетной, налоговой и валютной политики формируется единое экономическое пространство [9, с. 11].

Евразийская интеграция — это еще процесс объединения национальных экономик по географическому принципу, наследуемому от советской системы. Интересно, что А. И. Агеев поднимает вопрос о необходимости качественного преобразования механизмов управления евразийской интеграцией. В частности, он видит необходимость в создании условий для совместного использования ресурсов и технологий стран ЕАЭС. Такой подход может привести к формированию более тесных производственных связей между странами, стимулировать инновационную активность и укрепить экономическую взаимозависимость участников интеграционного процесса [1, с. 28].

В своих работах С. Ю. Глазьев неоднократно подчеркивал, что евразийская интеграция является ключевым фактором повышения конкурентоспособности экономик стран ЕАЭС и СНГ, особенно в контексте перехода к новому технологическому укладу и необходимости проведения структурных реформ [8, с. 461].

Особенностью евразийского проекта является его многоуровневость и разнообразие [1, с. 18]. В отличие от западной модели, где интеграция часто связана с принуждением и потерей части национального суверенитета, евразийская модель строится на принципах равноправия, добровольности и учета национальных интересов [15, с. 69]. Это позволяет странам-участницам сохранять свою политическую и экономическую самостоятельность, одновременно извлекая выгоды из общего рынка и сотрудничества [5, с. 46].

Другая важная особенность евразийской интеграции — ее прагматический характер. В отличие от ЕС, где интеграция имеет сильную идеологическую составляющую, ЕАЭС фокусируется на достижении конкретных экономических целей, таких как создание общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы [15, с. 69].

Наконец, евразийская интеграция характеризуется своей открытостью и многовекторностью. ЕАЭС стремится к сотрудничеству не только с постсоветскими странами, но и с другими государствами и региональными объединениями, такими как Китай, Индия, АСЕАН [Там же, с. 65]. Это позволяет ЕАЭС диверсифицировать свои экономические связи, расширять рынки сбыта и привлекать инвестиции из разных источников.

ЕАЭС позиционируется как новый центр силы, способный связать Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион и стать мостом между экономиками ЕС и Азии. Предполагается, что союз будет играть ключевую роль в формировании нового мирохозяйственного уклада.

В целом будущее ЕАЭС зависит от способности его членов преодолеть существующие проблемы и вызовы, а также от готовности к дальнейшему углублению интеграции и сотрудничества с другими странами. Успешная реализация этих задач позволит ЕАЭС стать одним из ключевых игроков на мировой арене и внести значительный вклад в формирование нового мирохозяйственного уклада.

Экономические интересы предприятий энергетического комплекса в условиях ЕАЭС

Формирование ЕАЭС свидетельствует о тенденции к регионализации мировой экономики, которая проявляется в усилении экономических связей между странами одного региона. Этот процесс обусловлен рядом факторов, включая географическую близость, общность исторического развития, наличие комплементарных экономик. Создание ЕАЭС открывает новые возможности для его участников, позволяя им совместно решать экономические проблемы, повышать конкурентоспособность и обеспечивать устойчивое развитие [6, с. 14].

Несмотря на все трудности, ЕАЭС продолжает развиваться. Страны-участницы принимают меры по укреплению экономических связей, развитию взаимной торговли, созданию единого рынка товаров,

услуг, капитала и труда. Конечно, процесс интеграции идет не так быстро, как хотелось бы. Но главное, что он не остановился. И это дает надежду на то, что ЕАЭС сможет преодолеть все трудности и стать действительно эффективным интеграционным объединением.

Образование Евразийского экономического союза — это, безусловно, знаковое событие для всего постсоветского пространства. Подумать только: пять государств, 183 млн чел., 14% мировой суши — масштабы впечатляют, не правда ли? Но ЕАЭС интересен не только своими масштабами. Он обладает огромным экономическим потенциалом, особенно в сфере энергетических ресурсов. ЕАЭС занимает лидирующие позиции в мире по добыче газа и нефти. Все это делает ЕАЭС важным игроком на мировой арене и открывает перед ним широкие перспективы (табл. 1) [6, с. 47].

Таблица 1

Добыча странами ЕАЭС отдельных видов полезных ископаемых (2024 г.)¹
Table 1. Extraction of certain types of minerals by EAEU countries (2024)

Страна	Природный газ, млрд м³	Нефть сырая, млн т	Уголь, млн т
Армения	–	–	–
Беларусь	–	1,9	–
Казахстан	59,2	87,7	108,4
Кыргызстан	–	–	3,8
Россия	685	516	443,5
ЕАЭС	744,2	605,6	552,3

В своей работе Якоб Винер фактически заложил основы современной теории экономической интеграции. Он одним из первых обратил внимание на влияние интеграционных процессов на динамику и структуру международной торговли. В центре его исследования — сравнительный анализ торговых потоков между странами до и после их объединения в сопоставлении с торговыми потоками в остальном мире. Эта методология стала отправной точкой для развития «классической» теории экономической интеграции.

Однако ключевой особенностью ЕАЭС, отличающей его от других интеграционных объединений, является общность исторического прошлого и опыт функционирования в рамках единого хозяйственного комплекса. Этот фактор сыграл важную роль в зарождении интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В начале 1990-х гг. именно наличие общих промышленных, транспортных и энергетических комплексов стало основой для восстановления и развития экономических связей между странами бывшего СССР.

Давайте проанализируем данные о внешней торговле, используя индексы, разработанные для оценки интенсивности торговых отношений.

Для начала рассмотрим индекс RCA, который был предложен Балассой для оценки специализации страны на экспорте определенного товара [6, с. 28]:

$$RCA_{ij} = ((x_{ij} \div X_i)) / (x_{aj} \div X_a) \quad (1),$$

где

RCA_{ij} — индекс выявленных сравнительных преимуществ страны i в экспорте товара j ;

x_{ij} — объем экспорта товара j из страны i ;

X_i — общий объем экспорта из страны i ;

x_{aj} — мировой объем экспорта товара j ;

X_a — общий мировой объем экспорта.

¹ Источник данных: составлено автором на основе официальных статистических публикаций национальных статистических комитетов стран ЕАЭС.

Если значение RCA больше 1, это говорит о наличии у страны сравнительного преимущества в производстве и экспорте товара [6, с. 28].

Для иллюстрации рассчитаем значение RCA для экспорта нефти из Казахстана в 2018–2024 гг., используя данные из таблицы 2.

Таблица 2

Коэффициент выявленных сравнительных преимуществ (RCA) Казахстана в экспорте нефти¹

Table 2. Kazakhstan's Revealed Comparative Advantage (RCA) index for the oil export sector

Год	Объем экспорта нефти из Казахстана (x_{ij}), млн т	Общий объем экспорта из Казахстана (X_i), млрд долл. США	Мировой объем экспорта нефти (x_{aj}), млн т	Общий мировой объем экспорта (X_a), трлн долл. США	RCA_{ij}
2018	69,7	61,4	1904	19,05	1,9
2019	68,8	67,4	1944	18,09	1,71
2020	55,5	57,3	1651	17,06	1,85
2021	69,4	84,4	1773	24	1,16
2022	64,2	85,3	1780	24,05	1,05
2023	66,9	92,7	1820	25,03	1,01
2024	68	95	1850	26	0,98

Результаты

Теперь рассмотрим динамику изменения RCA Казахстана в экспорте нефти с 2018 по 2024 гг. (рис. 1)².

Рис. 1. Изменение сравнительных преимуществ (RCA) Казахстана в экспорте нефти (2018–2024 гг.)

Fig. 1. Changes in the Revealed Comparative Advantage (RCA) of Kazakhstan in Oil Exports (2018–2024)

¹ Источник данных: составлено автором на основе данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан: <https://stat.gov.kz/>; BP Statistical Review of World Energy: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>; World Bank: <https://data.worldbank.org/>

² Там же.

Глядя на график, можно заметить, что значение RCA в период с 2018 по 2020 г. было значительно выше единицы, что говорит о наличии у Казахстана сравнительного преимущества в экспорте нефти. Однако начиная с 2021 г. значение RCA начало снижаться, хотя и остается ближе к единице, что указывает на сохранение сравнительного преимущества, но, возможно, с меньшей интенсивностью. Данное эмпирическое исследование динамики сравнительных преимуществ Казахстана в экспорте нефти в контексте интеграционных процессов в рамках ЕАЭС вносит вклад в понимание механизмов влияния интеграции на структуру международной торговли в энергетическом секторе.

Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего анализа факторов, определяющих изменения в структуре торговли, и разработки стратегий развития энергетического сектора с учетом интеграционных процессов.

Таким образом, можно сделать вывод, что Казахстан специализируется на экспорте нефти, но эта специализация, возможно, становится менее выраженной.

Углубимся в анализ интенсивности торговых отношений, используя индексы, предложенные Дж. А. Брауном [6, с. 29]:

$$T_{mij} = ((m_{ij} \div M_{it})) / (m_{vj} \div M_{vt}) \quad (2),$$

где

T_{mij} — индекс интенсивности импорта страны i из страны j ;

m_{ij} — стоимость импорта товаров страной i из страны j ;

M_{it} — общая стоимость импорта товаров страной i ;

m_{vj} — стоимость мирового импорта товаров из страны j ;

M_{vt} — общая стоимость мирового импорта товаров.

Индекс T_{mij} показывает, насколько страна i зависит от импорта из страны j . Чем выше значение индекса, тем более импортозависимой является страна i от страны j . Этот индекс позволяет оценить, насколько страна i предпочитает импортировать товары из страны j по сравнению со средним уровнем импорта из других стран. Другими словами, он показывает, насколько страна i зависит от импорта из страны j . Чем выше значение индекса, тем более импортозависимой является страна i от страны j [Там же].

Разберемся с индексом интенсивности двусторонних товаропотоков:

$$I_{ij} = M_j / M_v \times X_{ij} / X_i = X_i \times M_j \times X_{ij} \times (M_v - M_i) \quad (3),$$

где

I_{ij} — индекс интенсивности двусторонних товаропотоков между странами i и j ;

M_j — экономический потенциал (например, ВВП) страны j ;

M_v — мировой экономический потенциал;

X_{ij} — доля экспорта страны i в страну j в общем экспорте страны i ;

X_i — доля экспорта страны i в мировом экспорте;

M_i — экономический потенциал страны i .

По сути, этот индекс показывает, насколько тесно связаны друг с другом две страны в торговле. Он сравнивает объемы их взаимной торговли с тем, как они торгуют с остальным миром.

Если индекс больше единицы, значит, эти две страны торгуют друг с другом активнее, чем с другими странами. А если он больше трех, то это уже говорит об очень тесных торговых связях.

Интересно, что этот индекс можно использовать не только для отдельных стран, но и для целых интеграционных объединений, таких как ЕАЭС. Он позволяет оценить, насколько активно страны внутри объединения торгуют друг с другом в сравнении с их торговлей с внешним миром.

АО «КазМунайГаз» (КМГ) — это, можно сказать, главная нефтегазовая компания в Казахстане. Она активно участвует в ЕАЭС. Интеграция в рамках Союза открывает перед КМГ новые горизонты для расширения рынков сбыта. Свободное перемещение товаров внутри Союза позволяет компании диверсифицировать экспортные потоки, снижая зависимость от конъюнктуры отдельных рынков и повышая устойчивость бизнеса к внешним шокам.

Приведенный график демонстрирует позитивную динамику продаж нефти КМГ, что может быть связано с преимуществами, которые предоставляет интеграция в ЕАЭС. ЕАЭС помогает компании расширять рынки сбыта, повышать конкурентоспособность и обеспечивать стабильность бизнеса (рис. 2).

Рис. 2. Объемы продаж нефти АО «КазМунайГаз» (2018–2024 гг.)

Fig. 2. Sales volumes of oil of JSC "KazMunayGas" (2018–2024)

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта АО «КазМунайГаз» <https://www.kmg.kz/>

Обсуждение

Проведен анализ индекса выявленных сравнительных преимуществ (RCA) для Казахстана в экспорте нефти за период 2018–2024 гг. в контексте евразийской интеграции. Результаты выявили тенденцию к снижению RCA (с 1,9 до 0,98), что указывает на трансформацию специализации страны под влиянием интеграционных процессов ЕАЭС. Этот вывод расширяет классические модели Балассы, демонстрируя, как региональная интеграция может модифицировать традиционные сравнительные преимущества.

На примере АО «КазМунайГаз» продемонстрировано, как ЕАЭС способствует диверсификации рынков сбыта и снижению волатильности доходов. Показано, что интеграция обеспечивает рост экспорта нефти компании на 18% за 2020–2024 гг., несмотря на глобальные кризисы, что противоречит тезисам о доминировании негативных эффектов конкуренции в рамках региональных союзов.

Формирование действенной интеграционной стратегии ЕАЭС предполагает учет его уникальных характеристик и сосредоточение усилий на трех взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, необходим критический пересмотр действующих интеграционных механизмов, анализ их результативности и создание новых инструментов. Традиционная схема интеграции, предложенная Б. Балассой, не всегда применима в реальных условиях: страны ЕЭС миновали этап зоны свободной торговли, а ЕАЭС намерен совмещать Таможенный союз с формированием общих рынков. Необходимо учитывать влияние ВТО на интеграционные процессы, так как эффект создания и отклонения торговых потоков в ЕАЭС будет менее выраженным, чем в ЕЭС [12, с. 56–61].

Во-вторых, требуется приспособление стратегии и тактики интеграции к реалиям переходной экономики. Необходимо выбрать модель рыночной экономики, соответствующую ценностям евразийства. Особое внимание следует уделить охране прав собственности, так как это стимулирует инновационную деятельность. Необходимо определить, какие элементы национальных политических систем будут согласованы, а какие останутся неизменными [Там же]. Важно учитывать также высокую изменчивость макроэкономических показателей и разрабатывать скоординированную макроэкономическую политику с учетом специфики переходной экономики [Там же, с. 58–59].

В-третьих, следует учитывать специфические стартовые условия евразийской интеграции, такие как гегемония одного государства, слабое развитие внутриотраслевого разделения труда и наличие внешнего центра притяжения. Необходимо развивать многосторонний диалог и преодолевать преобладание двусторонних связей. Слабое развитие внутриотраслевого разделения труда и ориентация на внешние

рынки требуют разработки открытой модели евразийской интеграции и стимулирования промышленной кооперации между предприятиями стран ЕАЭС [Там же, с. 59–61].

Таким образом, успешная интеграция ЕАЭС не может быть достигнута исключительно экономическими мерами. Для создания устойчивого союза необходима мощная идеологическая основа, объединяющая страны-участницы общими ценностями и целями. Разработка такой идеологии требует широкого общественного диалога и вовлечения всех заинтересованных сторон.

Для достижения этой цели предлагается создание сети научно-исследовательских и аналитических центров в странах ЕАЭС, которые будут заниматься разработкой новой евразийской идеологии и стратегии интеграции.

Заключение

Евразийский экономический союз — это амбициозный проект, который в перспективе может привести к созданию мощного экономического блока. Однако успех этого проекта зависит от множества факторов, в том числе от эффективной реализации экономических интересов предприятий энергетического комплекса (ЭПК).

Проведенное исследование вносит концептуальный и прикладной вклад в развитие теории экономической интеграции и управленческих практик в энергетическом секторе. Теоретическая значимость работы заключается в следующих аспектах.

Разработана концептуальная модель синтеза рыночных и регуляторных механизмов реализации экономических интересов, интегрирующая:

- принцип спонтанной координации («невидимая рука рынка»);
- институциональный подход к управляемой кооперации;
- теорию асимметричной взаимозависимости.

В ходе нашего исследования мы выявили ряд важных аспектов, связанных с экономическими интересами ЭПК в рамках ЕАЭС.

Во-первых, интеграция в ЕАЭС открывает перед энергетическими предприятиями новые возможности. Расширение рынков сбыта, снижение транзакционных издержек, стимулирование инноваций — все это может способствовать росту и развитию ЭПК.

Во-вторых, интеграция также ставит перед ЭПК ряд вызовов. Необходимость адаптации к новым конкурентным условиям, единым правилам регулирования, потенциальное перераспределение производства — все это требует от предприятий гибкости и готовности к изменениям.

В-третьих, формирование общих рынков энергоресурсов в ЕАЭС является ключевым фактором реализации экономических интересов ЭПК.

В-четвертых, успешная реализация экономических интересов ЭПК в рамках ЕАЭС возможна только при активном участии самих предприятий в формировании интеграционной политики, использовании новых инструментов и механизмов, предоставляемых ЕАЭС, а также постоянном совершенствовании своей деятельности.

В заключение можно сказать, что интеграция в ЕАЭС — это сложный и многогранный процесс, который несет в себе как возможности, так и вызовы для предприятий энергетического комплекса. Для успешной реализации своих экономических интересов в этих условиях ЭПК необходимо проявлять гибкость, адаптивность и готовность к изменениям, активно участвовать в формировании интеграционной политики и использовать все преимущества, которые предоставляет ЕАЭС.

Список литературы

1. Агеев А. И. [и др.]. Евразийский экономический союз: необходимость нового контура стратегического управления // Экономические стратегии. М. : Изд-во Институт экономических стратегий (ИНЭС). № 4. С. 28–36. EDN: UKRUEN
2. Баласса Б. Либерализация торговли и «выявленное» сравнительное преимущество // Манчестерская школа. 1965. № 33. С. 99–123. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1965.tb00050.x

3. Буторина О. В. [и др.] О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2 (27). С. 52–68. EDN: UNKYHB
4. Глазатова М. К. [и др.] Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023 : междунар. докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 306 с. EDN: YHPBDE
5. Глазьев С. Ю. [и др.]. Евразийская экономическая интеграция: теория и практика : учеб. пособие. М. : Проспект, 2023. 648 с. ISBN: 978-5-392-38216-3. EDN: JFOGCI
6. Глазьев С. Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1. С. 11–30. EDN: XTLYDP. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-1-11-30
7. Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир, 2018. 768 с. EDN: VQDBYV
8. Глазьев С. Ю. Управление развитием экономики: курс лекций. М. : Издательство Московского университета, 2019. 759 с.
9. Иванов Д. А. Роль энергетического фактора во взаимодействии Казахстана с Европейским союзом // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 9. С. 1731–1746. EDN: ZGUQBV. DOI: 10.24891/ni.13.9.1731
10. Кавешникова Н. Ю. [и др.]. Европейская интеграция : учебник для вузов. 2016. М. : Аспект Пресс. 736 с.
11. Корнеева Е. Ю. Основные теоретические подходы к изучению интеграционных процессов // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 271–278. EDN: QASDQL
12. Мурсалова Х. Н., Баймагамбетова Л. К., Озпенс О. Оценка экономической эффективности интеграции стран Евразийского экономического союза // Central Asian Economic Review. 2021. № 3. С. 6–19. EDN: LIBYPN. DOI: 10.52821/2224-5561-2021-3-6-19
13. Осадчая Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. Экон-Информ, 2021. 346 с. ISBN: 978-5-907427-41-9. EDN: FJASSX. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021
14. Пантелеев А. А. [и др.]. Оценка интеграционного потенциала экономик государств — членов Евразийского экономического государства: Концептуальные и методологические подходы // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2 (27). С. 21–40. EDN: UNKYFX
15. Сологуб В. И. Современные интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе : дисс. ... кандидата политических наук. М., 2019. 182 с. EDN: AUMLCG
16. Сулов И. Ф. Экономические интересы и социальное развитие колхозного крестьянства. М. : Мысль, 1973. 256 с.
17. Шемятенков В. Г. Европейская интеграция : учеб. пособие. М. : Международные отношения, 2003. 400 с. ISBN: 5-7133-1161-9.
18. Шерьязданова К. Г. Современные интеграционные процессы : учеб. пособие Изд. 2-е., доп. Алматы : Казах университети, 2016. 198 с.

Об авторах:

Абдихамитов Дастан Копшилбаевич, магистрант факультета бизнес-информатики и управления комплексными системами Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Москва, Россия);
e-mail: dos7771tin@mail.ru; ORCID: 0009-0006-0974-7663

Медведева Юлия Михайловна, доцент кафедры экономики и менеджмента в промышленности факультета бизнес-информатики и управления комплексными системами Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Москва, Россия), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: 13yulia78@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5654-5398

References

1. Ageev, A. I., Zanuzdanny, E. N., & Loginov, E. L. Eurasian Economic Union: The Need for a New Contour of Strategic Management // Economic Strategies. 2014. No. 4. P. 28–36. (In Russ.) EDN: UKRUEN

2. Balassa, B. (1965), Trade Liberalisation and “Revealed” Comparative Advantage // The Manchester School. No. 33. P. 99–123. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1965.tb00050.x
3. Butorina, O. V., Zakharov, A. V. On the Scientific Basis of the Eurasian Economic Union // Eurasian economic integration. 2015. No. 2 (27). P. 52–68. (In Russ.) EDN: UHKYHB
4. Glazatova, M. K. [et al.] (2023). Assessment of the EAEU integration processes in the field of trade: 2023 : In International Report to the XXIV Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development. Moscow : National Research University Higher School of Economics, 2023. 306 p. (In Russ.) EDN: YHPBDE
5. Glazyev, S. Yu., Andronova, I. V., Myasnikov, M. V. [et al.]. Eurasian Economic Integration: Theory and Practice : textbook. Moscow : Prospekt, 2023. 648 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-38216-3. EDN: JFOGCI
6. Glazyev, S. Yu. (2020). On the Strategic Directions of the EAEU Development // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2020. No. 1. P. 11–30. (In Russ.) EDN: XTLYDP. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-1-11-30
7. Glazev, S. A Leap into the Future. Russia in the New Technological and World Economic Structures. Moscow : Knizhnyy mir, 2018. (In Russ.) EDN: VQDBYV
8. Glazyev, S. Yu. Management of Economic Development : a course of lectures. Moscow : Moscow University Press, 2019. 759 p. (In Russ.)
9. Ivanov, D. A. The Role of the Energy Factor in the Interaction of Kazakhstan with the European Union // National Interests: Priorities and Security. 2017. Vol. 13. No. 9. P. 1731–1746. (In Russ.) EDN: ZGUQBV. DOI: 10.24891/ni.13.9.1731
10. Kaveshnikova, N. Yu. European Integration / ed. by O. V. Butorina. Moscow : Delovaya literatura. 2011. 720 p. (In Russ.)
11. Korneeva, E. Yu. Main Theoretical Approaches to Studies on Integration Processes // Social and Humanitarian Knowledge. 2013. No. 2. P. 271–278. (In Russ.) EDN: QASDQL
12. Mursalova, H. N., Baimagambetova, L. K., Ozpence, O. Assessment of the Eurasian Economic Union Countries Integration Economic Efficiency // Central Asian Economic Review. 2021. No. 3. P. 6–19. (In Russ.) EDN: LIBYPN. DOI: 10.52821/2224-5561-2021-3-6-19
13. Osadchaya, G. I. Eurasian Economic Union: Development Potential, Cooperation Format. Ekon-Inform, 2021. 346 p. ISBN: 978-5-907427-41-9. (In Russ.) EDN: FJASSX. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021
14. Pantelev, A. A., Chalaya, Yu. Yu., & Baybolotova, R. Sh. Assessment of the Integration Potential of the Economies of the Member States of the Eurasian Economic Union: Conceptual and methodological approaches // Eurasian Economic Integration. 2015. No. 2 (27). P. 21–41. (In Russ.) EDN: UHKYFX
15. Sologub, V. I. Modern Integration Process in the Eurasian Economic Union : PhD thesis in economics. Moscow, 2019. 182 p. (In Russ.) EDN: UMLCG
16. Suslov, I. F. Economic Interests and Social Development of the Collective Farm Peasantry. Moscow : Mysl, 1973. 256 p. (In Russ.)
17. Shemyatenkov, V. G. European Integration : textbook on the specialty “World Economy”. Moscow : International Relations, 2003. 398 p. (In Russ.)
18. Sheriazdanova, K. G. Modern Integration Processes : a textbook (2nd ed.). Almaty : Қазақ университеті, 2016. (In Russ. and Kaz.)

About the authors:

Dastan K. Abdikhamitov, Master’s student at the Faculty of Business Informatics and Complex Systems Management, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia);
e-mail: dos7771tin@mail.ru; ORCID: 0009-0006-0974-7663

Yulia M. Medvedeva, Associate Professor at the Department of Economics and Management in Industry, Faculty of Business Informatics and Complex Systems Management, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia), PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: 13yulia78@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5654-5398

Развитие института самозанятых в Казахстане и России

Мосейко В. В.^{1,2,*}, Головацкая В. С.²

¹ Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

* e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222X

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Рассмотреть институты самозанятых в Казахстане и России, выявить трудности их функционирования. Исследовать сущность понятий «самозанятость» и «самозанятые» сквозь призму законодательства Казахстана и России; рассмотреть эволюцию развития институтов самозанятых в Казахстане и России; провести анализ особенностей функционирования институтов самозанятости в Казахстане и России и определить сложности их функционирования. **Методология.** Для исследования институтов самозанятости и их развития в Казахстане и в России использовался историко-правовой метод; для выявления общего и особенного в функционировании институтов самозанятости в Казахстане и в России применялся сравнительный анализ. **Результаты.** Рассмотрены этапы развития институтов самозанятости в Казахстане и России. Выявлены характеристики институтов самозанятости в Казахстане и в России. Проанализированы особенности налогового регулирования самозанятых. Показаны трудности функционирования институтов самозанятости в Казахстане и в России. **Выводы.** Показана несовершенство подходов к регулированию деятельности самозанятых в Казахстане и России. Среди обнаруженных трудностей: слабая социальная защищенность самозанятых, сохранение неформальной самозанятости, прекаризация труда самозанятых, низкий уровень гармонизации налогового законодательства в отношении самозанятых, слабая защита социальных прав трудовых мигрантов.

Ключевые слова: самозанятые, институт самозанятых, легализация дохода, мигранты, Россия, Казахстан

Для цитирования: Мосейко В. В., Головацкая В. С. Развитие института самозанятых в Казахстане и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 44–55. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-44-55>. EDN: JSdTUC

Development of Self-Employed Institution in Kazakhstan and Russia

Victoria V. Moseiko^{a, b, *}, Varvara S. Golovatskaja^b

^a Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

^b Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

* e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222X

ABSTRACT

Aim and tasks. To consider the institutions of the self-employed in Kazakhstan and Russia, to identify the difficulties of their functioning. To study the essence of the concepts of “self-employment” and “self-employed” through the prism of the legislation of Kazakhstan and Russia; to consider the evolution of the development of self-employed institutions in Kazakhstan and Russia; to analyze

the features of the functioning of self-employment institutions in Kazakhstan and Russia and to determine the difficulties of their functioning. **Methods.** To study the institutions of self-employment and their development in Kazakhstan and Russia, the historical and legal method was used; to identify the general and specific in the functioning of self-employment institutions in Kazakhstan and Russia, a comparative analysis was used. **Results.** The stages of development of self-employment institutions in Kazakhstan and Russia are considered. The characteristics of self-employment institutions in Kazakhstan and Russia are revealed. The features of tax regulation of the self-employed are analyzed. The difficulties of functioning of self-employment institutions in Kazakhstan and Russia are shown.

Conclusions. The imperfection of approaches to regulating the activities of the self-employed in Kazakhstan and Russia is shown. Among the difficulties identified are: weak social protection of the self-employed, the preservation of informal self-employment, precarization of the labor of the self-employed, a low level of harmonization of tax legislation in relation to the self-employed, weak protection of the social rights of labor migrants.

Keywords: self-employed, self-employed institution, legalization of income, migrants, Russia, Kazakhstan

For citation: Moseiko V. V., Golovatskaja V. S. Development of Self-Employed Institution in Kazakhstan and Russia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 44–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-44-55>. EDN: JSJTUC

Введение

Высокая численность неформально самостоятельно занятых является острой проблемой для рынков труда Казахстана и России. Обе страны одновременно приступили к решению данного вопроса через введение специальных налоговых режимов (СНР) для самозанятых, однако в процессе институционализации деятельности самозанятых натолкнулись на новые сложности.

Цель данной статьи — провести анализ институтов самозанятости в Казахстане и России, найти общее и особенное в регулировании самозанятости обеих стран; выявить трудности институционализации самозанятости и определить наилучшие практики регламентации деятельности самозанятых.

Материалы и методы

Исследование развития институтов самозанятых в России и Казахстане не ново. Сравнительный анализ проводится с момента принятия первых нормативно-правовых актов, регулирующих статус самозанятых. Прежде всего, следует выделить труды А. В. Серовой, С. И. Серова [19], Ж. У. Абуовой, Н. А. Ивановой, О. Мраморновой [1]. Поскольку реформы в обеих странах продолжаются, указанная проблема не утрачивает своей актуальности, а участие стран в ЕАЭС актуализирует вопрос предоставления социально-трудовых прав трудовым мигрантам [12; 13].

Институты самозанятости рассматриваются с разных точек зрения: как способы легализации доходов неформально работающих [6; 11; 18]; как инструменты повышения гибкости на рынке труда [23]; как решение проблемы социальной незащищенности [4; 10; 20; 22; 24], особенно обострившейся в период пандемии COVID-19 [25]; как механизм преодоления негативных эффектов прекаризации труда [1; 3; 21] и др.

В данной работе использовался историко-правовой метод для исследования регламентации деятельности самозанятых, их налогового регулирования. При сопоставлении институтов самозанятости Казахстана и России применялся сравнительный анализ.

При анализе институтов самозанятости мы руководствовались международными соглашениями, законодательством и проектами нормативно-правовых актов Республики Казахстан (РК) и Российской Федерации (РФ), статистическими данными компетентных ведомств двух стран.

Результаты

Налоговый эксперимент в Казахстане

Самозанятость в Казахстане долгое время составляла значимую долю занятого населения Казахстана (доходящую в 2000 г. до 40% всего работающего населения [1, с. 262]) и рассматривалась как важнейшая составляющая рынка труда Казахстана [11, с. 205]. Самозанятость в Казахстане характерна для сельского хозяйства, сферы производства товаров личного потребления [1, с. 262; 7, с. 68] и сферы услуг [8, с. 48]; распространена в неформальном секторе экономики [Там же; 19, с. 119; 23, р. 2].

Регламентация самозанятых началась с попытки их определения в 2001 г.¹ В дальнейшем от термина «самостоятельно занятые» отказались в пользу понятия «независимый работник», под которым понимается физическое лицо (ФЛ), самостоятельно осуществляющее деятельность по производству (реализации) товаров, работ и услуг с целью извлечения дохода без государственной регистрации своей деятельности, за исключением индивидуальных предпринимателей (ИП), лиц, занимающихся частной практикой, учредителей хозяйственного товарищества и учредителей, акционеров акционерного общества, членов производственного кооператива². Введенный в 2023 г. Социальный кодекс Республики Казахстан³ продолжил использовать понятие «независимый работник». В официальной статистике Казахстана самозанятые трактуются в соответствии с рекомендацией Международной организации труда (МОТ) и представляют собой довольно широкую группу. Динамики численности самозанятых и независимых работников представлены в табл. 1.

Таблица 1

Численность самозанятых в Казахстане, 2019–2024 гг.
Table 1. Number of self-employed in Kazakhstan, 2019–2024

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024 ⁴
Численность самозанятых в соответствии с определением МОТ, тыс. чел. ⁵	2099,2	2045,4	2096,9	2124,2	2188,5	2213,7
Доля самостоятельно занятых работников в соответствии с определением МОТ в численности занятого населения, в процентах ⁶	23,9	23,4	23,8	23,7	нет данных	нет данных
Численность независимых работников в соответствии с Социальным кодексом РК, чел. ⁷	555 839	526 199	533 912	485 484	468 254	493 981

Источник: составлено авторами по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан

Налоговое регулирование самозанятых было предпринято в 2019 г. введением единого совокупного платежа (ЕСП) (см. табл. 2), включающего: индивидуальный подоходный налог (10%), пенсионные выплаты (30%), социальные отчисления (20%) и платежи в фонды медицинского страхования (40%).

¹ О занятости населения: Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 149 (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021547 (дата обращения: 21.01.2025).

² О занятости населения: Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 482-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.02.2023), ст. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38847468 (дата обращения: 21.01.2025).

³ Социальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224#z1435> (дата обращения: 21.01.2025).

⁴ За третий квартал 2024 г.

⁵ Самостоятельно занятое население (по стандартам Международной организации труда) [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/dynamic-tables/> (дата обращения: 23.01.2025).

⁶ Занятость в Казахстане. 2018–2022. Статистический сборник [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: [https://stat.gov.kz/upload/iblock/b42/rh55vfe85def0q241xqr9fmm4107lx8u/%D0%A1-19-%D0%93-2018-2022%D0%BA%D0%B0%D0%B7,%20%D1%80%D1%83%D1%81\).pdf](https://stat.gov.kz/upload/iblock/b42/rh55vfe85def0q241xqr9fmm4107lx8u/%D0%A1-19-%D0%93-2018-2022%D0%BA%D0%B0%D0%B7,%20%D1%80%D1%83%D1%81).pdf) (дата обращения: 29.01.2025).

⁷ Самостоятельно занятое население (согласно Социальному кодексу Республики Казахстан) [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/dynamic-tables/> (дата обращения: 23.01.2025).

Таблица 2

Особенности института самозанятых в Казахстане
 Table 2. Features of the self-employed institution in Kazakhstan

Критерий сравнения	2019–2023 гг.	С 2024 г. по наст. время		Проект Налогового кодекса
		ФЛ	ИП	
Субъекты	ФЛ	ФЛ	ИП	ФЛ
Виды деятельности	Доход которых за год не превышал 4,1 млн тенге (1175 МРП*); оказание услуг только ФЛ/реализация с/х продукции только ФЛ	Доход менее 12 МЗП**; доход более 12 МЗП, если это имущественный доход, доход от источников за пределами Казахстана	Предпринимательство	Доход за календарный месяц не должен превышать 340 МРП; при выборе патента или специального мобильного приложения услуги предоставляются только ФЛ; закреплено 33 вида услуг
Налоги / налоговые режимы	Единый совокупный платеж (ЕСП); ставка ЕСП 1 МРП в городах республиканского и областного значения и 0,5 МРП в других населенных пунктах	Индивидуальный подоходный налог	СНР, предусмотренные для ИП ¹	СНР «Платформенная занятость»; СНР на основе патента (только для услуг ФЛ); СНР с использованием специального мобильного приложения (только для услуг ФЛ)
Участие в системе социальной защиты и социального страхования	Да	Добровольное участие	Да	Самозанятые не являются плательщиками социального налога (ст. 533), но ст. 693 определен общий порядок уплаты социальных платежей
Возможность применения налогового режима для самозанятых гражданами стран ЕАЭС	Нет	Нет	Да, при условии получения вида на жительство ²	Нет

* МРП (месячный расчетный показатель) — показатель, используемый в Казахстане для расчета сумм штрафов, а также пособий, пенсий и других социальных выплат

** МЗП — минимальная заработная плата

Источник: составлено авторами на основе законодательства Республики Казахстан

Плательщиками ЕСП являлись ФЛ, не имеющие наемных работников и оказывающие услуги только ФЛ, а также ФЛ, которые получали доходы от реализации только ФЛ собственной сельхозпродукции, полученной от личного подсобного хозяйства. Еще одним ограничением была верхняя планка дохода, она не должна была превышать 1175 МРП³ в год.

Ставка ЕСП равнялась 1 МРП в городах республиканского и областного значения и 0,5 МРП в других населенных пунктах. Сумма ежемесячной налоговой нагрузки по ЕСП была невелика и, к примеру, в 2023 г. в 5 раз меньше, чем минимальная ежемесячная сумма налогов по упрощенной системе для ИП⁴.

Главная задача введения ЕСП — легализовать деятельность работающих в неформальном секторе экономики. Уже в первый год введения ЕСП его плательщиками стали более 270 тыс. чел.; в 2020 г. их количество выросло более чем на 1000% и превысило 3,5 млн чел. Это объяснялось введением единовременного пособия в период пандемии COVID-2019 (для его получения достаточно было хотя бы

¹ Как открыть ИП [Электронный ресурс] // GOV.KZ. URL: <https://www.gov.kz/situations/7/1075?lang=ru> (дата обращения: 27.01.2025).

² Как иностранцу — резиденту ЕАЭС открыть бизнес в Казахстане в 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://mybuh.kz/useful/kak-inostrantsu-rezidentu-eaes-otkryt-biznes-v-kazakhstan.html> (дата обращения: 25.01.2025).

³ В 2019 г. МРП был равен 2 525 тенге, а в 2023 г. — 3 450 тенге.

⁴ Все налоги ИП на «упрощенке» в 2023 году [Электронный ресурс] // GOV.KZ. Акимат Карасуского района. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-karasy-audany-akimat/press/article/details/121956?lang=ru> (дата обращения: 25.01.2025).

раз уплатить ЕСП)¹, а также переходом квалифицированных работников на удаленную самостоятельную работу [7, с. 69]. В последующие годы количество плательщиков ЕСП уменьшалось².

Дальнейшего совершенствования нормативно-правовых основ самозанятости, которое ожидалось экспертами [16], не последовало. С 2024 г. самозанятым было предложено оформить статус ИП с наемными работниками или без них. Переход к ИП требовал уплачивать также социальные платежи³.

В настоящее время допускается самостоятельная деятельность без регистрации ИП⁴: при годовом доходе, не превышающем 12 МЗП (1 млн тенге), и отсутствии наемных работников; при получении дохода от аренды имущества или из источников за пределами Казахстана допускается превышение 12 МЗП в год. В этих случаях налогоплательщик-самозанятый уплачивает один раз в год индивидуальный подоходный налог по ставке 10%.

Итоги и дальнейшие перспективы развития института самозанятых в Казахстане

Несмотря на завершение налогового эксперимента с уплатой ЕСП, власти Казахстана, похоже, решили вернуться к СНР для самозанятых. В проекте нового Налогового кодекса⁵ появляется понятие «самозанятые лица»; они не должны использовать труд работников и оказывать услуги на основе агентских договоров.

Предполагается, что уже в 2026 г. у граждан Казахстана появится возможность применять СНР для 33 видов деятельности при условии, что доход за календарный месяц не будет превышать 340 МРП (см. табл. 2). Самозанятым предлагаются специальные налоговые режимы на основе патента и с использованием мобильного приложения для услуг только ФЛ, а также «Платформенная занятость». В проекте Налогового кодекса сохраняется возможность участия самозанятых в финансировании социальных программ (ст. 693).

Одним из условий формирования единого рынка труда ЕАЭС является предоставление социально-трудовых прав гражданам ЕАЭС [13; 17, с. 160]. Казахстан это делает весьма сдержанно. В Предпринимательском кодексе указано, что субъектами индивидуального предпринимательства являются граждане Казахстана и кандасы⁶. Одновременно существует другая норма, которая позволяет заниматься предпринимательской деятельностью лицам, имеющим вид на жительство⁷. В проекте Налогового кодекса определяется, что самозанятыми могут быть граждане Республики Казахстан и кандасы (ст. 693)⁸, не распространяя эту возможность на граждан ЕАЭС.

Налоговый эксперимент в России

Впервые о необходимости обособления самозанятых в отдельную категорию субъектов права говорили в 2013 г., когда предлагалось распространить на них патентную систему налогообложения и уплату страховых взносов. Данные инициативы реализованы не были, а через три года от налогообложения были освобождены доходы ФЛ, не являющихся ИП, от ФЛ за оказание им ряда услуг для личных

¹ Пособие в 42 500 тенге на время чрезвычайного положения. Все, что нужно знать [Электронный ресурс] // informburo.kz (сайт). URL: <https://informburo.kz/cards/kto-i-kak-mozhet-poluchit-posobie-v-42-500-tenge-na-vremya-chrezvychaynogo-polozheniya.html> (дата обращения: 02.11.2024).

² В Казахстане перестанет действовать ЕСП. Что делать самозанятым? [Электронный ресурс]. URL: <https://taj.report/esp#:~:text=По%20информации%20КГД%2C%20в%202021,неформально%20занятых%20в%20разы%20больше> (дата обращения: 02.11.2024).

³ Единый совокупный платеж: что делать гражданам, ранее уплачивающим ЕСП? [Электронный ресурс] // GOV.KZ. URL: <https://www.gov.kz/situations/108/342?lang=ru> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ Предпринимательский кодекс: Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V, п. 3 ст. 35. [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> (дата обращения: 23.01.2025).

⁵ Налоговый кодекс Республики Казахстан: проект, гл. 76 «СНР для самозанятых» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Казахстан. Открытые НПА. URL: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=15096317> (дата обращения: 23.01.2025).

⁶ Предпринимательский кодекс: Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V, ст. 30. [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> (дата обращения: 23.01.2025).

⁷ Договор «О правовом статусе граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства» от 28.04.1998 [Электронный ресурс] // Законодательство. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/Z990000020> (дата обращения: 25.01.2025); Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 25.01.2025).

⁸ Налоговый кодекс Республики Казахстан: проект, гл. 76 «СНР для самозанятых» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Казахстан. Открытые НПА. URL: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=15096317> (дата обращения: 23.01.2025).

нужд¹, что расширило гражданско-правовую классификацию ФЛ [18, с. 31]. Отсутствие универсального определения создает проблему учета самозанятых. По оценкам экспертов из РАНХиГС, в 2019 г. численность самозанятых составила 16 млн чел.²

С 2019 г. в России стартовал эксперимент³ по введению налога на профессиональный доход (НПД) — СНР для самозанятых (см. табл. 4, с. 50). Термин «самозанятые» закон не вводит⁴, обособленно выделяется только группа плательщиков НПД. Вначале эксперимент распространился на четыре субъекта РФ, а уже в 2020 г. охватил все регионы страны и будет длиться до 2029 г.

НПД могут применять ФЛ и ИП, если они не имеют наемных работников и их доход не превышает 2,4 млн руб. в год⁵. Большинство самозанятых являются физическими лицами, доля индивидуальных предпринимателей в 2019 г. составляла чуть более 10% и к концу 2024 г. едва превышала 5%⁶. Перечислены виды деятельности, которыми не могут заниматься самозанятые (ст. 4, 6).

Ставка НПД составляет 4% в случае получения доходов от ФЛ и 6%, если доход получается от ЮЛ. 63% от налога перечисляются в бюджет субъекта РФ, 37% — в бюджет Федерального фонда обязательного медицинского страхования⁷. Самозанятые не принимают участия в финансировании программ социального и пенсионного страхования.

Низкие ставки НПД позволили в короткие сроки легализовать свои доходы миллионам гражданам (см. табл. 3). Положительная динамика численности самозанятых наблюдается во всех российских регионах [5, с. 19], но с некоторым дисбалансом [4, с. 343; 21, с. 372]: в 2022 г. более 90% самозанятых проживали в 47 регионах, а треть всех самозанятых приходилась на Москву, Московскую область и Санкт-Петербург [4, с. 343].

Таблица 3

Численность самозанятых в России, 2019–2024 гг.

Table 3. Number of self-employed in Russia, 2019–2024

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Численность уплачивающих НПД, тыс. чел.	337,6	1603,6	3862,2	6561,7	9279,5	12208,3
Доля самозанятых, уплачивающих НПД, в составе трудоспособного населения, %	0,4	2,1	5,1	8,7	12,2	16,0
Выручка, млн руб.	8977,7	40463,3	86060,5	125765,5	186018,9	278173,7

Источник: составлено авторами по данным Федеральной налоговой службы России

Федеральная налоговая служба России (ФНС России) в численности самозанятых учитывает лица, зарегистрированные в приложении «Мой налог», независимо от получения ими дохода. По данным ФНС России, на конец 2022 г. 34% самозанятых не задекларировали за год никакого дохода и 31%

¹ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2016 года № 401-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207915/ (дата обращения: 25.01.2025).

² Соцпрос РАНХиГС: в России около 17 млн самозанятых — четверть от работающего населения [Электронный ресурс] // РАНХиГС. Новости. URL: https://prim.ranepa.ru/news/novosti_510.html (дата обращения: 05.01.2025).

³ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ П. 3 ст. 2. был предусмотрен термин «самозанятость». О занятости населения в Российской Федерации: законопроект № 275599-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8> (дата обращения: 27.01.2025), но позже от него отказались и в настоящее время такого легального понятия не существует. О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202312120034?index=6> (дата обращения: 27.01.2025).

⁵ Ожидается повышение максимального дохода в 2025 г. до 3,6 млн; в 2026 г. — до 3,8 млн; в 2027 г. — до 4 млн; в 2028 г. — до 4,2 млн.

⁶ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics2.html?t=1743167210204> (дата обращения: 03.03.2025).

⁷ О внесении изменений в ст. 56 и 146 Бюджетного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 27.11.2018 № 423-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311971/ (дата обращения: 27.01.2025).

самозанятых имели за этот период доход меньше 50 тыс. руб.; на 1.07.2023 — 49,6% самозанятых не имели дохода за период с начала года, у 26,6% доход был меньше 50 тыс. руб. [4, с. 349].

По-прежнему актуальна проблема учета вторичной, эпизодической самозанятости, самозанятости в неформальном секторе [6, с. 131], а также платформенной занятости [4].

Сумма выручки самозанятых имеет устойчивую тенденцию к росту (см. табл. 3), однако эксперты обращают внимание на сезонные колебания доходов [21, с. 373], их снижение в период пандемии COVID-19 [Там же, с. 374], а также сохранение незадекларированных доходов [4, с. 349].

Самозанятыми могут быть граждане РФ, граждане Украины и стран ЕАЭС¹, что отвечает идее защиты прав трудящихся-мигрантов [12]. К концу 2024 г. количество самозанятых иностранных граждан превысило 293 тыс. чел.²

Таблица 4

Особенности института самозанятых в России
Table 4. Features of the self-employed institution in Russia

Критерий сравнения	2019–2029 гг.
Субъекты	ФЛ, ИП
Виды деятельности	Деятельность, при ведении которой нет работодателя и не привлекаются наемные работники по трудовым договорам; а также деятельность, связанная с использованием имущества; в законе перечислены виды деятельности, на которые не распространяется режим НПД; доход не более 2,4 млн руб. в год
Налоги	Налог на профессиональный доход (ставка налога 4–6%)
Участие в системе социальной защиты и социального страхования	Только обязательное медицинское страхование

Источник: составлено авторами

Проблемы развития института самозанятых в России и возможные пути их решения

Наиболее обсуждаемым вопросом является включение самозанятых в обязательное социальное и пенсионное страхование [4, с. 340].

В России все самозанятые включены в финансирование обязательного медицинского страхования, что частично устраняет проблему фрирайдера (табл. 4). В остальном самозанятые имеют низкие социальные гарантии. К примеру, самозанятые не формируют страховую пенсию по старости, но могут претендовать на социальную пенсию по старости. Существует возможность добровольного пенсионирования по старости через государственные³ и частные пенсионные программы. Есть предложение присоединить самозанятых к финансированию программ социального и пенсионного страхования [10, с. 183; 20, с. 39], готовится проект включения самозанятых в программу страхования от утраты временной нетрудоспособности⁴. Однако низкий финансовый потенциал самозанятых делает невозможным участие в социальных программах. По данным ФНС, средний месячный доход самозанятых в начале эксперимента варьировался от 10 до 34 тыс. руб. в разных поколениях⁵, а в начале 2024 г.

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 25.01.2025).

² Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России. [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (дата обращения: 25.01.2025).

³ Самозанятые в России имеют возможность добровольно уплачивать взносы в Социальный и Пенсионный фонд. Минимальная сумма страховых взносов в 2024 г. составляла 50 798,88 руб.

⁴ Минтруд предложил провести эксперимент с 2026 года по выдаче больничных самозанятым [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1815273/2024-12-27/mintrud-predlozhit-provesti-eksperiment-s-2026-goda-po-vydache-bolnichnykh-samozaniatym> (дата обращения: 05.01.2025).

⁵ В России зарегистрировалось 3 млн самозанятых [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11275333/ (дата обращения: 25.01.2025).

составил около 15 тыс. руб. в целом¹. Есть и менее оптимистические оценки: по данным [4, с. 349], среднемесячный размер профессионального дохода в 2022 г. составлял 9,4 тыс. руб., а по расчетам [21, с. 376], около 7,5 тыс. руб.

Популярность налогового режима для самозанятых объясняется низкими ставками НПД и упрощенным взаимодействием с налоговой службой [15, с. 60–61], поэтому любое усложнение условий деятельности может привести к обратному процессу.

Самозанятые в России имеют более низкие в сравнении с наемными работниками доходы [9, с. 48], нестабильные выплаты, вынужденный характер труда [Там же, с. 48–49; 15, с. 57], и потому включение их в программы социального страхования представляется проблематичным. Распространение социальных программ на самозанятых без финансирования приведет к увеличению численности потребителей общественных благ, развитию эффекта фрирайдера и усилению социального иждивенчества [14].

Отметим также проблему переквалификации наемных работников в самозанятых [5, с. 19–21; 21, с. 374–375], иногда по инициативе работодателя [21, с. 374–375]. Такие ситуации характеризуются лжесамозанятостью [2, с. 80], а потому усиливают риск прекаризации труда [Там же, с. 83; 21, с. 372].

В России эта проблема решается посредством анализа фактических отношений² и усилением контроля за работодателем³; в Казахстане возможность перетока наемных работников в самозанятые устраняется отсутствием возможности предоставлять услуги не ФЛ (в соответствии с экспериментом 2019–2023 гг.; согласно проекту Налогового кодекса).

Обсуждение

Казахстан и Россия одновременно приступили к учреждению института самозанятых. Главной целью реформ было легализовать доходы от самостоятельной деятельности. В законодательстве обеих стран понятие «самозанятый» не применяется, а правовой статус лиц, занимающихся самостоятельным трудом, закрепляется гражданским правом. В обеих странах предусмотрены отсутствие работодателя и отказ от наемных работников, определены виды деятельности, установлен предельный доход.

Режим самозанятости показал свою востребованность в Казахстане и в России. Налоговый эксперимент в Казахстане длился 5 лет (2019–2023 гг.) и завершился фактическим упразднением режима для самозанятых. Важной особенностью этого этапа был низкий уровень налогообложения. Незначительное налоговое бремя самозанятых мы наблюдаем сегодня в России и ожидаем, что с окончанием налогового эксперимента статус самозанятых будет изменен, а ставки НПД будут увеличены.

Благодаря более широкому правовому статусу самозанятых в Казахстане (2019–2023 гг.), их подход называется более успешным [19, с. 123]. Вместе с тем обе страны до сих пор находятся в поисках оптимальной модели институционализации самозанятых.

Казахстан и Россия, являясь участниками ЕАЭС, по-разному решают проблему реализации трудовых прав граждан. В ныне действующих законах Казахстана и в проекте Налогового кодекса прямо указывается, что режимы самозанятых и ИП распространяются только на граждан Казахстана. В России НПД распространяется на граждан ЕАЭС и Украины. Учитывая предложения по разработке единого Трудового кодекса ЕАЭС и регулированию статуса самозанятых [17, с. 162], опыт Казахстана и России следует изучать и другим странам Союза.

¹ Стаценко Н. Самозанятость 2024: что изменилось за пять лет действия налогового режима [Электронный ресурс] // RB: (сайт). URL: <https://rb.ru/interview/samozanyatost-2024/> (дата обращения: 11.11.2024).

² Как исключить риски переквалификации договоров ГПХ с самозанятыми в трудовые [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15446623/ (дата обращения: 23.01.2025).

³ О внесении изменений в перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 640н, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 2021 г. № 838Н [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=151315> (дата обращения: 04.01.2025).

Заключение

Многие страны мира сегодня предпринимают попытки институционализации самозанятых, представляющих собой значимую группу в составе занятых. Это позволяет занятым индивидуальной деятельностью легализовать свой статус, а странам формировать дополнительный налоговый доход.

Однако в процессе институционализации самозанятости обнаружилось новые сложности: сохранение неформальной самозанятости; расплывчатость статуса самозанятых; низкое налоговое бремя по сравнению с другими категориями налогоплательщиков и др. Поэтому в ближайшее время ожидается дальнейшее совершенствование законодательства, регламентирующего деятельность самозанятых в анализируемых странах.

Список литературы

1. Абуова Ж. У., Иванова Н. А., Мраморнова О. В. Возникновение и развитие прекариата в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 259–266. EDN: VABLV. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-259-266
2. Анисимов Р. И. Динамика занятости в России (2018 — середина 2023 г.) // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 73–84. EDN: FQITDE. DOI: 10.31857/S0132162524010078
3. Берешев С. Х. Регламентация гибких форм занятости в Республике Казахстан // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 4 (210). С. 18–23. Regulating Flexible Forms of Employment in the Republic of Kazakhstan. EDN: YROBMT. DOI: 10.19181/1999-9836-2018-10035
4. Бычков Д. Г., Гришина Е. Е., Феоктистова О. А., Локтюхина Н. В. Профили самозанятости и платформенной занятости в России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 3. С. 339–355. EDN: QMJLYF. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355
5. Виленский А. В. Российский институт самозанятости: развитие в контексте пространственных особенностей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 3. С. 7–29. EDN: AWEHCR. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_3_7_29
6. Воробьева И. В. Социально-трудовое положение самозанятых работников // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 1. С. 125–137. EDN: VMXRZC. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_10_125_137
7. Ералина Э. М., Алшанов Р. А., Изгумтеева К. Е., Онюшева И. В. Анализ принципа сегментирования рынка труда Казахстана по видам экономической деятельности и подверженность безработицы цикличности // Научный журнал «Вестник университета «Туран». 2024. № 2 (102). С. 65–78. EDN: LEITNX. DOI: 10.46914/1562-2959-2024-1-2-65-78
8. Есимжанова С. Р. Гибкие формы занятости как фактор неустойчивости рынка труда Казахстана // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 3. С. 45–52. EDN: YMREOT. DOI: 10.19181/1999-9836-2018-10027
9. Жукова Т. В. Международный опыт финансирования пенсий самозанятых // Финансы: теория и практика. 2022. № 1. С. 169–185. EDN: MOHAGW. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-169-185
10. Жукова Т., Миркин М. Финансы самозанятых в новой экономике России // Мир новой экономики. 2021. № 15 (3). С. 38–55. EDN: MEFBFP. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-38-55
11. Иляшова Г. К., Қондыбаева С. К., Сампаева З. Т. Корреляционная связь между экономическим развитием и самозанятостью населения в Казахстане // Вестник университета «Туран». 2021. № 4. С. 200–207. (На казахском яз.) EDN: STFTHN. DOI: 10.46914/1562-2959-2021-1-4-200-207
12. Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Чаава М. З. Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 84–94. EDN: EYFSZE. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-84-94

13. Мосейко В. В. Международное регулирование пенсий в ЕАЭС: проблемы и перспективы развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 63–74. EDN: KHPCCJ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-63-74
14. Мосейко В. В., Фролова Е. А. Социальное государство vs социальное иждивенчество // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Вып. 8 (149). С. 102–107. EDN: SMCGBZ
15. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В., Газиева И. А. Развитие самозанятости на современном рынке труда // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 1. С. 56–63. EDN: VFMBNT
16. Сабирова Р. К., Джумаева А. К., Уталиева Р. С. Самозанятость: теоретические основы и проблемы // Economy: strategy and practice. 2020. № 15 (1). С. 113–125. (На казахском яз.)
17. Сараков А. А. О правовом регулировании трудовых отношений с самозанятыми стран — участников ЕАЭС // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 159–163. EDN: INLRNZ. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-2-159-163
18. Серова А. В. Самозанятость в России: проблемы и перспективы национального правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 5 (113). С. 27–41. EDN: IEKOTW. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-5-27-41
19. Серова А. В., Серов С. И. Проблемы правового статуса самозанятых в Российской Федерации и республике Казахстан: налогово-правовое и социально-трудовое исследование // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 118–132. EDN: SKPFPE. DOI: 10.34076/2410-2709-2020-4-118-132
20. Синдяшкіна Е. Н. Опыт пенсионного обеспечения самозанятых в странах ОЭСР и возможности его применения в России // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 2. С. 29–40. EDN: QELAYA. DOI: 10.20542/afij-2024-2-29-40
21. Чудиновских М. В., Долженко С. Б. Самозанятость в России: ключевые тенденции, риски и возможности // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33. № 2. С. 368–379. EDN: WQUROH. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(2).368-379
22. Barrio A., Schoukens P. The changing concept of work: When does typical work become atypical? // European Labour Law Journal. 2017. Vol. 8. No. 4. P. 306–332. DOI: 10.1177/2031952517743
23. Khassenov M. Flexibilization of Labour in Kazakhstan: New Legal Framework and Institutional Decisions // E-Journal of International and Comparative Labour Studies. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 130–142.
24. Schoukens P. Digitalisation and social security in the EU. The case of platform work: From work protection to income protection? // European Journal of Social Security. 2020. Vol. 22. No. 4. P. 434–451. DOI: 10.1177/13882627209713
25. Weber T., Eiffe F. F., Adăscăliței D. Self-employment in the EU: Job quality and developments in social protection. Research Report. Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2024. 80 p. ISBN: 978-92-897-2370-1. DOI: 10.2806/132752

Об авторах:

Мосейко Виктория Владимировна, доцент Калининградского государственного технического университета, Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222X

Головацкая Варвара Сергеевна, студент Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия);
e-mail: VSGolovatskaja@stud.kantiana.ru

References

1. Abuova, Zh. U., Ivanova, N. A., Mramornova, O. V. The Genesis and Development of the Precariat in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Comparative Analysis // Izvestiya of Saratov University.

- Economics. Management. Law. 2018. Vol. 18. No. 3. P. 259–266. (In Russ.) EDN: VABLV. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-259-266
2. Anisimov, R. I. Dynamics of employment in Russia (2018 – mid-2023) // Sociological Studies. 2024. No. 1. P. 73–84. (In Russ.) EDN: FQITDE. DOI: 10.31857/S0132162524010078
3. Bereshev, S. Kh. Regulating Flexible Forms of Employment in the Republic of Kazakhstan // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2018. No. 4 (210). P. 18–23. (In Russ.) EDN: YROBMT. DOI: 10.19181/1999-9836-2018-10035
4. Bychkov, D. G., Grishina, E. E., Feoktistova, O. A., Loktyukhina, N. V. The Profiles of the Self-employed and Platform Workers in Russia // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2024. Vol. 20. No. 3. P. 339–355. (In Russ.) EDN: QMJLYF. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355
5. Vilensky, A. V. Self-employment in Russia: spatial aspect of its development as an institution // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 3. P. 7–29. (In Russ.) EDN: AWEHCR. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_3_7_29
6. Vorob'eva, I. V. Social and Labor Status of Self-employed Workers // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2023. Vol. 19. No 1. P. 125–137. (In Russ.) EDN: VMXRZC. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_10_125_137
7. Yeralina, E. M., Alshanov, R. A., Izguttieva, K. Y., Onyusheva, I. V. The analysis of the principle of the labor market segmentation of Kazakhstan by types of economic activity and exposure to unemployment cyclicity // Bulletin of "Turan" University. 2024. No. 2 (102). P. 65–78. (In Russ.) EDN: LEITNX. DOI: 10.46914/1562-2959-2024-1-2-65-78
8. Yessimzhanova, S. R. Flexible Forms of Employment as a Factor of the Instability of the Labour Market of Kazakhstan // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2018. No. 3. P. 45–52. (In Russ.) EDN: YMREOT. DOI: 10.19181/1999-9836-2018-10027
9. Zhukova, T. V., Mirkin, Ya. M. Self-employed finance in the new Russian economy // The World of New Economy. 2021. No. 15 (3). P. 38–55. (In Russ.) EDN: MEFBFP. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-38-55
10. Zhukova, T. V. International experience in financing self-employed pensions // Finance: Theory and Practice. 2022. No. 26 (1). P. 169–185. (In Russ.) EDN: MOHAGW. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-169-185
11. Ilashova, G. K., Kondybayeva, S. K., Satpayeva, Z. T. The correlation between economic development and self-employment of the population in Kazakhstan // Bulletin of "Turan" University. 2021. No. 4. P. 200–207. (In Kazakh) EDN: STFTHN. DOI: 10.46914/1562-2959-2021-1-4-200-207
12. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V., Chaava, M. Z. International Protection of Migrant Workers Rights and Migration Legislation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 84–94. (In Russ.) EDN: EYFSZE. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-84-94
13. Moseiko, V. V. International regulation of pensions in the EAEU: problems and development prospects // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. C. 63–74. (In Russ.) EDN: KHPCCJ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-63-74
14. Moseiko, V. V., Frolova, E. A. Welfare state VS social dependence // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2014. No. 8 (149). P. 102–107. (In Russ.) EDN: SMCGZB
15. Pokida, A. N., Zybunovskaya, N. V., Gazieva, I. A. Development of Self-Employment in the Modern Labor Market // Economic Development of Russia. 2022. Vol. 29. No. 1. P. 56–63. (In Russ.) EDN: VFMBNT
16. Sabirova, R. K., Dzhumaeva, A. K., Utalieva, R. S. Self-employment: theoretical foundations and problems // Economy: strategy and practice. 2020. No. 15 (1). P. 113–125. (In Kazakh)
17. Sarakov, A. A. On the legal regulation of labor relations with self-employed countries participating in the EAEU // Civil service and personnel. 2024. No. 2. P. 159–163. (In Russ.) EDN: INLRNZ. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-2-159-163
18. Serova, A. V. Self-Employment in Russia: Problems and Prospects of National Legal Regulation // Russian Law: education, practice, science. 2019. No. 5 (113). P. 27–41. (In Russ.) EDN: IEKOTW. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-5-27-41

19. Serova, A. V., Serov, S. I. The Issues of the Legal Status of the Self-Employed in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Tax-Legal and Socio-Labor Law Research // Russian Law: education, practice, science. 2020. No. 4. P. 118–132. (In Russ.) EDN: SKPFPE. DOI: 10.34076/2410-2709-2020-4-118-132
20. Sindyashkina, E. N. Experience of Pension Security for the Self-Employed in OECD Countries and Possibilities of Its Application in Russia // Analysis and Forecasting. IMEMO Journal. 2024. No. 2. P. 29–40. (In Russ.) EDN: QELAYA. DOI: 10.20542/afij-2024-2-29-40
21. Chudinovskikh, M. V., Dolzhenko, S. B. Self-employment in Russia: key trends, risks and opportunities // Bulletin of Baikal State University. 2023. Vol. 33. No. 2. P. 368–379. (In Russ.) EDN: WQUROH. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(2).368-379
22. Barrio, A., Schoukens, P. The changing concept of work: When does typical work become atypical? // European Labour Law Journal. 2017. Vol. 8. No. 4. P. 306–332. DOI: 10.1177/2031952517743
23. Khassenov, M. Flexibilization of Labour in Kazakhstan: New Legal Framework and Institutional Decisions // E-Journal of International and Comparative Labour Studies. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 130–142.
24. Schoukens, P. Digitalisation and social security in the EU. The case of platform work: From work protection to income protection? // European Journal of Social Security. 2020. Vol. 22. No. 4. P. 434–451. DOI: 10.1177/13882627209713
25. Weber, T., Eiffe, F. F., Adăscăliței, D. Self-employment in the EU: Job quality and developments in social protection. Research Report. Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2024. 80 p. ISBN: 978-92-897-2370-1. DOI: 10.2806/132752

About the authors:

Victoria V. Moseiko, Associate Professor of the Kaliningrad State Technical University, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222X

Varvara S. Golovatskaja, Student of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia);
e-mail: VSGolovatskaja@stud.kantiana.ru

Развитие форм организации туризма в КНР на основе пространственного подхода: имплементация опыта России

Куклина Е. А.^{*}, Борщева Е. Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

^{*}e-mail: jeakuklina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0457-2658

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Обоснование предложений по совершенствованию организационных форм развития туристической отрасли КНР на основе анализа ее современного состояния и имплементации практического опыта Российской Федерации. Рассмотреть этапы развития туризма в Китае и эволюцию структуры управления туризмом; выполнить анализ локализации достопримечательностей КНР (в разрезе туристических объектов категории 5А и объектов наследия ЮНЕСКО); выполнить кластерный анализ туристических объектов категории А5 с использованием геоинформационной системы (ГИС); обосновать предложения по совершенствованию организационных форм развития туристической отрасли Китая. **Методология.** Основа и методы исследования: системный подход, логический анализ и синтез, кластерный анализ, геоинформационный анализ, контент-анализ открытых источников. **Результаты.** Изучена хронология развития туризма в Китае. Выполнен анализ локализации объектов туризма категории 5А и объектов культурного наследия ЮНЕСКО. Проведен кластерный анализ туристических объектов высшей категории с использованием ГИС. Обоснованы предложения по совершенствованию организации туризма КНР на основе пространственного подхода и создания туристической макротерритории. **Выводы.** При разработке стратегических документов развития туристической отрасли КНР целесообразна имплементация российского опыта формирования макротерриторий с использованием инструмента мастер-плана, и методическим центром этого процесса может стать Банк развития Китая. Для реализации пилотного проекта по созданию первой туристической макротерритории рекомендуется территория «Восточного кластера», в котором локализованы 25% туристических объектов категории 5А и 25% объектов, включенных в перечень объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Перспективным вектором исследований является рассмотрение туристической сферы КНР в контексте реализации глобального проекта «Один пояс — один путь» с учетом интересов интеграционного объединения БРИКС.

Ключевые слова: туризм, Китай, макротерритория, пространственный подход, мастер-план, кластер

Для цитирования: Куклина Е. А., Борщева Е. Д. Развитие форм организации туризма в КНР на основе пространственного подхода: имплементация опыта России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 56–70.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-56-70>. EDN: KAXVGJ

Development of Forms of Tourism Organization in China Based on a Spatial Approach: Implementation of Russia's Experience

Evgenia A. Kuklina^{*}, Ekaterina D. Borscheva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russia

^{*}e-mail: jeakuklina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0457-2658

ABSTRACT

Aim and tasks. Substantiation of proposals for improving the organizational forms of development of the tourism industry of the PRC based on the analysis of its current state and the implementation of the practical experience of the Russian Federation. To consider the stages of tourism development in China and the evolution of the tourism management structure; to analyze the localization of attractions in the China (in the context of category 5A tourist sites and UNESCO heritage sites); to perform a cluster analysis of category 5A tourist sites using a geographic information system (GIS); to substantiate proposals for improving the organizational forms of development of the tourism industry of the China.

Methods. The basis and methods of the study: a systems approach, logical analysis and synthesis, cluster analysis, geoinformation analysis, content analysis of open sources. **Results.** The chronology of tourism development in China has been studied. The analysis of the localization of category 5A tourism sites and UNESCO cultural heritage sites has been performed. A cluster analysis of top-category tourist sites has been conducted using GIS. Proposals for improving the organization of tourism in China based on a spatial approach and the creation of a tourist macro-territory have been substantiated.

Conclusions. When developing strategic documents for the development of the tourism industry of the PRC, it is advisable to implement the Russian experience of forming macro-territories using the master plan tool, and the China Development Bank can become the methodological center of this process. For the implementation of the pilot project to create the first tourist macro-territory, the territory of the "Eastern Cluster" is recommended, in which 25% of category 5A tourist sites and 25% of sites included in the list of UNESCO World Cultural and Natural Heritage Sites are localized. A promising vector of research is the consideration of the tourism sector of the China in the context of the implementation of the global project «One Belt — One Road» taking into account the interests of the BRICS integration association.

Keywords: tourism, China, macro-territory, spatial approach, master plan, cluster

For citation: Kuklina E. A., Borscheva E. D. Development of Forms of Tourism Organization in China Based on a Spatial Approach: Implementation of Russia's Experience // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. No. 1. Vol. 19. P. 56–70. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-56-70>. EDN: KAXVGJ

Введение

Актуальность исследования. В настоящее время Китайская Народная Республика имеет статус крупнейшей мировой туристической державы, что явилось результатом реализации политики реформ и открытости, проводимой Дэном Сяопином. В настоящее время руководство КНР рассматривает туристическую отрасль в качестве действенного инструмента как внешней, так и внутренней политики, что повышает актуальность исследований различных аспектов экономики и организации сферы туризма, включая развитие форм его организации.

Гипотеза исследования: развитие туристической отрасли современного Китая возможно осуществить на основе пространственного подхода, предполагающего создание туристических макротерриторий и использования инструмента «мастер-план».

Целью исследования является обоснование предложений по развитию организационных форм развития туристической отрасли КНР на основе анализа ее современного состояния и имплементации опыта Российской Федерации.

Задачи исследования: рассмотреть этапы развития туризма в Китае и эволюцию структуры управления туризмом; выполнить анализ локализации достопримечательностей КНР (в разрезе туристических объектов категории 5A и объектов наследия ЮНЕСКО); выполнить кластерный анализ туристических

объектов категории 5А с использованием геоинформационной системы (ГИС); обосновать предложения по развитию организационных форм развития туристической отрасли КНР.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные развитию туристической отрасли Китая. Методической основой исследования стали системный подход, логический анализ и синтез. Полученные результаты основываются на контент-анализе, геоинформационном и кластерном анализе. Информационную базу исследования составили официальные статистические данные КНР, а также результаты академических исследований, посвященные данной предметной области.

Результаты

Рассматривая различные аспекты развития туристическо-рекреационной сферы КНР, в том числе формы организации туризма, необходимо отметить два значимых влияющих фактора, первый из которых обусловлен активными процессами интеграции страны в мировую экономику, а второй — впечатляющими результатами экономических реформ и модернизации национальной экономики.

Процесс активной интеграция Китая в мировую экономическую систему, усиление роли и влияния в мире повысили внимание к международным аспектам развития. В значительной степени этими обстоятельствами можно объяснить исчезновение из официальных документов Коммунистической партии КНР прежнего тезиса о «мирном возвышении Китая», который в новых реалиях перестал соответствовать образу страны на внешнем контуре. Корректировка международного статуса КНР стала осуществляться в направлении учета такого нематериального фактора, как мировое развитие его культуры, так как именно культура формирует основу новой мировой идентичности Китая¹.

Быстрые темпы социально-экономического развития КНР в ходе четырех десятилетий экономических реформ привели к осязаемому росту жизненного уровня населения страны, заметному сокращению численности бедного населения, что привело к формированию обновленных параметров потребления и выходу домохозяйств на новый уровень объемов потребления.

Политика ограничения рождаемости привела к тому, что прирост населения за период 1992–2022 гг. упал до нулевого уровня. Это позволило перевести дополнительные располагаемые доходы населения в более сложные и качественные виды потребления, товары и услуги, что способствовало в том числе удовлетворению ранее отложенного спроса на поездки и путешествия граждан КНР (см. табл. 1, рис. 1).

Анализ показателей, приведенных в таблице 1, и их интерпретация (рис. 1), позволяют сделать вывод о более чем двукратном сближении уровня регионального развития между городом центрального подчинения Шанхай — крупнейшим и самым развитым городом континентального Китая и среднеразвитой провинцией Хубэй (с 4,18 до 1,95 раз). С большой вероятностью доля услуг в структуре потребления будет увеличиваться и далее, так как рост личного потребления потребует развития территорий, создания условий для отдыха, туризма и расширения потребления культурных ценностей.

С целью лучшего понимания логики процесса развития туризма Китая и его особенностей, обусловленных в том числе и спецификой национального менталитета, рассмотрим этапы и хронологию развития туризма в Поднебесной.

Согласно выполненному с позиции культурологии исследованию Лю Ин (*Liu Ying*) [11], в истории и развитии китайского туризма можно выделить в хронологическом порядке три этапа: этап архаичного туризма — с древних времен до первой опиумной войны 1840 г.; этап новой истории — с первой опиумной войны до основания КНР (1840–1849 гг.); современный этап — с момента создания Нового Китая (с 1949 г. по настоящее время). Поскольку первый этап (императорские парады, ознакомительные поездки, купеческие, гражданские и монашеские экскурсии), по мнению китайского исследователя,

¹ См., например, [2; 7; 18].

является наиболее показательным для развития туризма в Китае, в этом очень интересном исследовании ему было уделено наибольшее внимание.

Таблица 1

Динамика некоторых социальных показателей развития Китая

Table 1. Dynamics of some social indicators of China's development

Год	Личное потребление на душу населения, тыс. юаней (ряд 1, рис. 1)	Естественный прирост населения на 10 тыс. чел. (ряд 2, рис. 1)	Отношение ВВП на душу населения в Шанхае к ВВП на душу населения в Хубэе (ряд 3, рис. 1)
1992	0,94	11,6	4,18
1997	2,4	10,1	4,83
2007	6,6	5,2	3,85
2013	13,2	5,9	2,18
2019	21,6	3,3	2,08
2020	21,2	1,5	2,04
2021	24,1	0,3	2,03
2022	24,5	–	1,95

Источник: составлено авторами по [3, с. 184, 188]

Рис. 1. Динамика социальных показателей развития Китая за 1992–2022 гг.

Fig. 1. Dynamics of social indicators of China's development for 1992–2022

Источник: составлено авторами

В контексте же нашего исследования более предметным является изучение третьего, современного этапа развития туризма, который начинается с эпохи «архитектора китайских реформ» Дэна Сяопина, олицетворяющего политику реформ и открытости современного Китая. В фундаментальном исследовании Е. О. Заклязьминской, посвященном становлению, развитию и кризису туристической отрасли современного Китая [5], выделяется несколько периодов.

Так, период 1949–1977 гг. можно рассматривать как подготовительный, развитие туризма в эти годы рассматривалось как способ углубления дипломатических отношений и формирования дружественного окружения. В данный период туризм не рассматривался в качестве отрасли, генерирующей потоки доходов бюджета государства; это пришло позже, уже после запуска международного туристического рынка Китая.

1978–1980 гг. — открыт доступ в страну иностранных граждан, при этом туризм еще считается частью работы Министерства иностранных дел КНР, а не отдельная отрасль национальной экономики. Начиная с 1981 г. туризм в стране развивается по особому «китайскому» пути, позволяющему получить «двойной» урожай — для политики и для экономики. В 1982 г. принимается решение о необходимости реформирования управления туризмом: Главная государственная администрация по туризму и путешествиям была переименована в Государственное управление по туризму (ГУТ) и переведена под непосредственный контроль Госсовета КНР. ГУТ разработало план по реконструкции, развитию и охране туристических ресурсов страны, началась активная работа по классификации туристических объектов и достопримечательностей.

В 1984 г. на Третьем пленуме ЦК КПК 12-го созыва было принято «Постановление о реформе экономической системы», направленное на увеличение самостоятельности хозяйствующих субъектов [12, с. 16]. Появились новые формы хозяйственной деятельности (аренда, подряд, акционирование), что отразилось на субъектах туристического рынка со стороны предложения — туристических агентствах.

Согласно китайскому «Положению об управлении туристическими агентствами», турагентство — это предприятие или юридическое лицо, занимающееся деятельностью по привлечению, организации и приему туристов, предоставлению им соответствующих туристических услуг, а также осуществлению внутреннего, въездного или выездного туристического бизнеса. Начиная с 1985 г. в туристические проекты в Китае могли инвестировать не только государственные органы, но и коллективы предпринимателей и даже индивидуальные предприниматели [21].

В данном контексте считаем необходимым отметить, что с начала проведения экономических реформ в Китае функционируют: государственные предприятия традиционного типа (ГП); государственные корпорации (ГК); открытые акционерные компании (ОАО). Среди предприятий есть как новые государственные компании корпоративного типа, так и рыночно ориентированные государственные компании (100% акций находится в собственности государства), а также государственные компании с участием иностранного капитала. Экономическая структура ГП претерпела существенные изменения, что обусловило появление в понятийно-терминологическом обороте Китая такого понятия, как «государственное предприятие нового типа» (ГПНТ).

ГПНТ — «это созданные со 100%-м или долевым участием государства предприятия, обладающие высокой степенью самостоятельности в ведении хозяйственной деятельности и имеющие малую долю зависимости от государства» [12, с. 143]. Как пример такого предприятия можно привести Китайское международное туристическое агентство (China International Travel Service Corp Ltd), ранее известное как China International Travel Service General Company (China International Travel Service Head office)¹. Основанная в 1954 г. компания превратилась в одну из самых крупных и сильных групп турагентств в Китае². CITS, строго говоря, является централизованным предприятием, управляемым Комиссией по надзору и управлению государственными активами (SASAC), и представляет собой ГПНТ, которое переходит под прямое централизованное управление. CITS — первое туристическое агентство, принимающее иностранных туристов с момента основания Нового Китая, одно из первых туристических агентств, получивших государственную лицензию на выездные туры, первый корпоративный член Всемирной туристической организации (UNWTO) в Китае и президент Китайской ассоциации туристических агентств (CATA). В настоящее время компания является одним из двух основных предприятий группы компаний CITS. Генеральная администрация CITS имеет 14 филиалов в более чем 10 зарубежных странах и регионах, более 20 холдинговых дочерних компаний и 122 агентства — члена Совета группы CITS в 122 городах Китая; установлены долгосрочные и стабильные отношения сотрудничества с более чем 1400 турагентствами по всему миру, имеется стабильная сеть продаж и полная система гостеприимства.

В 1986 г. туризм становится экономическим приоритетом государства, въездной туризм растет устойчивыми темпами, а Китай приобретает статус мировой туристической державы. В 2001 г., когда

¹ Аббревиатура компании на английском языке — CITS.

² Тип компании — общество с ограниченной ответственностью; юридический адрес: здание № 1, Северная улица Донгдан, район Дунчэн, Пекин.

КНР стала членом ВТО, государство отказывается от административных инструментов контроля над туристическим рынком. Начиная с 2009 г. туризм становится одной из опорных отраслей экономики Китая, и в задачи ее развития включаются в том числе вопросы социально-экономического характера.

Результаты первого комплексного исследования отрасли, осуществленного в 1987 г., выявили следующее: темпы прироста отрасли опережают темпы прироста ВВП Китая; на развитие национальной экономики одинаково положительно влияют как въездной, так и внутренний туризм [5, с. 37].

В 1999 г. в Китае была принята «Квалификация и определение уровня качества туристических достопримечательностей», была создана собственная система классификации по шкале 4А; в 2003 г. была добавлена еще одна, пятая ступень — 5А.

В 2015–2016 гг. в КНР появилась идея о необходимости интеграции локальных объектов туристического показа в единое пространство, началось обсуждение внедрения системы туристических кластеров¹, задачей формирования которых стало создание цепочек добавленной стоимости в рамках одного региона (провинции).

Отметим, что кластерная парадигма была положена в основу ФЦП «Развитие внутреннего и выездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)»² с целью существенного прорыва в отрасли, однако практически сразу же выявились проблемы ее реализации. Недостаточно ясными и проработанными были принципы пространственно-функциональной организации туризма на основе кластерных инициатив, концептуальные подходы к проектированию кластеров, характеристики этапов их развития, особенности формирования цепочек создания ценности туристических дестинаций и др. Программа создания туристических кластеров в России действовала в течение десяти лет (до 2021 г.) и затем была отменена по причине их низкой эффективности. В настоящее время в нашей стране действует государственная программа «Развитие туризма»³, реализующая подход к развитию туристских макротерриторий через концепцию территориального планирования.

По имеющимся у нас данным, с туристическими кластерами в КНР ситуация не очень благополучная, их формирование идет с отставанием от графика, и можно предположить, что в Китае столкнулись с теми же проблемами, что и в России при реализации кластерного подхода к развитию туристической отрасли.

Для анализа регионального или отраслевого развития понятие «кластер» используется как объект исследования. Так, например, исходя из регионально-географической принадлежности провинций и городов провинциального уровня, отдельными исследователями было выделено семь кластеров-регионов: Центр, Восток, Северо-Восток, Северо-Запад, Юг, Юго-Запад [14, с. 56]. Но, по нашему мнению, методологически ошибочно было объединять два разных понятия («кластер» и «регион»), создавая искусственную конструкцию «кластер-регион», локализуя ее к тому же по исключительно географическому признаку.

В мае 2020 г. произошла смена модели экономического роста КНР; новая модель «двойной циркуляции» состоит из «внешней циркуляции» (международные рынки) и «внутренней циркуляции» (внутренний рынок), при этом в качестве основы будущего роста рассматривается именно внутренний цикл. Как будет развиваться туристическая отрасль Китая в логике новой модели экономического роста? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости государственной политики развития всех китайских провинций.

Ранее в работе [8] нами по результатам кластерного анализа, объектом которого стала выборка тур-агентств провинций Китая и динамика их изменения (роста) за период 2021–2023 гг., было выделено три кластера, которые условно можно определить как «Восточный» (С1), «Центральный» (С2) и «Западный» (С3). В первый кластер С1 попали регионы (провинции) с самыми высокими показателями прироста тур-агентств относительно первого (2021 г.) и последнего (2023 г.) наблюдения — Пекин, Шаньдун, Чжэцзян,

¹ Имеется в виду региональный туристический кластер.

² Постановление Правительства РФ от 02.08.2011 № 644 «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и выездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/55171986/> (дата обращения: 01.02.2025).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 г. № 2439 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» (с учетом изменений от 23 декабря 2024 г.)» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/postanovlenie_pravitelstva_rossiyskoy_federacii_ot_24_dekabrya_2021_g_2439.html?ysclid=m6vy8emead424514691 (дата обращения: 22.01.2025).

Гуандун, Цзянсу. Второй кластер С2 включает Шанхай, Сычуань, Хубэй, а также Внутреннюю Монголию, который является наиболее стабильным по темпам прироста турагентств за период 2021–2023 гг. Третий кластер С3 включает регионы с небольшим числом туристических агентств, но с достаточно хорошими темпами прироста за весь период наблюдений (среди них остров Хайнань и Тибетский автономный район).

Выполненный нами позже анализ локализации достопримечательностей высшей категории 5А (запрагивает только материковый Китай) и объектов культурного наследия ЮНЕСКО на территории регионов (провинций) позволяет сделать следующие выводы.

Локализация туристических объектов категории 5А по ранее выделенным кластерам (рис. 2) имеет следующую структуру: С1 «Восточный» — 28%; С2 «Центральный» — 49%; С3 «Западный» — 23%; наибольшее число туристических объектов категории 5А находится в «Центральном кластере» (С2) — 110, но наибольшая их плотность (22 объекта) фиксируется в провинции Цзянсу, относящейся к «Восточному кластеру» (С1).

Рис. 2. Структура локализации туристических объектов Китая категории 5А по кластерам (%)

Fig. 2. The localization structure of China's 5A category tourist sites by clusters (%)

Источник: составлено авторами

Если рассматривать локализацию достопримечательностей по районам Китая (география), то наибольшее число туристических объектов категории 5А находится в восточных районах страны — 41%; в западных, центральных и северо-восточных районах Китая находится, соответственно, 29%, 24% и 6% достопримечательностей (рис. 3).

Считаем необходимым отметить, что Министерство культуры и туризма КНР постоянно ведет работу по категоризации туристических достопримечательностей, пополняя перечень объектов категории 5А, в расширенный перечень включаются природные, исторические и культурные объекты (горы, долины, источники, пещеры, на скальные рельефы, водопады, древние города, храмы, мавзолеи и др.). Так, например, в феврале 2024 г. еще 21 туристическому объекту была присвоена категория 5А, в т. ч. культурному району Большого канала в г. Пекине, Туристической зоне олимпийского парусного спорта и океанической культуры в г. Циндао провинции Шаньдун (С1)¹, которые относятся к Восточному кластеру.

Визуализации наиболее популярных культурных и исторических мест притяжения туристов в значительной степени способствует применение в анализе достопримечательностей Китая инструментария ГИС.

¹ В Китае 21 туристическому объекту присвоена категория 5А [Электронный ресурс] // СИНХУА Новости (cri.cn). URL: <https://russian.news.cn/20240131/e330e12a8945403fbf6eca1d2e1a3dbe/c.html> (дата обращения: 31.01.2024).

Рис. 3. Структура локализации туристических объектов категории 5А по районам Китая (%)

Fig. 3. The localization structure of category 5A tourist facilities by regions of China (%)

Источник: составлено авторами

Геоинформационный анализ туристических объектов на географической карте Китая, выполненный с целью уточнения результатов ранее проведенного кластерного анализа [8], проводился по следующему алгоритму: отображение на карте Китая административных границ исследуемых объектов (провинций, городов центрального подчинения); нанесение на карту туробъектов, входящих в список объектов категории 5А; проверка наполнения атрибутов исследуемых объектов на карте (координаты местоположения, наименование, тип объекта и др.; при отсутствии какой-либо информации об объекте осуществлялся ручной сбор и дополнение атрибута объекта); проведение собственно кластерного анализа туристических объектов путем определения наиболее близких качественных признаков, которые объединяют объекты в кластеры.

Перед проведением кластерного анализа в ГИС были собраны данные по дополнительным атрибутам объектов, которые могли бы сделать анализ более точным (например, интенсивность туристического потока за год, количество туристов по разделению на провинции и из других стран, близость туристического объекта к центру провинции / города центрального подчинения, тип объекта и др.).

Таким образом, кластерный анализ с применением ГИС помог выявить туристические объекты, выделяющиеся из ранее выявленных кластеров: «Восточный» (С1), «Центральный» (С2), «Западный» (С3).

Отдаленность туристических объектов от центров кластеров, которые определяют логические географические границы Китая (западную, центральную и восточную части страны), показывает взаимосвязь туристических объектов и кластеров между собой.

Туристические объекты, находящиеся географически в области другого кластера, но при этом имеющие номер кластера, который определяет другую область, показывают тесную связь с этой областью. Например, как туристические объекты, относящиеся к кластеру С2 «Центральный», выделяются те объекты, которые находятся в провинции Цзилинь (Императорский дворец Маньчжо-го, Горы Чанбайшань, Цзинъюэтань, Чанчуньской киностудии, Гора Людиншань). Такая связь объектов, удаленных от центров областей кластеров, показывает общность между ними, которая заключается в атрибутах объектов — интенсивности туристического потока из данной провинции или приближенности объекта к местности по сравнению с возможной принадлежностью к общему определению кластера.

Кластерный анализ локализации туристических объектов категории 5А (рис. 4, с. 64) подтверждает распределение объектов по кластерам, представленным выше (см. рис. 2, с. 62).

Исследование с применением ГИС расширяет возможности изучения и анализа кластеров, дает возможность найти отклонения в распределении по кластерам туристических объектов.

Условные обозначения: 1, 2, 3 — номера кластеров туристических объектов категории 5А

(С1 — «Восточный», С2 — «Центральный», С3 — «Западный»)

Рис. 4. Кластеризация локализации туристических объектов на карте Китая

Fig. 4. Clustering of tourist sites localization on the map of China

Источник: составлено авторами

Картографический анализ включает в себя такие дополнительные атрибуты, позволяющие провести кластерный анализ, как географическое положение, доступность объекта для туристов, количество посещений за рассматриваемое время, категория объекта (гора, парк, деревня, объект культурного наследия ЮНЕСКО и т. д.).

В 1985 г. Китай присоединился к «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО, и с 1987 г. достопримечательности страны стали попадать в его списки. По состоянию на август 2021 г. КНР занимала второе место по количеству объектов под охраной ЮНЕСКО (56 объектов или около 5% общего числа объектов наследия ЮНЕСКО). Структура локализации объектов культурного и природного наследия ЮНЕСКО по районам Китая (по состоянию на 01.08.2021) представлена на рис. 5. Включение в рейтинги объектов, расположенных в малоразвитых регионах, открывает перспективы для регионального развития.

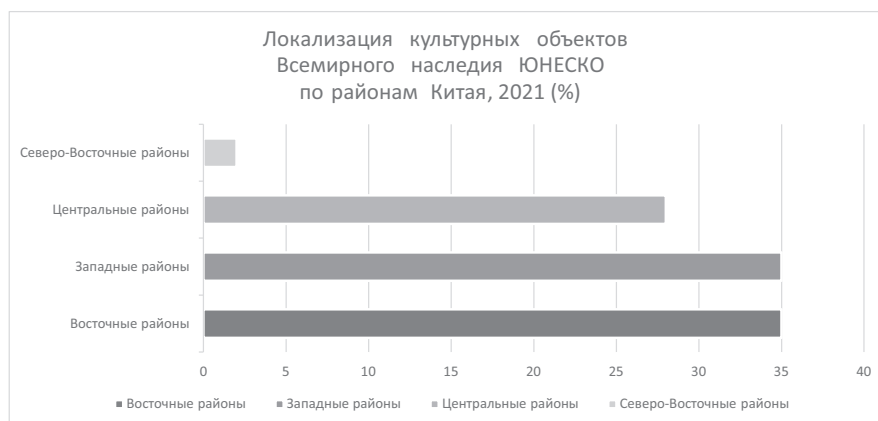

Рис. 5. Структура локализации объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО по географическим районам Китая (%)

Fig. 5. The localization structure of UNESCO World Cultural and Natural Heritage sites by geographical regions of China (%)

Источник: составлено авторами

Включение в рейтинги объектов, расположенных в малоразвитых регионах, открывает перспективы для регионального развития. Новые объекты, утвержденные в 2015–2018 гг., расположены преимущественно в центральных и западных районах страны (заповедник Кукушили в Цинхэе, архитектурный комплекс китайских правителей «тусы» в провинции Хубэй, наскальные рисунки Хуашани в Гуанси-Чжуанском автономном районе и гора Фаньцзиншань в Гуйчжоу). Однако объекты, включенные в перечень ЮНЕСКО в 2019–2021 гг., представлены в «богатом» приморском поясе — китайские ареалы обитания перелетных птиц вдоль побережья Желтого моря и залива Бохай в Цзянсу, руины древнего города Лянчжу в Чжэцзяне, мировой центр торговли в Китае эпохи династий Сун-Юань в Фуцзяни. Таким образом, внутренние районы Китая являются потенциальными новыми драйверами роста национально-го туризма — на них приходится 62% туристических достопримечательностей категории 5А и 67% объектов под охраной ЮНЕСКО.

Обсуждение

На уровень социально-экономического развития (как в страновом, так и региональном аспекте) оказывает влияние совокупность многих факторов, классификация которых выходит за рамки данного исследования. Но если говорить о перспективах и темпах развития современного Китая, то считаем необходимым упомянуть результаты исследования D. Acemoglu, J. A. Robinson, обосновывающие значимость ресурсных факторов (дешевая рабочая сила, доступ к иностранным рынкам, капиталу, технологиям) для развития Китая [20]. По нашему глубокому убеждению, территория также является ресурсным фактором, а величину рекреационно-туристического потенциала Китая правомерно считать его естественным конкурентным преимуществом.

В современном Китае накоплен позитивный опыт территориального развития, который позволяет успешно решать проблемы, обусловленные неравномерностью заселения территорий, дисбалансами территориального пространственного развития в целом, ухудшением экологической обстановки в ряде провинций. Стратегия территориального пространственного планирования КНР базируется, прежде всего, на инновациях и трудовых ресурсах как ключевых факторах территориального развития, а также на укреплении его институциональных основ [4].

Проблематика развития рекреационно-туристической сферы является традиционно актуальной, для анализа как текущего состояния, так и перспектив ее развития используются различные методические подходы и инструменты. Так, например, в исследовании [1] обосновывается актуальность кластерного подхода в развитии сферы отдыха и путешествий и формулируются основные принципы формирования туристских кластеров. К таким принципам относятся: территориальная концентрация субъектов хозяйствования; глубокая технологическая кооперация участников кластера на основе включения в цепочки создания добавленной стоимости; сочетание кооперации и конкуренции; инновационность; реализация механизма государственно-частного партнерства. В работе [9] с позиции системного подхода формулируется понятие туристско-рекреационного потенциала региона, обосновывается необходимость учета в управлении развитием туризма и рекреации и формировании соответствующих административно-управленческих структур. В монографии [16] исследуются возможности применения типологического подхода на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления в целях развития туризма и рекреации в Российской Федерации.

Объединение в макротерритории на основе пространственного подхода к развитию туристической отрасли с использованием инструмента мастер-планов — это не только попытка связать соседние регионы, но также реальная связка их истории, культуры, природы на основе культурного кода. А в Поднебесной, как и в России, задачи развития туристической отрасли неразрывно связаны с развитием культуры. Именно поэтому одним из руководящих принципов по содействию расширению и повышению качества потребления и ускорению формирования сильного внутреннего рынка в новой модели «двойной циркуляции» КНР является повышение качества турпродуктов, включение в их состав культурной доминанты.

Одна из ключевых задач, которую решает мастер-план туристского макрорегиона, — продемонстрировать регионам, что формирование единого туристического продукта выгодно всем, т. к. сотрудничество дает суммарный поток и, соответственно, увеличивает доходность туристической деятельности. Методические рекомендации по определению ключевых показателей развития в ходе разработки мастер-плана муниципального образования, группы муниципалитетов, агломерации содержатся в «Национальном стандарте мастер-планов», разработанном по заказу госкорпорации развития «ВЭБ.РФ».

Считаем, что данный подход целесообразно использовать при разработке стратегических документов по развитию туристической отрасли КНР, и методическим центром этого процесса может быть Банк развития Китая (China Development Bank — CDB), который является ведущим финансовым институтом развития современного Китая.

CDB — активный актор реализации проектов социально-экономического развития страны, обеспечивает финансирование проектов в сферах инфраструктуры, городского хозяйства, малого и среднего предпринимательства, сельского хозяйства, а также специальных программ в сферах образования, здравоохранения и защиты природы.

В качестве территории реализации пилотного проекта по созданию первой туристической макротерритории в Китае можно рекомендовать «Восточный кластер» (C1), выделенный нами в результате выполнения кластерного анализа деятельности туристических агентств в регионах КНР за период 2021–2023 гг. [8].

В этом кластере локализованы 25% туристических объектов Китая, имеющие категорию 5А (63 объекта), и 14 из 56 объектов, включенных в перечень объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО; среди этих объектов — включенные впервые в перечень ЮНЕСКО в 1987 г. такие китайские достопримечательности, как Запретный город (Гугун), Великая Китайская стена (участок Бадалин-Мутяньюй) в Пекине, находки пекинского человека в Чжоукоудяне и гора Тайшань в провинции Шаньдун (табл. 2).

Таблица 2

Объекты Всемирного культурного и природного наследия на территории Восточного кластера (C1), включенные в перечень ЮНЕСКО в 1987 г.

Table 2. World Cultural and Natural Heritage Sites in the Eastern Cluster (C1), included in the UNESCO list in 1987

Регион / провинция	Кол-во объектов	Объект культурного и природного наследия ЮНЕСКО
Шэньси	1	Мавзолей первого императора династии Цинь (Терракотовая армия)
Ганьсу	1	Пещерные храмы Могао
Шаньдун	2	Храм, могилы Конфуция и наследников и дом семьи Кун (г. Цюйфу), гора Тайшань
Пекин	6	Запретный город (Гугун), Великая Китайская стена, находки пекинского человека в Чжоукоудяне, Храм Неба (Тяньтань), Летний дворец и Императорский сад, императорские гробницы династий Мин и Цин
ИТОГО:	10	—

Источник: составлено авторами

Реализация предложенного пространственного подхода к развитию туристической отрасли КНР будет стимулировать развитие туристских макротерриторий путем их локализации и применения тех или иных мер поддержки не только с учетом потребности соответствующего региона. При этом обязательно учитывать приоритетность туристской макротерритории в целом и вклад каждой провинции в развитие туризма в стране.

Повышению инвестиционной привлекательности туристской макротерритории будет способствовать применение соответствующих мер государственной поддержки, например, льготное кредитование строительства и модернизации коллективных средств размещения туристов, продвижение туристских

продуктов, софинансирование строительства (реконструкции) объектов обеспечивающей инфраструктуры с длительным сроком окупаемости.

Подводя итог всему вышесказанному, сформулируем одно перспективное направление исследований, которое напрямую не относится к теме настоящей статьи, но тем не менее находится в контексте — рассмотрение развития сферы туризма КНР с позиций реализации глобального китайского проекта «Один пояс — один путь». Это направление активно разрабатывается как китайскими [10; 19], так и российскими исследователями.

Так, нельзя не согласиться с тезисом Т. Б. Уржумцевой, что на «современном этапе развития туристского рынка конкуренция перешла с уровня стран как туристских дестинаций на новый уровень — интеграционных объединений стран» [17, с. 110]. И если раньше проект «Пояса и пути» рассматривался, главным образом, как инфраструктурный, то в настоящее время он приобрел интеграционный характер, что предполагает сближение программ развития, систем регулирования, улучшение взаимного доступа на рынки с использованием торгово-политических инструментов [15].

Заключение

В результате выполненного исследования сделаны следующие выводы.

1. В соответствии с новой моделью экономического роста КНР (моделью «двойной циркуляции») развитие туристической отрасли Китая определяется государственной политикой развития всех китайских провинций, при этом стратегия территориального пространственного планирования базируется, прежде всего, на инновациях и трудовых ресурсах как ключевых факторах территориального развития.
2. При разработке стратегических документов развития туристической отрасли КНР целесообразна имплементация современного российского опыта формирования макротерриторий с использованием инструмента мастер-плана; методическим центром этого процесса может стать CDB.
3. Для реализации пилотного проекта по созданию первой туристической макротерритории в Китае рекомендуется территория «Восточного кластера», в котором локализованы 25% туристических объектов категории 5А и 25% объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.
4. Перспективным вектором исследований является рассмотрение развития туристической сферы КНР в контексте реализации глобального проекта «Один пояс — один путь» с учетом интересов интеграционного объединения БРИКС.

Список литературы

1. *Александрова А. Ю.* Кластерные принципы организации туристского пространства (мировой опыт) // Роль туризма в модернизации экономики российских регионов. Сборник научных статей по матер. междунар. науч.-практ. конф., 8–10 июня 2010 г., Петрозаводск-Кондопога. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2010. С. 27–32. URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2011/rol_turism/rol_turism_027-32.pdf
2. *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М. : НОФМО, 2008. 363 с. EDN: QPBWQJ
3. *Григорьев Л. М., Жаронкина Д. В.* Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1. С. 176–200. EDN: LURRHY. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-08
4. *Епифанова Н. С., Полозков М. Г.* Опыт территориального развития в Китае // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 6. № 8 (149). С. 114–121. EDN: ENRKGD. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.08.06.011
5. *Заклязьминская Е. О.* Туристическая отрасль в стратегии развития Китая : монография. М. : ИМЭМО РАН, 2021. 234 с. EDN: TETTBQ. DOI: 10.20542/978-5-9535-0597-0

6. *Ивлиева О. В., Ма Цзя, Лю Чэнь.* Динамика въездного международного туризма в основных туристических регионах Китая // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. 2022. № 2. С. 53–61. EDN: EYQBE. DOI: 10.18522/1026-2237-2022-2-53-61
7. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А. В. Виноградов. М. : Наука, 2016. 996 с. ISBN: 978-5-02-039212-0.
8. *Куклина Е. А., Ван Хэфэй.* Анализ современного состояния и перспектив развития рынка туристических услуг КНР // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 47–61. EDN: VPVPAQ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-47-61
9. *Куклина Е. А., Десятниченко Д. Ю.* Управление развитием туризма и рекреации в регионе: теоретические основы и практические направления деятельности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 68–74. EDN: WHWUZX
10. *Линь Сюэ.* Взаимосвязь стратегии «Один пояс — один путь» и сферы туризма // Исследования экономического развития. 2016. № 11, ч. 2. С. 173–174.
11. *Лю Ин.* Этапы развития туризма в Китае и его характеристики с позиции культурологии // Вестник культуры и искусств. 2020. № 3 (63). С. 78–87. EDN: TAGKSU
12. *Муромцева З. А., Шао Жэнь.* Государственные предприятия КНР: реформы и развитие / отв. ред. В. И. Шабалин. М. : Институт Дальнего Востока РАН, 2017. 192 с. EDN: ZITVFL
13. *Петрова Н. А.* Создание макрорегионов как путь развития туризма в России // Теория и практика обслуживания: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 1 (15). С. 207–211. EDN: RBWKOF
14. *Понкратова Л. А., Титова А. Д.* Развитие туризма в Китае и его межрегиональная дифференциация // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск : Благовещенский гос. пед. ун-т, 2018. С. 415–420. EDN: XYAODJ
15. *Спартак А. Н.* Метаморфозы процесса регионализации: от торговых региональных соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (4). С. 13–37. EDN: ZUFNLZ. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37
16. Управление социально-экономическим развитием и туристско-рекреационной деятельностью на федеральном, региональном и местном уровнях: типологический подход / под ред. В. А. Шамахова (отв. ред.), В. М. Ходачека, М. Ю. Елсукова (монография) / СПб. : ИПЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2016. 178 с. EDN: XYIJJN
17. *Уржумцева Т. Б.* Алгоритм развития конкурентных преимуществ в сфере туризма в проекте «Один пояс — один путь» // Труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 220. С. 109–125. EDN: MZSRXR
18. 40 лет экономических реформ в КНР / сост. П. Б. Каменнов; отв. ред. А. В. Островский. М. : ИДВ РАН, 2020. 320 с. EDN: DJKNAF
19. *Чжан Линъюнь.* Записки о развитии туризма в Китае: «Один пояс — один путь» и развитие индустрии туризма Китая (II) // Туристическая трибуна. 2017. Т. 32. № 6. С. 1–3.
20. *Acemoglu Daron, Robinson James A.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York : Crown Business. 2012. 529 p. DOI: 10.1355/ae29-2j
21. *Zhang Hanqin Qiu, Chong King, Jenkins C. L.* Tourism policy implementation in mainland China: an enterprise perspective // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2002. No. 14 (1). P. 39. DOI:10.1108/09596110210415114

Об авторах:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: jeakuklina@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0457-2658

Борщева Екатерина Дмитриевна, аспирант кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: katya.borcsheva@mail.ru

References

1. Aleksandrova, A. Yu. Cluster Principles of Organizing Tourist Space (World Experience) // The Role of Tourism in Modernizing the Economy of Russian Regions : Collection of scientific articles on the materials of the international. Scientific and Practical. conf., June 8–10, 2010, Petrozavodsk-Kondopoga. Petrozavodsk: Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2010. P. 27–32. URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2011/rol_turism/rol_turism_027-32.pdf (In Russ.)
2. Vinogradov, A. V. Chinese Model of Modernization. Search for a New Identity. Moscow : NOFMO, 2008. 363 p. (In Russ.) EDN: QPBWQJ
3. Grigoriev, L. M., Zharonkina, D. V. China's Economy: Thirty Years of Outpacing Development // International Organisations Research Journal. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 176–200. (In Russ.) EDN: LURRHY. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-08
4. Epifanova, N. S., Polozkov, M. G. A Review of Territorial Development in China // Economy and Management: Problems, Solutions. 2024. Vol. 6. No. 8 (149). P. 114–121. (In Russ.) EDN: ENRKGD. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.08.06.011
5. Zaklyazminskaya, E. O. Tourism Industry in China's Development Strategy : monograph. Moscow : IMEMO RAS, 2021. 234 p. (In Russ.) DOI: 10.20542/978-5-9535-0597-0
6. Ivlieva, O. V., Ma, Jia, Liu, Chen. Dynamics of Inbound International Tourism in the Main Tourist Regions of China // Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Natural Sciences. 2022. No. 2. P. 53–61. (In Russ.) EDN: EYCQBE. DOI: 10.18522/1026-2237-2022-2-53-61
7. History of China from Ancient Times to the Early 21st Century: in 10 Vol. / ed. by S. L. Tikhvinsky; Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. Vol. IX: Reforms and Modernization (1976–2009) / ed. by A. V. Vinogradov. Moscow : Nauka, 2016. 996 p. ISBN: 978-5-02-039212-0. (In Russ.)
8. Kuklina, E. A., Wang, Hefei. Analysis of the Current State and Prospects for the Development of the Tourism Services Market in China // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 47–61. EDN: VPPAQ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-47-61. (In Russ.)
9. Kuklina, E. A., Desyatnichenko, D. Yu. Management of Development Tourism and Recreation in the Region: The Theoretical Basis and Practical Directions of Activity // Administrative Consulting. 2016. No. 5 (89). P. 68–74. (In Russ.) EDN: WHWUZX
10. Lin, Xue. The Relationship between the One Belt, One Road Strategy and the Tourism Sector // Research on Economic Development. 2016. No. 11. Part 2. P. 173–174. (In Russ.)
11. Liu, Ying. Stages of tourism development in China and Its Characteristics from the Point of View of Culture // Culture and Arts Herald. 2020. No. 3 (63). P. 78–87. (In Russ.) EDN: TAGKSU
12. Muromtseva, Z. A., Shao, Zhan. State-owned Enterprises of China: Reform and Development / ed. by V. I. Shabalin. Moscow : Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2017. 192 p. (In Russ.) EDN: ZITVFL
13. Petrova, N. A. Creation of Macroregions as a Way of Tourism Development in Russia // Theory and Practice of Service: Economics, Social sphere, Technologies. 2013. No. 1 (15). P. 207–211. (In Russ.) EDN: RBWKOF
14. Ponkratova, L. A., Titova, A. D. The Development of Tourism in China and It's Inter-Regional Differentiation // Russia and China: History and Prospects of Cooperation: materials of the VIII Int. scientific and practical. conf. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2018. P. 415–420. (In Russ.) EDN: XYAODJ
15. Spartak, A. N. Metamorphosis of Regionalization: from Regional Trade Agreements to Megaregional Projects // Outlines of Global Transformations. 2017. No. 10 (4). P. 13–37. (In Russ.) EDN: ZUFNLZ. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

16. Management of Socio-Economic Development and Tourism and Recreational Activities at the Federal, Regional and Local Levels: a typological approach / ed. by V. A. Shamakhov (editor-in-chief), V. M. Khodachek, M. Yu. Elsukov (monograph). St. Petersburg : IPC SZIU — branch RANEPa, 2016. 178 p. (In Russ.) EDN: XYJJJN
17. Urzhumtseva, T. B. Algorithm for the Development of Competitive Advantages in the Tourism Sector in the Project “One Belt — One Road” Project // Scientific Works of the VEO of Russia. 2019. Vol. 220. P. 109–125. (In Russ.) EDN: MZSRXR
18. 40 Years of Economic Reforms in the PRC / compiled by P. B. Kamennov; editor-in-chief A. V. Ostrovsky. Moscow : IFES RAS, 2020. 320 p. (In Russ.) EDN: DJKHAF
19. Zhang, Lingyun. Notes on the Development of Tourism in China: “One Belt, One Road” and the Development of China’s Tourism Industry (II), Tourism Tribune. 2017. Vol. 32. No. 6. P. 1–3. (In Russ.)
20. Acemoglu, Daron, Robinson, James A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York : Crown Business. 2012. 529 p. DOI: 10.1355/ae29-2j
21. Zhang, Hanqin Qiu, Chong, King, Jenkins, C. L. Tourism Policy Implementation in Mainland China: An Enterprise Perspective // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2002. No. 14 (1). P. 39. DOI: 10.1108/09596110210415114

About the authors:

Evgenia A. Kuklina, Professor of the Department of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russia), Doctor of Economics, Professor;
e-mail: jeakuklina@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0457-2658

Ekaterina D. Borscheva, postgraduate student of the Department of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: katya.borscheva@mail.ru

Влияние иноязычного населения Эстонии на развитие высокоинновационных услуг

Перышкин М. О.

Псковский государственный университет, Псков, Россия

e-mail: maik.peryshkin@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2883-1565

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Определить, какое влияние неэстоноязычное население оказывает на развитие сетевых структур в секторе высокоинновационных услуг Эстонии. Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: анализ литературных источников по тематике исследования; определить роль неэстоноязычного населения в секторе высокоинновационных услуг Эстонии; провести корреляционный и регрессионный анализ показателей, характеризующих влияние неэстоноязычного населения Эстонии на сетевые структуры в секторе высокоинновационных услуг. **Методы.** Для определения сетевых структур использовался показатель из сборника “Science.Technology.Innovation” статистической службы Эстонии, характеризующий число предприятий, имевших партнеров в области инновационной деятельности. Данные по кооперации между организациями Эстонии публикуются за двухгодичный период. При корреляционном и регрессионном анализе данные относились к последнему году в периоде. В качестве характеристики неэстоноязычного населения использовались показатели занятого в экономике населения. **Результаты.** Осуществлен анализ роли неэстоноязычного населения в экономике Эстонии, в том числе в секторе высокоинновационных услуг Эстонии. Треть занятого населения Эстонии с высшим образованием — это неэстоноязычное население. Четверть всех занятых специалистов высшего и среднего руководящего звена также представляет неэстоноязычное население. В отраслях «Информация и коммуникация» и «Профессиональная, научная и техническая деятельность» неэстоноязычное население составляет 1/5 всех занятых. По результатам проведенного регрессионного анализа была выявлена статистически значимая и достоверная регрессионная модель, свидетельствующая, что на развитие сетевых структур в отрасли информационных и компьютерных услуг оказывают влияние русскоязычные специалисты уровня «менеджер». **Выводы.** Несмотря на проводимую руководством Эстонии агрессивную политику по эстонизации, неэстоноязычное население, в особенности русскоязычное население, играет важную роль в ключевых отраслях экономики Эстонии. Вопрос языковой безопасности и разнообразия является важным элементом самоидентификации нации, поэтому необдуманные решения могут вести к росту социальной напряженности. В то же время ограничение в правах целой трети населения может усугубить не только социальную напряженность в обществе, но и отрицательно сказаться на экономическом развитии всей страны.

Ключевые слова: сетевые структуры, Эстония, языковая политика, инновационная экономика, национальные меньшинства, дискриминация

Для цитирования: Перышкин М. О. Влияние иноязычного населения Эстонии на развитие высокоинновационных услуг // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 71–84.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-71-84>. EDN: KSNPQL

The Impact of the Foreign-Speaking Population of Estonia on the Development of Highly Innovative Services

Mikhail O. Peryshkin

Pskov State University, Pskov, Russia

e-mail: maik.peryshkin@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2883-1565

ABSTRACT

Aim and tasks. To determine the influence of non-Estonian-speaking population on the development of network structures in the highly innovative services sector of Estonia. To achieve the objective of the study, the following objectives were set: analysis of literary sources on the topic of the study; determine the role of the non-Estonian-speaking population in the sector of highly innovative services of Estonia; conduct a correlation and regression analysis of indicators characterizing the influence of the non-Estonian-speaking population of Estonia on network structures in the sector of highly innovative services. **Methods.** To determine network structures, an indicator from the collection "Science. Technology. Innovation" of the Estonian statistical service was used, which characterizes the number of enterprises that had partners in the field of innovation activities. Data on cooperation between Estonian organizations is published for a two-year period. In the correlation and regression analysis, the data referred to the last year in the period. As a characteristic of the non-Estonian-speaking population, indicators of the population employed in the economy were used. **Results.** The role of the non-Estonian-speaking population in the Estonian economy, including in the Estonian highly innovative services sector, was analyzed. During the period under review, a third of the employed population of Estonia with higher education are non-Estonian-speaking. A quarter of all employed specialists in the top and middle management levels are also non-Estonian-speaking. In the sectors "Information and Communication" and "Professional, Scientific and Technical Activities", the non-Estonian-speaking population makes up 1/5 of all employed. Based on the results of the regression analysis, a statistically significant and reliable regression model was identified, indicating that the development of network structures in the information and computer services sector is influenced by Russian-speaking specialists at the "Manager" level. **Conclusions.** Despite the aggressive Estonianisation policy pursued by the Estonian leadership, the non-Estonian speaking population, especially the Russian speaking population, plays an important role in key sectors of the Estonian economy. The issue of linguistic security and diversity is an important element of the nation's self-identification, so ill-considered decisions can lead to increased social tension. At the same time, limiting the rights of a third of the population can not only aggravate social tension in society, but also have a negative impact on the economic development of the entire country.

Keywords: network structures, Estonia, language policy, innovative economy, national minorities, discrimination

For citation: Peryshkin M. O. The Impact of the Foreign-Speaking Population of Estonia on the Development of Highly Innovative Services // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 71–84. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-71-84>. EDN: KSNPQL

Введение

Экономисты все чаще исследуют социокультурные факторы как источники экономического роста. Культура, социальные нормы и ценности, язык влияют на поведение экономических агентов, что отражается на макроэкономических процессах [3; 8].

В работе А. А. Линченко, О. Ю. Смысловой, Д. В. Лакомовой «Оценка эффективности языковой политики как институциональной основы экономической политики в РФ: региональный аспект» [5] авторы фиксируют зависимость между языковой политикой и уровнем экономического развития моноязычного региона России. Д. В. Кадочников отмечает, что потенциал развития экономики России зависит от преодоления языковых барьеров представителями российского бизнеса, науки и культуры [4]. В то же время язык является не просто инструментом для кооперации между экономическими агентами. В языке отражается историческая память и культура его носителей. Язык и языковая политика относительно недавно стали объектами исследований в экономике, но уже успел сформироваться ряд гипотез об их влиянии на экономическое развитие. Вместе с тем эконометрический аппарат, который чаще всего используется в таких исследованиях, обладает рядом ограничений, не позволяющих сформировать однозначные выводы о роли языка в экономическом развитии страны [12].

Это связано с долгим историческим процессом формирования языка и других параллельных этому событий, например, выбором или сменой религии, общественного строя, развитием или упадком экономики, появлением новых или модернизацией существующих институтов. Все перечисленные факторы прямо или косвенно влияют друг на друга, поэтому выделять именно язык как ключевой фактор, оказывающий влияние на экономическое развитие, нельзя.

Языковая политика часто выступала одной из причин конфликтов. Носителям некоторых языков приписываются различные отрицательные качества, что ведет к формированию стереотипов и предрассудков, а в будущем к дискриминации по языковому признаку. Глобализация и цифровизация изменили сложившийся уклад. Развитие транснациональных корпораций, а также появление новых способов цифровой кооперации сделали возможным формирование мультиязычных коллективов в рамках одной компании.

Подобные тенденции позволили многим организациям привлекать высококвалифицированных специалистов со всего мира. Многие страны, нацеленные на инновационное развитие, стараются создать условия для привлечения и удержания таких специалистов. Грамотная языковая политика современного государства должна не только оберегать и развивать родные языки, но и создавать среду для гармоничного сосуществования других языков.

Вопрос формирования двуязычной или мультиязычной среды, которая бы способствовала социально-экономическому развитию страны, становится все более актуальным. В качестве примера двуязычной страны можно рассмотреть Канаду, в которой существует два государственных языка — французский и английский. Несмотря на то что сейчас Канаду можно считать примером грамотной двуязычной политики, мирному сосуществованию этих языков предшествовала долгая гражданская борьба за сохранение своего языка в качестве основного на протяжении XIX–XX вв. В то же время, по мнению исследователей, говорить об однозначно положительном влиянии двуязычия нельзя. Так, несмотря на рост благосостояния Канады за счет снижения внутренних торговых издержек, международные торговые издержки не меняются [13].

Есть пример Каталонии и Страны Басков, где изучение каталонского и баскского языка привело к еще большей поляризации между испанцами и местными жителями. Стоит отметить, что это может быть не связано именно с изучением языка, а является результатом общей социальной напряженности в данных регионах Испании и общего тренда на независимость в них [1].

В работе «Динамическая взаимосвязь между экономическим ростом и языком: новая перспектива технологического прогресса» авторы рассмотрели, как языки из различных морфологических типологий влияют на экономическое развитие [10]. Уровень сложности языка оказывает существенное влияние на экономическое развитие страны. Однако нельзя сказать, что использование сложного языка ведет к экономическому упадку, сложный язык развивает когнитивные способности его носителей, что повышает их уровень креативности. Кроме того, в странах со сложным языком общество имеет высокую социальную сплоченность, обладает развитой культурной идентичностью.

Авторы приходят к мнению, что развитие двуязычия оказывает положительный эффект в странах как со сложными языками, так и с простыми. Этот эффект достигается за счет доступа к глобальным рынкам

и культурной интеграции в международное сообщество, что должно вести к снижению транзакционных издержек. Кроме того, изучение других языков также окажет положительное влияние на человеческий капитал страны за счет развития его когнитивных способностей. В качестве позитивных примеров авторы приводят Японию и Южную Корею. В то же время авторы признают, что родной язык всегда считается маркером этнической принадлежности и любые изменения в отношении родного языка приведут к неожиданным социальным эффектам, которые могут помешать социальному и экономическому развитию.

Если в рамках одной страны исторически сложилась многоязычная среда, то попытки внести изменения в уже сложившиеся формальные и неформальные институты могут отрицательно сказаться на коммуникационных процессах. Соответственно, выключение из экономического оборота большой группы лиц, таких как русскоязычное население, может привести к отрицательному влиянию на экономическое развитие страны.

Отдельно стоит рассмотреть роль мультиязычной среды в рамках отдельных коллективов. В работе «Сети обмена знаниями: языковое разнообразие, его причины и последствия» авторы приходят к выводу, что языковое разнообразие расширяет сеть контактов участников сети [7]. Это положительно влияет на доступ к информации среди участников сети. Кроме того, сотрудники, включенные в многоязычные сети, имеют доступ к различным точкам зрения и идеям. Такое культурное и когнитивное разнообразие улучшает их уровень принятия решений и эффективность выполненных ими задач. Стоит отметить, что сами процессы обмена знаниями в мультиязычных и монологичных сетях не отличаются друг от друга. Это свидетельствует, что процесс обмена знаниями может не сильно отличаться, но при этом качество знаний, используемых при принятии решений, повышается за счет языкового разнообразия. В этом же исследовании авторы отмечают, что если в сети образуется отдельный языковой кластер участников, которые занимают высокое место в иерархии сети, то они не будут настроены переходить со своего языка на общепринятый, потому что они видят большую ценность знаний внутри кластера, чем за его пределами. Соответственно, это может оказать негативное влияние на рабочий климат в коллективе.

Как говорилось ранее, язык — это не просто способ коммуникации, но и часть культуры. Соответственно, при включении в команду носителей других языков, кроме нового языка, туда проникает и другая культура. В работах [9; 14] авторы изучают, как межкультурная среда мигрантов влияет на инновационные процессы в организациях. В организациях с инклюзивным корпоративным климатом культурный интеллект работников может способствовать развитию инновационного поведения среди работников-иностранцев. Под культурным интеллектом авторы понимают способность человека эффективно справляться с ситуациями культурного разнообразия. Высокий уровень инклюзивности усиливает преимущества, которые создает культурный интеллект в организации при обмене знаниями между участниками сети. Вместе с тем даже наличие развитого культурного интеллекта не обязательно трансформируется в инновационное поведение. На это оказывают влияние и другие факторы.

Запрет к использованию каких-либо языков не приведет к их исчезновению. Многие люди будут пытаться сохранить свой родной язык, а это может привести к социальной напряженности в обществе и увеличению языковой дистанции. По мнению ряда исследователей, языковая дистанция, усугубленная неравенством доходов (которое чаще всего является следствием языковой дискриминации), может стать решающим фактором возникновения социальных и языковых конфликтов [11].

Роль русскоязычного и неэстоноязычного населения в экономике Эстонии

Языковой вопрос для Эстонии является одним из ключевых направлений во внутренней политике. По данным статистической службы Эстонии, на 01.01.2024 русские были второй языковой группой по численности населения (21,6%) — 296 268 чел. С учетом украинцев (68 770 (5%)) и белорусов (11 402 (0,8%)) четверть населения Эстонии — русскоязычные¹.

На эстонском языке как на родном говорят 67%, как на иностранном — 17% жителей. Русский является вторым по распространенности языком: 29% говорят на нем как на родном языке и 38% — как

¹ Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

на иностранном (всего 67%). На английском языке говорят 47% населения, из них только 0,3% являются носителями языка¹.

Руководство Эстонии на протяжении всего существования Эстонии как отдельного государства прикладывало максимальные усилия к защите собственного языка [6]. В своих стратегических документах, посвященных языковой² и образовательной³ политике, упор делается на продвижение эстонского языка среди учащихся, для которых родной язык не является эстонским⁴. Для продвижения эстонского языка планируется использовать следующие инструменты: цифровизацию и различные медиаинструменты для продвижения эстонского языка (интегрированное программное обеспечение и его приложения, языково-технологические ресурсы (корпуса и словари), прототипы автоматического распознавания разговорной речи, прототипы аудиовизуального синтеза речи и создание системы машинного перевода, создание диалоговых систем «человек-машина» в ограниченных областях и создание инструментов для людей с особыми потребностями), а также:

- поддержку изданий СМИ, посвященных эстонскому языку или поддерживающих эстоноязычное творчество;
- разработку теле- и радиоигр, газетных викторин, ориентированных на эстонский язык;
- разработку и распространение игр, позволяющих общаться на эстонском языке;
- поддержку преподавания эстонского языка за рубежом.

Однако, кажется, наиболее распространенным инструментом для эстонского руководства остается «двуязычное образование».

В 2010 г. с целью выполнения закона «Об основной школе и гимназии» русскоязычные школы в Эстонии частично перешли к преподаванию на эстонском языке по принципу 60/40, при котором 60% преподается на эстонском, а 40% — на русском (всего 74 школы) [2].

Так, в документе, посвященном пятидесятилетию практики языкового погружения в эстонских школах, действующий на тот момент министр образования Евгений Осинковский заявляет, что «знать только один язык — скучно»⁵, при этом подчеркивая, что для освоения языка им надо постоянно пользоваться, но при этом внедряет модель, которая снижает возможность использования родного языка у русскоязычных детей.

С 2007 по 2021 г. в трех стратегиях, посвященных языковой политике Эстонии, отмечаются одни и те же проблемы^{6, 7}:

- нехватка материальных ресурсов, в т. ч. цифровых, на которые делает упор руководство Эстонии;
- нехватка квалифицированного персонала, в т. ч. учителей-предметников;
- отсутствие сотрудничества между образовательными учреждениями.

Стоит отметить, что и само руководство Эстонии понимает проблемы своих реформ, признавая, что почти десятилетие насильного принуждения к изучению эстонского языка для неэстонговорящих не дало никаких результатов — уровень владения эстонским не достиг требуемых показателей.

Кроме того, в стратегии эстонского языка⁸ отмечается, что в учебных заведениях по всему миру сокращается преподавание менее распространенных языков, в т. ч. эстонского. А преподавание эстонского языка за рубежом плохо организовано и неэффективно, так как на подобных курсах преподают люди,

¹ Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

² Estonian Language Strategy 2021–2035 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hm.ee/media/3761/download> (дата обращения: 22.08.2024).

³ Education strategy 2021–2035 [Электронный ресурс]. URL: https://www.educationestonia.org/wp-content/uploads/2022/12/haridusvaldkonna_arengukava_2035_kinnitaud_vv_eng_0-1.pdf (дата обращения: 22.08.2024).

⁴ Development Plan of the Estonian Language 2011–2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.digar.ee/viewer/et/nlib-digar:272452/247242/page/1> (дата обращения: 22.08.2024).

⁵ 15 лет языкового погружения [Электронный ресурс]. URL: <https://harno.ee/sites/default/files/documents/2021-04/2014-15-aastat-keele%C3%BCmlust.pdf> (дата обращения: 22.08.2024).

⁶ Estonian Language Strategy 2021–2035 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hm.ee/media/3761/download> (дата обращения: 22.08.2024).

⁷ Development Plan of the Estonian Language 2011–2017 (prolong until 2021 by the Order of Government of the Republic (No. 233, September 27, 2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.digar.ee/arhiiv/nlib-digar:272452> (дата обращения: 22.08.2024).

⁸ Estonian Language Strategy 2021–2035 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hm.ee/media/3761/download> (дата обращения: 22.08.2024).

не имеющие соответствующей квалификации и нуждающиеся в языковой подготовке. Однако курсы являются важным элементом репатриации талантливых соотечественников в рамках стратегии научного развития Эстонии.

В стратегии эстонского языка¹ к рискам относят интернационализацию бизнеса Эстонии и, как следствие, рост использования английского языка, а также отсутствие в программах английского языка в высших учебных заведениях достаточного количества курсов по эстонскому языку и культуре. При этом своей главной целью руководство Эстонии ставит именно натурализацию русскоязычного населения.

Эстония позиционирует себя как цифровое государство. Идет активная цифровизация государственного сектора страны. Ключевая отрасль экономики — информационные технологии.

Для развития таких высокотехнологичных и инновационных отраслей экономики, как информационные технологии, необходимо обеспечить данный сектор и смежные с ним кадрами с соответствующими компетенциями.

На рис. 1 представлена информация о структуре занятых в экономике Эстонии с высшим образованием (далее — в/о). Так, общая численность занятого населения с в/о — 297,8 тыс. чел., в 2007 г. этот показатель был равен 227,5 тыс. чел. 42,5% занятых в экономике Эстонии имеют в/о. Русскоязычное население составляет около трети всей рабочей силы с в/о в Эстонии.

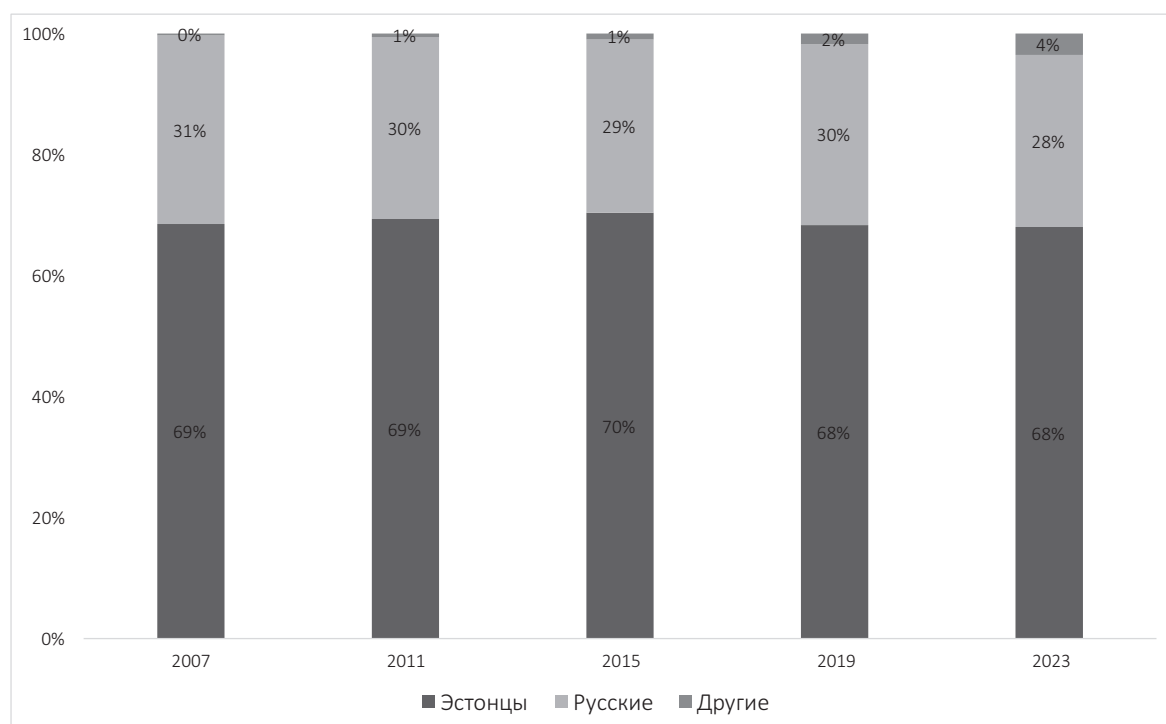

Рис. 1. Структура занятых с высшим образованием по этнической принадлежности, %²

Fig. 1. Structure of employed people with higher education by ethnicity, %

Далее рассмотрим этническую разбивку представителей групп специальностей — «менеджеры» (Major group №1 ISCO-08) (рис. 2) и «профессионалы» (Major group No. 2 ISCO-08) (рис. 3), то есть специалистов высшего и среднего руководящего звена.

¹ Estonian Language Strategy 2021–2035 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hm.ee/media/3761/download> (дата обращения: 22.08.2024).

² Составлено автором на основе данных службы статистики Эстонии: Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

За период с 2007 по 2023 г. общее число занятых в группе «профессионалы» выросло почти вдвое, с 96,3 до 172 тыс. занятых (темп прироста — 78,6%). Число эстонцев в данной группе сотрудников увеличилось с 74,6 до 132,3 тыс. занятых (темп прироста — 77,3%). Число русских увеличилось с 18,4 до 28 тыс. занятых (темп прироста — 52,2%) (рис. 2).

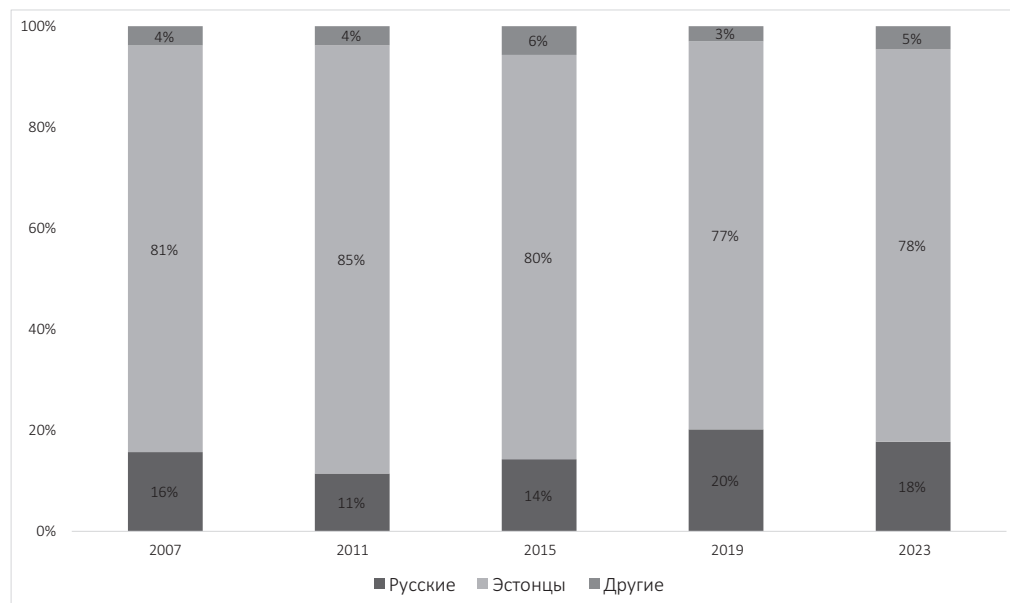

Рис. 2. Структура занятых на должностях группы Major group No. 1 ISCO-08 по этнической принадлежности, %¹

Fig. 2. Structure of those employed in positions of Major group No. 1 ISCO-08 by ethnicity, %

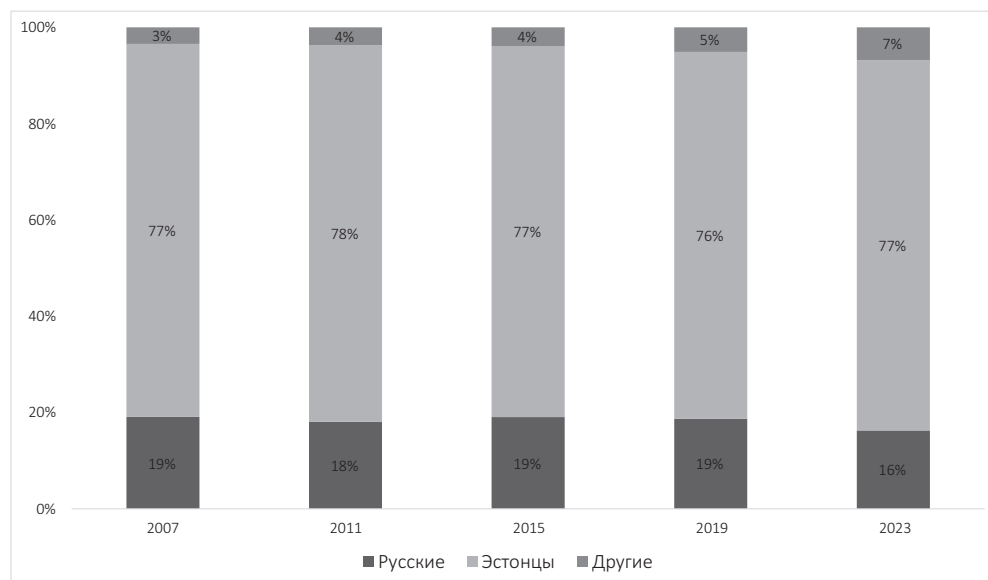

Рис. 3. Структура занятых на должностях группы Major group No. 2 ISCO-08 по этнической принадлежности, %²

Fig. 3. Structure of those employed in positions of Major group No. 2 ISCO-08 by ethnicity, %

¹ Составлено автором на основе данных службы статистики Эстонии: Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

² Составлено автором на основе данных службы статистики Эстонии: Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

За период с 2007 по 2023 г. общее число занятых в группе «менеджеры» снизилось с 76,5 до 54,7 тыс. занятых (снижение на 28,5%). Число эстонцев в данной группе сотрудников снизилось с 61,6 до 42,5 тыс. занятых (снижение на 31%). Число русских снизилось с 12 до 9,7 тыс. занятых (снижение на 19,2%). Доля других этносов снизилась с 2,9 до 2,5 тыс. занятых (снижение на 13,8%) (рис. 3). Подобные тенденции могут быть связаны с характером развития экономики Эстонии, а именно со вспомогательным характером ее деятельности. Ключевые вопросы по развитию разрабатываемых продуктов принимаются руководством материнских компаний за рубежом, а эстонские офисы выполняют лишь конкретные поручения. Для осуществления руководства такими подразделениями часть высшего менеджмента не нужна. Кроме того, экономика страны так и не оправилась от мирового финансового кризиса 2008 г. Часть организаций не возобновила свою работу, что также отрицательно сказалось на рынке высококвалифицированных кадров.

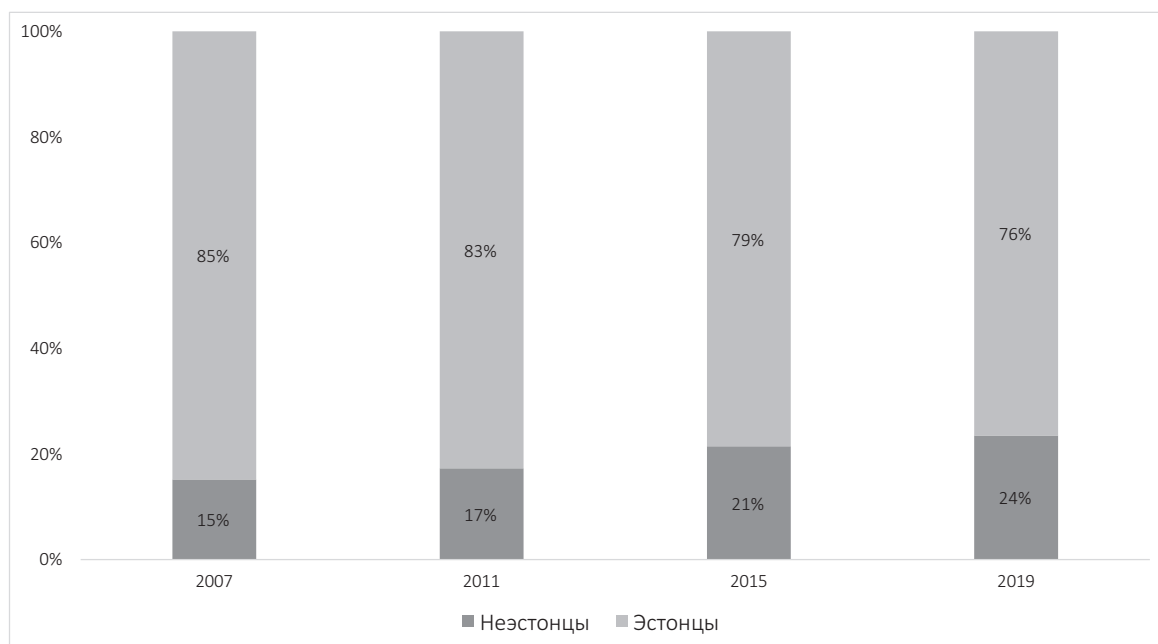

Рис. 4. Структура занятых в отраслях «Информационные и компьютерные технологии» и «Профессиональная, научная и техническая деятельность» по этнической принадлежности, %¹

Fig. 4. Structure of employment in the sectors “Information and computer technology” and “Professional, scientific and technical activities” by ethnicity, %

Далее рассмотрим этнический состав работников в отраслях «Информационные и компьютерные технологии» и «Профессиональная, научная и техническая деятельность» (рис. 4). В 2019 г. 10% (63,8 тыс. чел.) всех занятых в экономике приходилось на отрасль «Информация и коммуникация» (5% — 32,3 тыс. занятых, из них 9,3 тыс. занятых (28,7%) неэстонцев) и «Профессиональная, научная и техническая деятельность» (5% — 31,5 тыс. занятых, из них 5,7 тыс. занятых (18%) неэстонцев).

За период с 2004 по 2018 г. структура занятых эстонцев и неэстонцев в рассматриваемых отраслях претерпела следующие изменения (рис. 5). За период с 2007 по 2019 г. темп прироста эстонцев в рассматриваемых отраслях составил 82% (10,2 тыс. занятых). Прирост неэстонцев составил 213% (12 тыс. занятых).

Неэстоноязычное население играет заметную роль в экономике Эстонии, а именно в ее наукоемком секторе и, кроме того, в секторе информационных технологий, который исходя из стратегических задач является ключевым для экономики Эстонии.

¹ Составлено автором на основе данных службы статистики Эстонии: Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

Рис. 5. Структура организаций, имевших партнеров в области инновационной деятельности по отраслям, %¹

Fig. 5. Structure of organizations that had partners in the field of innovation activities by industry, %

Для развития устойчивой и инновационной экономики необходимо создавать и развивать кооперацию между организациями. Вовлечение бизнеса в рамках совместных проектов может оказать положительное влияние как на диффузию инноваций и перетоки знаний, так и на появление новых радикальных инноваций. Развитие кооперации между организациями влияет на уровень взаимного доверия, что в дальнейшем снижает транзакционные издержки.

За рассматриваемый период число инновационных организаций Эстонии, вовлеченных в совместную деятельность, выросла на 94,6% (с 765 в 2004 г. до 1489 в 2018 г.). Доля инновационных организаций из сектора услуг в общем числе организаций выросла с 43,7% до 48,9%. Доля кооперирующих организаций в секторе информационных технологий и научной деятельности выросла с 20% (67 организаций) до 40% (292 организации).

Материалы и методы

Основной метод, применяемый для анализа, — метод панельных данных. Корреляционный и регрессионный анализ проводился с помощью программного обеспечения для статистического анализа JASP. Информационной базой выступили данные службы государственной статистики Эстонии за 2004–2018 гг. Для повышения качества и достоверности результатов регрессионной модели перед проведением корреляционного и регрессионного анализа данные были логарифмированы с помощью Microsoft Excel.

Результаты

На первом этапе исследования был проведен корреляционный анализ с целью выявления статистической взаимосвязи следующих показателей (табл. 1 и табл. 2, с. 80).

¹ Составлено автором на основе данных службы статистики Эстонии: Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

Таблица 1

Используемые переменные¹

Table 1. Variables used

IT_net	Число инновационных предприятий в отрасли «Информационные и компьютерные технологии», осуществляющих совместную инновационную деятельность, ед.
Science_net	Число инновационных предприятий в отрасли «Научные исследования и разработки», осуществляющих совместную инновационную деятельность, ед.
Rus_manager	Число трудоустроенных русских на должности, соответствующие Major group No. 1 ISCO-08, тыс. чел.
Rus_prof	Число трудоустроенных русских на должности, соответствующие Major group No. 2 ISCO-08, тыс. чел.
IT_NonEst	Число трудоустроенных в отрасли «Информационные и компьютерные технологии» неэстонцев, тыс. чел.
Science_NonEst	Число трудоустроенных в отрасли «Научные исследования и разработки» неэстонцев, тыс. чел.

Таблица 2

Матрица парных коэффициентов корреляции, %²

Table 2. Matrix of paired correlation coefficients, %

Коэффициенты	IT_net	Science_net	Rus_manager	Rus_prof	IT_NonEst	Science_NonEst
IT_net	–					
Science_net	90,8	–				
Rus_manager	23,0	30,0	–			
Rus_prof	76,6	51,5	-0,5	–		
IT_NonEst	62,2	56,7	18,0	47,7	–	
Science_NonEst	44,7	11,5	5,8	53,4	55,3	–

По результатам проведенного исследования, была выявлена статистически значимая корреляция между показателем «Число инновационных предприятий в отрасли «Информационные и компьютерные технологии», осуществляющих совместную инновационную деятельность» и «Число трудоустроенных русских на должности, соответствующие Major group No. 2 ISCO-08». Далее был проведен регрессионный анализ панельных данных (табл. 3).

Таблица 3

Характеристика регрессионной модели влияния русских, занятых на должностях, соответствующих Major group No. 2 ISCO-08, на число инновационных предприятий в отрасли «Информационные и компьютерные технологии», осуществляющих совместную инновационную деятельность³

Table 3. Characteristics of the regression model of the influence of Russians employed in positions corresponding to Major group No. 2 ISCO-08 on the number of innovative enterprises in the industry “Information and computer technologies” implementing joint innovative activities

R-квадрат		0,587
Значимость F		8,523
p-значение		0,027
Durbin-Watson	Statistic	2,240
	p	0,945
t-статистика предиктора		2,919
p-значение предиктора		0,027

¹ Составлено автором на основе данных службы статистики Эстонии: Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

² Составлено автором на основе корреляционного анализа данных службы статистики Эстонии: Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

³ Составлено автором на основе регрессионного анализа данных службы статистики Эстонии: Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

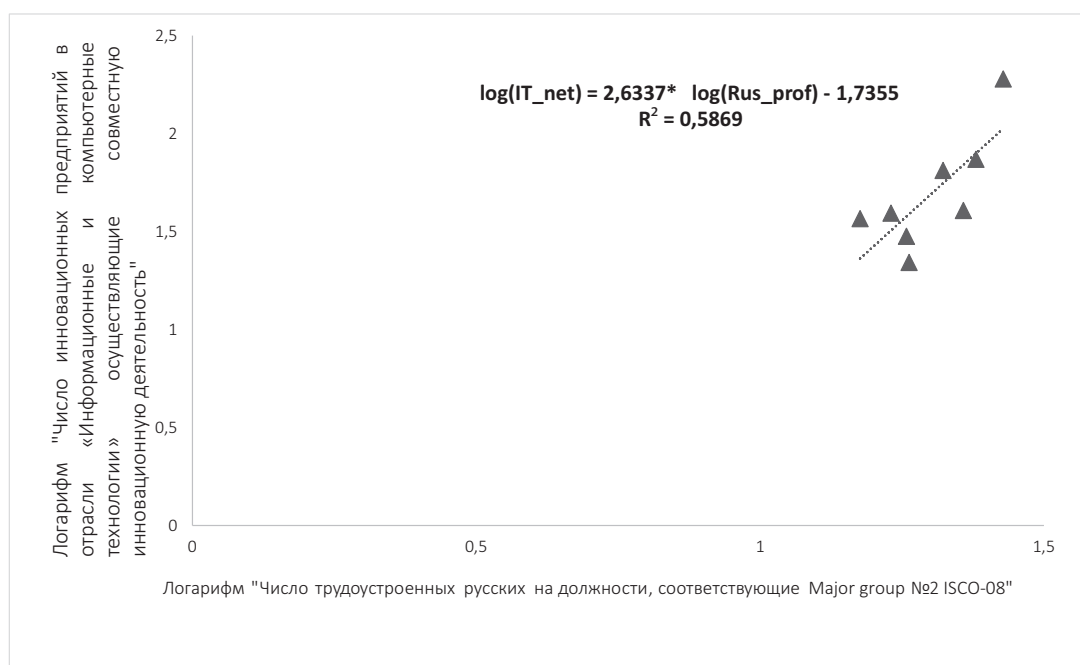

Рис. 6. Регрессионная зависимость кооперации в информационно-компьютерной отрасли от влияния числа русских, занятых на должностях, соответствующих Major group No. 2 ISCO-08¹

Fig. 6. Regression dependence of cooperation in the information and computer industry on the influence of the number of Russians employed in positions corresponding to Major group No. 2 ISCO-08

В ходе проведенного регрессионного анализа можно говорить о статистической значимости (коэффициент детерминации — 0,587) и достоверности полученных результатов регрессии (р-значение < 0,05), автокорреляции не выявлено (критерий Дарбина-Уотсона близок к 2, р-значение > 0,05) (табл. 3).

Обсуждение

Специалисты уровня Major group No. 2 ISCO-08 оказывают существенное влияние на развитие межфирменного взаимодействия в IT-отрасли. Коэффициент детерминации показывает, что 58,7% изменений в модели объясняют именно трудоустроенными русскими на должностях, соответствующие Major group No. 2 ISCO-08. Так как данные были логарифмированы, то результаты регрессии можно интерпретировать следующим образом: с ростом показателя «Число трудоустроенных русских на должностях, соответствующие Major group No. 2 ISCO-08» на 1% показатель «Число инновационных предприятий в отрасли «Научные исследования и разработки», осуществляющие совместную инновационную деятельность», растет на 2,63% (рис. 6).

Полученные результаты нельзя интерпретировать однозначно, поскольку в исследовании не учитывается возможный предельный эффект влияния предиктора «Число трудоустроенных русских на должностях, соответствующие Major group No. 2 ISCO-08» и при дальнейшем росте числа русскоязычных менеджеров их влияние на развитие сетевых структур может снижаться. Помимо этого, рассматриваемый предиктор характеризует общее число трудоустроенных русских на определенной группе должностей, в дальнейшем же при смене поколений, несмотря на возможное сохранение абсолютного значения числа трудоустроенных русских, их качественные характеристики могут измениться, соответственно, достоверность регрессионной модели может снизиться.

¹ Составлено автором на основе перрессионного анализа данных службы статистики Эстонии: Statistical database [Электронный ресурс] // Statistics Estonia. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 22.08.2024).

Полученные результаты могут свидетельствовать о необходимости продолжения исследования и расширения показателей, используемых в регрессионном анализе.

Заключение

Проведенный анализ показал, что неэстоноязычное, в том числе русскоязычное население играет важную роль в инновационных отраслях экономики Эстонии. В условиях слабых конкурентных преимуществ Эстонии по сравнению с экономически развитыми странами отказ от высококвалифицированных кадров может привести к развитию кризисных тенденций в экономике и утрате конкурентоспособности в ключевых отраслях экономики.

Развитие русского языка должно снизить внутренние транзакционные издержки между организациями, что положительно скажется на деловом климате страны. Также развитие русского языка позволило бы эстонским организациям стать более активными участниками рынка СНГ и ЕАЭС, который в условиях трансформации мировой экономики активно привлекает инвестиции.

Кроме того, развитие кооперации с русскоязычными командами может помочь преодолеть дефицит кадров, сформировавшийся в Эстонии из-за миграции высококвалифицированных специалистов в развитые страны Евросоюза.

Список литературы

1. Асос и Фонт Э. Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании // Языковая политика, конфликты и согласие : сб. статей. М., 2017. С. 162–199.
2. Володина А. В. Двужычие в Эстонии: политика, образование, культура, менталитет // Сибирский филологический форум. 2021. № 2 (14). С. 47–56. EDN: DEJAEN. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-77
3. Григорьев Л. М., Майхрович М.-Я. Я. Теории роста и реалии последних десятилетий (Вопросы социокультурных кодов — к расширению исследовательской программы) // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 18–42. EDN: FIINTW. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-18-42
4. Кадочников Д. В. Цели и задачи языковой политики и проблемы социально-экономического развития России // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 1. С. 96–111. EDN: ZCYGQX. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-96-111
5. Линченко А. А., Смылова О. Ю., Лакомова Д. В. Оценка эффективности языковой политики как институциональной основы экономической политики в РФ: региональный аспект // Социодинамика. 2020. № 11. С. 1–27. EDN: RGUKCE. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.11.34515
6. Фролов В. В., Межевич Н. М., Хришкевич Т. Г., Перышкин М. О. Политика государств Прибалтики в отношении русского языка и культуры в постсоветский период: аналитический доклад // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Псковский государственный университет; Ассоциация внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко. Псков : Псковский государственный университет, 2023. 136 с. ISBN: 978-5-00200-158-3. EDN: VPULSQ
7. Ahmad F. Knowledge-Sharing Networks: Language Diversity, Its Causes, and Consequences // Knowledge and Process Management. 2017. No. 24 (2). P. 139–151. DOI: 10.1002/kpm.1539
8. Atadjanova S., Kurbanova I. Economics and Linguistics // E3S Web of Conferences : International Scientific Siberian Transport Forum — TransSiberia 2023. Novosibirsk : EDP Sciences, 2023. Vol. 402. P. 08021. EDN: TBWSHK. DOI: 10.1051/e3sconf/202340208021
9. Fan Peng, Song Yixiao, Nepal Surya, Lee HyounGtaek. Can Cultural Intelligence Affect Employee's Innovative Behavior? Evidence from Chinese Migrant Workers in South Korea // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.559246
10. Gang Cuiui, Li Juanwei, Hu Haiqing, Wei Wei. Dynamic co-Movement between Economic Growth and Language: A New Perspective of Technological Progress // International Review of Economics & Finance. 2023. Vol. 85 (C). P. 705–721. DOI: 10.1016/j.iref.2023.02.014

11. *Ginsburgh V., Weber S.* The Economics of Language // *Journal of Economic Literature*. 2020. Vol. 58. No. 2. P. 348–404. DOI: 10.1257/jel.20191316
12. *Grin F.* Language Planning and Economics // *Current Issues in Language Planning*. 2003. Vol. 4. No. 1. P. 1–66. DOI: 10.1080/14664200308668048
13. *Gurevich T., Herman P., Toubal F., Yotov Yoto.* One Nation, One Language? Domestic Language Diversity, Trade and Welfare // *SSRN Electronic Journal*. 2021. DOI: 10.2139/ssrn.3774667
14. *Wendy D. Roth, Marc-David L. Seidel, Dennis Ma, Eiston Lo.* In and Out of the Ethnic Economy: A Longitudinal Analysis of Ethnic Networks and Pathways to Economic Success Across Immigrant Categories // *International Migration Review*. 2012. Vol. 46. No. 2. P. 310–361. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2012.00889.x

Об авторе:

Перышкин Михаил Олегович, старший преподаватель кафедры экономики, финансов и финансового права, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета (Псков, Россия);
e-mail: maik.peryshkin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2883-1565

Reference

1. Alos i Font, H. Language Policy in Catalonia and the Nationalist Conflict in Spain // In: *Language Policy, Conflicts and Reconciliation*. Moscow : IEA RAS, 2017. P. 162–199. (In Russ.)
2. Volodina, A. V. Bilingualism in Estonia: POLITICS, Education, Culture, AND Mentality // *Siberian Philological Forum*. 2021. No. 2 (14). P. 47–56. (In Russ.) EDN: DEJAEN. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-77
3. Grigoryev, L. M., Maykhrovitch, M.-Ya. Y. Growth Theories: The Realities of the Last Decades (Issues of Sociocultural Codes — to the Expansion of the Research Program) // *Voprosy Ekonomiki*. 2023. No. 2. P. 18–42. (In Russ.) EDN: FIHTW. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-18-42
4. Kadochnikov, D. V. Goals and Objectives of Language Policy and Problems of Socio-Economic Development of Russia // *Terra Economicus*. 2019. Vol. 17. No. 1. P. 96–111. (In Russ.) EDN: ZCYGQX. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-96-111
5. Linchenko, A. A., Smyslova, O. Yu., Lakomova, D. V. Assessment of Efficiency of Language Policy as the Institutional Framework of Economic Policy in the Russian Federation // *Sociodynamics*. 2020. No. 11. P. 1–27. (In Russ.) EDN: RGUKCE. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.11.34515
6. Frolov, V. V., Mezhevich, N. M., Khrishkevich, T. G., Peryshkin, M. O. Policy of the Baltic States in Relation to the Russian Language and Culture in the Post-Soviet Period: analytical report // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Pskov State University; A. A. Gromyko Association for Foreign Policy Studies. Pskov : Pskov State University, 2023. 136 p. ISBN: 978-5-00200-158-3. (In Russ.) EDN: VPULSQ
7. Ahmad, F. Knowledge-Sharing Networks: Language Diversity, Its Causes, and Consequences // *Knowledge and Process Management*. 2017. No. 24 (2). P. 139–151. DOI: 10.1002/kpm.1539
8. Atadjanova, S., Kurbanova, I. Economics and Linguistics // *E3S Web of Conferences : International Scientific Siberian Transport Forum — TransSiberia 2023*. Novosibirsk : EDP Sciences, 2023. Vol. 402. P. 08021. EDN: TBWSHK. DOI: 10.1051/e3sconf/202340208021
9. Fan, Peng, Song, Yixiao, Nepal, Surya, Lee, HyungTaek. Can Cultural Intelligence Affect Employee's Innovative Behavior? Evidence from Chinese Migrant Workers in South Korea // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.559246
10. Gang, Cuiui, Li, Juanwei, Hu, Haiqing, Wei, Wei. Dynamic co-Movement between Economic Growth and Language: A New Perspective of Technological Progress // *International Review of Economics & Finance*. 2023. Vol. 85 (C). P. 705–721. DOI: 10.1016/j.iref.2023.02.014

11. Ginsburgh, V., Weber, S. The Economics of Language // Journal of Economic Literature. 2020. Vol. 58. No. 2. P. 348–404. DOI: 10.1257/jel.20191316
12. Grin, F. Language Planning and Economics // Current Issues in Language Planning. 2003. Vol. 4. No. 1. P. 1–66. DOI: 10.1080/14664200308668048
13. Gurevich, T., Herman, P., Toubal, F., Yotov, Yoto. One Nation, One Language? Domestic Language Diversity, Trade and Welfare // SSRN Electronic Journal. 2021. DOI: 10.2139/ssrn.3774667
14. Wendy D., Roth, Marc-David L., Seidel, Dennis, Ma Eiston, Lo. In and Out of the Ethnic Economy: A Longitudinal Analysis of Ethnic Networks and Pathways to Economic Success Across Immigrant Categories // International Migration Review. 2012. Vol. 46. No. 2. P. 310–361. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2012.00889.x

About the author:

Mikhail O. Peryshkin, Senior Lecturer of the Department of Economics, Finance and Financial Law, research fellow at the research laboratory “Center for Comprehensive Study of Regional Security Problems” of Pskov State University (Pskov, Russia);
e-mail: maik.peryshkin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2883-1565

Перспективы развития рынков газового конденсата и сжиженного углеводородного сырья

Гореловская М. Д.

Финансовый университет при Правительстве РФ; ПАО «Мосэнерго», Москва, Россия

e-mail: mariyagorelovskaya@mail.ru

ORCID: 0009-0009-6777-5314

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Целью исследования является анализ текущего состояния и перспектив развития мирового и российского рынков газового конденсата и сжиженных углеводородных газов (СУГ). Основные задачи исследования включают оценку экономической значимости указанных продуктов, анализ правового регулирования, а также выявление ключевых тенденций потребления и влияния санкционных ограничений. **Методология** исследования базируется на анализе статистических данных о добыче, переработке, экспорте и потреблении газового конденсата и СУГ, используются методы анализа правовых и экономических барьеров, влияющих на рынок, применен ретроспективный анализ мировых и российских рынков для выявления ключевых трендов.

Результаты. Анализ показал основные драйверы изменения структуры предложения и потребления газового конденсата и СУГ. Выявлены ключевые факторы ценообразования, влияющие на конкурентоспособность российских поставщиков, рассмотрены санкционные и правовые ограничения, оказывающие значительное влияние на экспортные возможности. **Выводы.** Исследование подтвердило необходимость диверсификации экспортных рынков, развития перерабатывающих мощностей и совершенствования логистической инфраструктуры для повышения конкурентоспособности российских производителей на мировом рынке. Результаты могут быть полезны нефтегазовым компаниям и государственным регуляторам.

Ключевые слова: энергетический рынок, сжиженные углеводородные газы, газовый конденсат, экспортные ограничения, логистическая инфраструктура, санкционное регулирование, международная торговля

Для цитирования: Гореловская М. Д. Перспективы развития рынков газового конденсата и сжиженного углеводородного сырья // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 85–97.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-85-97>. EDN: KVKPFO

Prospects of the Domestic Markets of Gas Condensate and LPG Development

Maria D. Gorelovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation; PJSC Mosenergo, Moscow, Russia

e-mail: mariyagorelovskaya@mail.ru

ORCID: 0009-0009-6777-5314

ABSTRACT

Aim and tasks. The purpose of the study is to analyse the current state and prospects of development of the global and Russian markets of gas condensate and liquefied petroleum gas (LPG). The main objectives of the study include assessing the economic importance of these products, analysing legal

regulation, as well as identifying key consumption trends and the impact of sanctions restrictions.

Methods. The research methodology is based on the analysis of statistical data on the production, processing, export and consumption of gas condensate and LPG, methods of analysing legal and economic barriers affecting the market are used, and retrospective analysis of the global and Russian markets is applied to identify key trends. **Results.** The analysis reveals the main drivers of changes in the supply and consumption structure of gas condensate and LPG. Key pricing factors affecting the competitiveness of Russian suppliers were identified, sanctions and legal restrictions that have a significant impact on export opportunities were considered. **Conclusions.** The study confirmed the need to diversify export markets, develop processing facilities and improve logistics infrastructure to enhance the competitiveness of Russian producers in the global market. The results may be useful for oil and gas companies and government regulators.

Keywords: energy market, liquefied hydrocarbon gases, gas condensate, export restrictions, logistics infrastructure, sanctions regulation, international trade

For citation: Gorelovskaya M. D. Prospects of the Domestic Markets of Gas Condensate and LPG Development // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 85–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-85-97>. EDN: KVKPFO

Введение

Современные тенденции в энергетическом секторе подчеркивают рост значимости альтернативных углеводородных продуктов, таких как газовый конденсат и сжиженные углеводородные газы (СУГ), являющихся важными компонентами мировой энергетической системы и нефтехимической промышленности. В условиях изменений глобального рынка, роста спроса на углеводородное сырье и изменения экспортных направлений актуальным становится исследование механизмов их реализации, регулирования и перспектив развития [4].

Обзор литературы показывает, что основное внимание в исследованиях уделяется физико-химическим свойствам данных продуктов, особенностям их производства и переработки, а также регулированию рынка. Однако недостаточно изучены вопросы влияния санкционных ограничений и смены традиционных рынков сбыта. Вопросы, связанные с добычей, переработкой и реализацией СУГ и газового конденсата, освещены в научных работах и аналитических обзорах различных исследовательских организаций. В работах В. В. Русакова и А. Л. Лапидуса анализируются физико-химические свойства и технологические особенности переработки данных углеводородов. Исследования И. В. Ковалевой [2] посвящены экономическим аспектам развития рынка СУГ в России, включая анализ внутреннего потребления и экспортного потенциала. В зарубежной литературе (J. Smith, R. Brown) особое внимание уделяется динамике мирового рынка газового конденсата и влиянию факторов спроса и предложения на его ценовую политику.

Цель исследования — анализ текущего состояния и перспектив развития мирового и российского рынков СУГ и газового конденсата в условиях изменяющейся мировой экономической конъюнктуры.

Задачи исследования

1. Изучить физико-химические свойства СУГ и газового конденсата и их влияние на переработку и транспортировку.
2. Провести анализ мирового и внутреннего рынков, включая ключевые тенденции спроса, предложения и ценообразования.
3. Исследовать влияние санкционного регулирования на реализацию данных углеводородных ресурсов.
4. Оценить перспективы дальнейшего развития рынка данных углеводородных продуктов.

Материалы и методы

Сжиженный углеводородный газ или сжиженный нефтяной газ (СНГ) или пропан-бутан (смесь пропана C_3H_8 и бутана C_4H_{10}) — альтернативное топливо, смесь легких углеводородов, таких как пропан, бутан и их изомеры. СУГ является побочным продуктом переработки нефти, содержится в составе попутного нефтяного газа (ПНГ), выделяемого в процессе добычи нефти, а также побочным продуктом стабилизации природного газа при разделении на фракции легких углеводородов (пропан и бутан) [2].

Рассмотрим основные модели использования СУГ [10].

1. Сжигание при добыче в случае отсутствия возможности транспортировки углеводородов.
2. Использование на внутренние нужды добывающего комплекса. СУГ активно используется на месторождениях для обеспечения производственных процессов, например, в качестве топлива для техники, обслуживающей добывающий комплекс.
3. Использование на ТЭЦ и КЭЦ для генерации тепловой и электрической энергии, что особенно актуально в регионах с отсутствием доступа к централизованному газоснабжению.
4. Экспорт в составе нефти через магистральные мощности ПАО «Транснефть». СУГ может быть экспортирован в составе нефти после его смешивания (блендинга), что повышает качественные показатели нефти и ее стоимости.
5. Прямой экспорт СУГ. СУГ экспортируется как самостоятельный продукт морскими танкерами или в специальных цистернах в страны Азии (Китай, Япония, Южная Корея) и в европейские страны [Там же].
6. Поставка для бытовых нужд (отопление, приготовление пищи, обеспечение бытовых генераторов).
7. Использование в качестве моторного топлива. СУГ используется как альтернативное топливо для автомобилей, поскольку оно снижает выбросы углекислого газа и стоимость эксплуатации транспорта [6].
8. Использование в нефтехимической промышленности для производства: олефинов (этилен, пропилен) — базовые компоненты для создания пластмасс, синтетических материалов и резины, ароматических углеводородов (бензол, толуол), которые используются в производстве растворителей, красок и химических реагентов.
9. СУГ используют в качестве топлива для сельского хозяйства: для обогрева теплиц, зерносушилок.
10. Использование в автономных энергетических установках, включая генераторы на отдаленных объектах.
11. Использование в качестве резервного источника энергии в крупных промышленных или коммерческих объектах для обеспечения непрерывной работы при сбоях в электроснабжении.

Газовый конденсат и сжиженные углеводородные газы — это два продукта, получаемых из природного газа или нефти, но они различаются по составу, физическим свойствам, способу получения и применению. Газовый конденсат формируется в процессе, называемом «ретроградной конденсацией», который происходит при снижении давления [3]. Когда углеводороды, находящиеся под высоким давлением (сотни атмосфер) в недрах земли в виде гомогенного раствора, поднимаются на поверхность, их давление падает до атмосферного. В результате такого снижения давления из сверхплотных газообразных углеводородов выделяется газовый конденсат¹.

В учебнике А. Л. Липидуса, И. А. Голубевой, Ф. Г. Жагфарова «Газохимия» представлены физико-химические свойства газовых конденсатов, которые определяются его составом, температурой, давлением и содержанием примесей. Содержат преимущественно легкие углеводороды (C_5 – C_{10}), включая пентан, гексан, гептан и их изомеры. Плотность обычно составляет 650–850 кг/м³ при температуре +20 °С, зависит от содержания тяжелых углеводородов и степени очистки. Высокая калорийность 40–45 МДж/кг делает его ценным энергетическим ресурсом. Высокое содержание легких фракций (до 60–70%) делает его схожим с бензином².

¹ Русакова В. В., Липидус А. Л., Крылов И. Ф., Емельянов В. Е. Углеводородные и альтернативные топлива на основе природных газов : учебное пособие. М. : ФГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2006. 184 с.

² Липидус А. Л., Голубева И. А., Жагфаров Ф. Г. Газохимия : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2013. 405 с.

Газовый конденсат, представляющий собой смесь легких углеводородов, выделяемую из природного газа, является ценным ресурсом, широко применяемым в различных отраслях экономики [5].

1. Переработка в нефтепродукты [1].
2. Использование в качестве топлива для электростанций, включая газотурбинные установки.
3. Сырье для нефтехимической промышленности.
4. Экспорт. Стабилизированный газовый конденсат экспортируется в виде отдельного продукта на международные рынки, где используется в нефтехимической и энергетической промышленности.
5. Добавка в товарную нефть для повышения ее объема и улучшения физико-химических свойств, таких как плотность и давление насыщенных паров.
6. Альтернативное применение. Используется как замена мазута для отопления промышленных объектов.

Результаты

Ежегодный отчет Международного энергетического агентства представляет собой обзор динамики потребления нефти и нефтепродуктов до 2030 г. Согласно данному отчету, нефтехимическое сырье станет краеугольным камнем общего роста, поскольку мировое потребление полимеров и синтетических волокон неуклонно растет.

Крупнейшими экспортерами газового конденсата являются страны Ближнего Востока и США. Основными импортерами выступают страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Южная Корея, Япония), где высок спрос на нефтехимическую продукцию.

Рост предложения газового конденсата (C_5+) происходит из США (+100 тыс. барр. в день) и Канады (+30 тыс. барр. в день), а также с Ближнего Востока (+120 тыс. барр. в день) (рис. 1). Большая часть C_5+ используется в качестве разбавителя для тяжелой нефти, а также для смешивания с бензином.

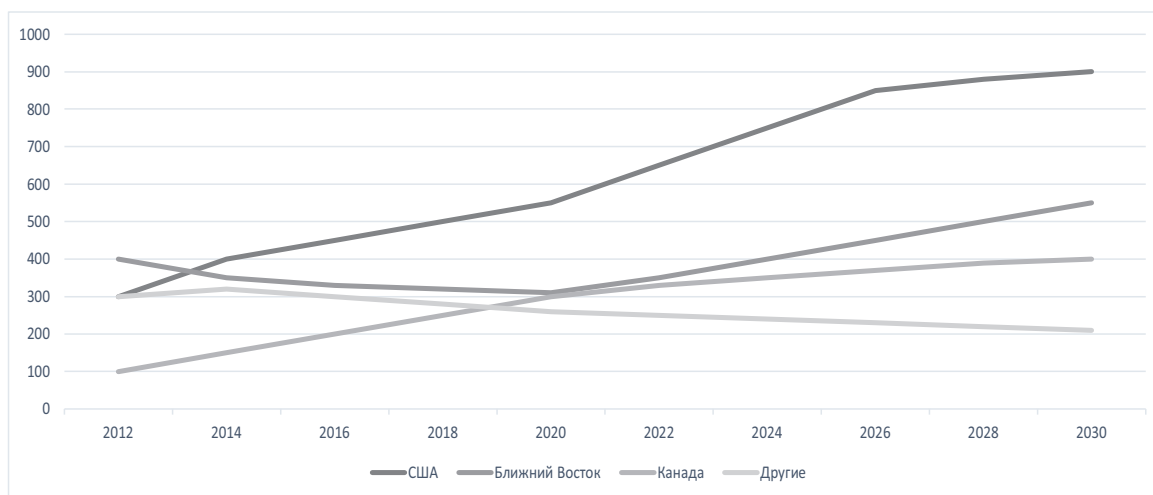

Рис. 1. Динамика мирового производства газового конденсата, тыс. барр./сут.¹

Fig. 1. Dynamics of global gas condensate production, thousand barrels per day

По прогнозам МЭА, к 2030 г. США становятся доминирующим регионом с объемом конденсата, достигающим 900 тыс. барр. в день, что почти вдвое превышает уровень 2012 г. (~300 тыс. барр. в день).

¹ International Energy Agency. Oil 2024 — Analysis and forecast to 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/493a4f1b-c0a8-4bfc-be7b-b9c0761a3e5e/Oil2024.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).

Производство на Ближнем Востоке остается стабильным с небольшим увеличением, так как сосредоточено больше на добыче сырой нефти, чем на развитии фракционирования. К 2030 г. объем достигает 550 тыс. барр. в день, что лишь немного превышает показатели 2012 г. (~400 тыс. барр. в день).

К 2030 г. производство в Канаде достигает 400 тыс. барр. в день, что примерно в четыре раза выше уровня 2012 г. (~100 тыс. барр. в день).

Потребление СУГ в течение прогнозируемого периода до 2030 г. увеличится в совокупности на 2,5 млн барр. в сутки, темп роста составит 2,3% (см. рис. 2). Четыре пятых этого прироста придется на поставки на нефтехимические предприятия, при этом рост спроса на СУГ для приготовления пищи и других бытовых нужд также сыграет важную роль.

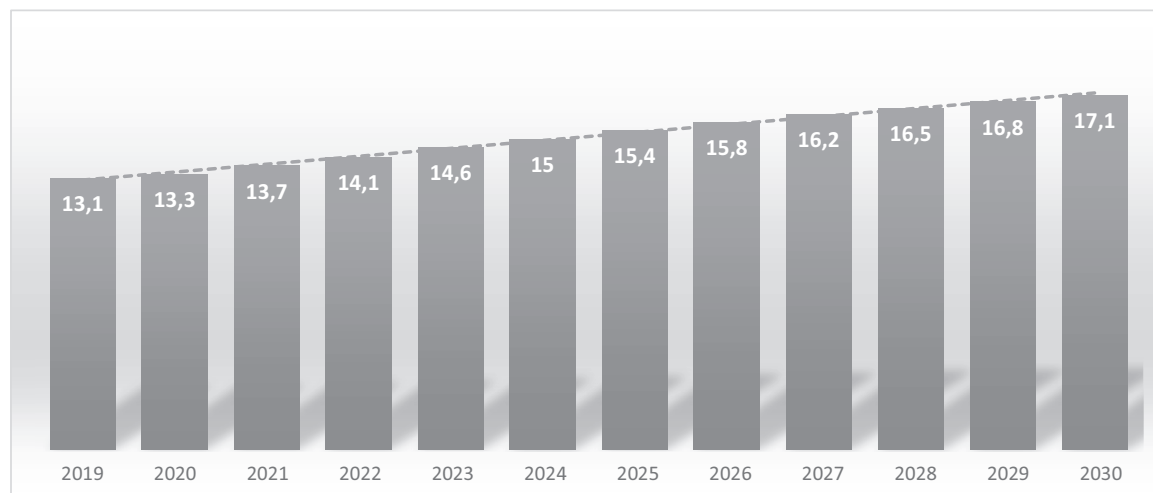

Рис. 2. Динамика мирового потребления СУГ, млн барр./сут.¹

Fig. 2. Dynamics of global LPG consumption, mln barrels per day

Рассмотрим динамику потребления СУГ по регионам (см. табл. 1, с. 90). В прогнозируемом периоде 2025–2030 гг. мировое производство и потребление ШФЛУ (широкая фракция легких углеводородов) увеличится на 2,5 млн барр. в сутки благодаря дальнейшему росту рынков сжиженного нефтяного газа и этана. Рост производства СУГ обусловлен увеличением спроса на нефтехимическую продукцию и экологически чистые продукты питания, в то время как этан поддерживается ростом нефтехимической промышленности в странах-производителях, а также импортерами, ищущими дешевое сырье, в частности Китае.

1. Согласно прогнозам МЭА, спрос на сжиженные газы в Северной Америке составит 4,4 млн барр. в сутки в 2025 г., а затем увеличится до 4,6 млн барр. в сутки в 2030 г.
2. В Европе потребление снижается из-за неудовлетворительной ситуации в производственном секторе еврозоны, а также из-за вытеснения домашнего отопления и, особенно, автомобильного транспорта на фоне продолжающегося перехода Европы с дизельных на электрические двигатели. Ежегодный рост потребления сжиженного газа и на 1,1% в 2025–2030 гг. не сможет компенсировать структурное снижение потребления автомобильного топлива.
3. Потребление СУГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который включает в себя ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), Азию и Океанию и составляет около 36% мирового потребления, вырастет на 1,1 тыс. барр. в сутки в период с 2025 по 2030 г. Устойчивый экономический рост в Азии поддерживается такими структурными факторами, как рост населения и индустриализация, а также растущим средним классом, который с большей вероятностью будет тратить деньги на энергоемкие предметы роскоши, такие как автомобили и путешествия.

¹ International Energy Agency. Oil 2024 — Analysis and forecast to 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/493a4f1b-c0a8-4bfc-be7b-b9c0761a3e5e/Oil2024.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).

Динамика потребления СУГ по регионам, млн барр./сут.¹
 Table 1. LPG consumption dynamics by region, mln barrels per day

Регион	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	Темп роста 23–30	Рост
Мир	13,1	13,3	13,7	14,1	14,6	15	15,4	15,8	16,2	16,5	16,8	17,1	2,30%	2,5
Азиатско-Тихоокеанский регион	4,4	4,4	4,6	4,9	5,2	5,5	5,7	5,9	6	6,1	6,2	6,3	2,70%	1,1
в т.ч. Китай	1,8	1,8	1,9	2,2	2,5	2,7	2,8	2,9	3	3,1	3,2	3,2	3,50%	0,7
Северная Америка	3,5	3,6	3,8	3,9	4,1	4,3	4,4	4,4	4,4	4,5	4,6	4,6	1,80%	0,5
Европа	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,10%	0,1
Индия	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9	1	1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	2,50%	0,2
Африка	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	4,80%	0,2
Центральная и Южная Америка	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,90%	0
Ближний Восток	2	2	2	1,9	1,8	1,8	1,8	1,9	2,1	2,2	2,2	2,3	3,30%	0,5

- В Китае растет импорт сжиженного газа, особенно из США, что покрывает высокие темпы роста внутреннего потребления полимеров и синтетических волокон.
- Спрос в Индии в период с 2025 по 2030 г. вырастет больше, чем в любой другой стране, кроме Китая. Рост более чем на 0,2 млн барр. в сутки будет обусловлен увеличением спроса на автомобильное топливо.
- В Африке увеличению потребления будет способствовать уверенный рост ВВП, высокие темпы роста населения (на 17% в период с 2025 по 2030 г.). Относительный рост спроса на сжиженный газ составит почти 5% в год.
- В Центральной и Южной Америке будет наблюдаться стабильный, но слабый рост потребления нефтепродуктов. Экономические перспективы континента ухудшаются из-за инфляции и безработицы выше среднего уровня, низкой производительности труда, неразвитой инфраструктуры и ограниченного участия в мировой торговле.
- Ожидается, что на Ближнем Востоке более широкое использование природного газа, которое сопровождается ростом предложения ШФЛУ, особенно в Саудовской Аравии, приведет к сокращению использования нефти в энергетике, но увеличит спрос на нефтепродукты (темп роста 3,3%).

На Китай приходится 35% роста мирового спроса, на Ближний Восток — 8%. В основном этот рост обусловлен развитием нефтехимической промышленности, но также увеличивается потребление в автомобильном транспорте, отоплении и приготовлении пищи. Последнее способствует росту спроса в Африке и Индии, на которые в совокупности приходится 24% мирового роста СУГ до 2030 г. Однако рост отстает от доли рынка Северной Америки (10% роста против 16% доли рынка), Европы (1,6% против 10%) и Латинской Америки (1,5% против 5%), где стагнация или сокращение использования в транспорте, отоплении и приготовлении пищи оставляет нефтехимическую промышленность в качестве движущей силы умеренного роста.

Производство СУГ продолжает расти, особенно в США, которые стали крупнейшим мировым производителем за счет добычи сланцевого газа. Основные регионы потребления: Азия (Япония, Китай), Европа, Северная Америка. Растет использование СУГ в качестве бытового топлива, моторного топлива и сырья для нефтехимической промышленности.

Общий объем экспорта СУГ из США увеличился с 423 млн барр. в 2018 г. до 751 млн барр. в 2023 г., что соответствует росту на 77,5% за шесть лет (см. табл. 2). Среднегодовой рост составляет около 13%, что отражает устойчивое увеличение производства и спроса на СУГ. Крупнейшими потребителями аме-

¹ Составлено автором по: International Energy Agency. Oil 2024 – Analysis and forecast to 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/493a4f1b-c0a8-4bfc-be7b-b9c0761a3e5e/Oil2024.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).

риканского СУГ являются Япония, Китай, Корея и страны ЕС. Эти рынки демонстрируют стабильный рост потребления на протяжении всего периода. Импорт ЕС вырос с 35 млн барр. в 2018 г. до 87 млн барр. в 2023 г. Япония остается крупнейшим потребителем, увеличив импорт со 107 млн барр. в 2018 г. до 174 млн барр. в 2023 г., что объясняется высоким спросом на СУГ для энергетических и бытовых нужд.

Таблица 2

Экспорт СУГ из США, млн барр.¹
Table 2. US LPG exports, mln barrels

Направление	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт пропана/бутана США, в т.ч.	422,5	502,9	590,5	635,2	661,9	750,5
ЕС	35,1	44,5	52,7	50,2	89,0	86,9
Япония	107,1	151,7	151,8	140,0	148,8	173,9
Мексика	47,4	50,7	59,2	60,1	63,0	61,5
Корея	39,6	45,8	47,9	58,1	55,6	72,4
Китай	29,3	3,2	53,7	64,3	59,0	88,9
Бразилия	19,8	15,6	20,3	19,0	15,1	8,9
Другие	144,3	191,3	204,7	243,5	231,4	257,9

Доля газового конденсата в общем объеме российской нефтедобычи демонстрирует устойчивый рост на протяжении последних десятилетий. В 2000 г. она составляла лишь 3,3%, в 2019 г. увеличилась до 6,8%, а к 2022 г. достигла 7,7%. Этот тренд обусловлен растущим спросом со стороны отечественных нефтеперерабатывающих заводов, которые все больше предпочитают стабильный газовый конденсат как сырье. Прогнозы показывают, что доля газового конденсата в общей структуре нефтедобычи продолжит расти. Ожидается, что к 2030 г. она достигнет 11,3%, что свидетельствует о значительных изменениях в стратегии использования сырья для переработки в нефтяной промышленности².

На рисунке 3 (с. 92) представлена динамика добычи газового конденсата в России в млн т за 2018–2023 гг., а также темпы роста относительно предыдущего года. В 2023 г. добыча конденсата достигла 34,7 млн т. Данные указывают на стабильный рост добычи с 2018 г. со среднегодовым приростом добычи около 4%. Максимальный прирост в 2022 г. (+12%) связан с внешним спросом на российский газовый конденсат и ростом цен на энергоносители. Резкое снижение темпов роста в 2023 г. до 1% обусловлено ограничениями экспорта в Европу из-за геополитических факторов.

В России добыча газового конденсата сосредоточена преимущественно в Западной Сибири, особенно в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО), который является основным регионом добычи природного газа в стране (74%) [7].

Согласно прогнозам IHS Markit, к 2030 г. добыча газового конденсата в России увеличится на 64%, достигнув около 57 млн т в год, что обусловлено значительными природными запасами России. Основной рост производства ожидается за счет реализации намеченных и уже анонсированных проектов, связанных в основном с освоением более глубоких пластов на действующих месторождениях. По расчетам, к 2030 г. доля газового конденсата в общей добыче углеводородов в России будет составлять 11,3%.

В 2019 г. на экспорт было направлено около 7% чистого газового конденсата, 13% экспортировалось в смеси с сырой нефтью, 6% поступило в систему нефтепроводов «Транснефти». В общей сложности в систему «Транснефти» было закачано 3,0 млн т стабильного конденсата, из которых 1,2 млн т экспортировалось, 1,9 млн т направлялось на российские нефтеперерабатывающие заводы в составе сырой нефти, что составило около 9% от общего объема стабильного конденсата. Для сравнения, в 2005 г. через

¹ Составлено автором по: US Energy Information Administration (EIA). Petroleum & Other Liquids — Exports by Destination [Электронный ресурс]. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_expc_a_EPLLP_A_EEX_mbbbl_a.htm (дата обращения: 01.02.2025).

² BusinesStat. Анализ рынка стабильного газового конденсата в России в 2018–2022 гг., прогноз на 2023–2027 гг. в условиях санкций [Электронный ресурс]. URL: https://businesstat.ru/images/demo/stable_gas_condensate_russia_demo_businesstat.pdf?ysclid=m6noemnsia943089710 (дата обращения: 01.02.2025).

систему «Транснефти» прошло 4,8 млн т стабильного конденсата, что соответствовало примерно 36% от общего доступного объема [7].

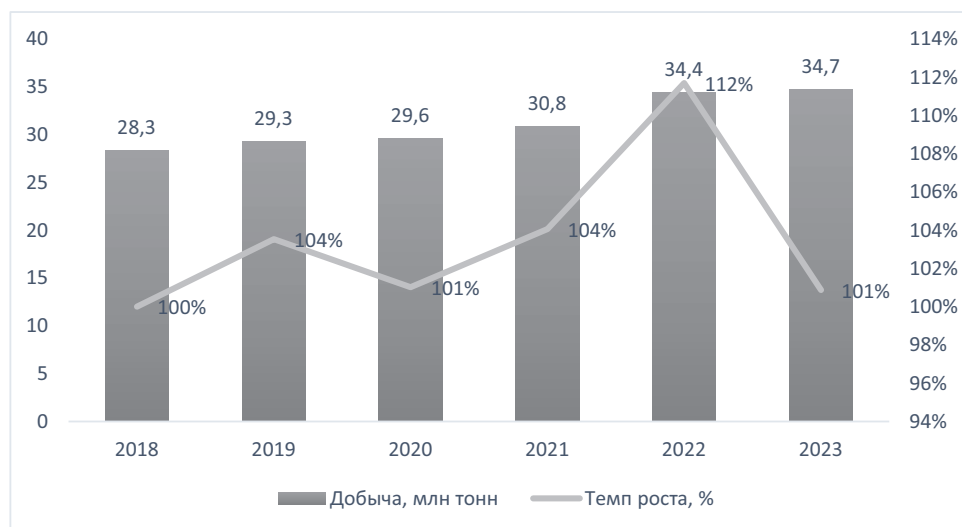

Рис. 3. Динамика добычи газового конденсата в России, млн т¹
Fig. 3. Dynamics of gas condensate production in Russia, MMT

На рисунке 4 представлена динамика и прогноз экспорта газового конденсата из России в млн т на период с 2018 по 2030 г. В период с 2018 по 2021 г. объем экспорта оставался относительно стабильным на уровне около 10 млн т в год. Начиная с 2022 г. наблюдается увеличение объемов экспорта, что связано с развитием новых проектов, увеличением добычи и ориентацией на внешние рынки, особенно в азиатском регионе. Прогноз IHS Markit демонстрирует значительный рост экспорта: в 2026 г. объем экспорта прогнозируется на уровне 15,2 млн т.

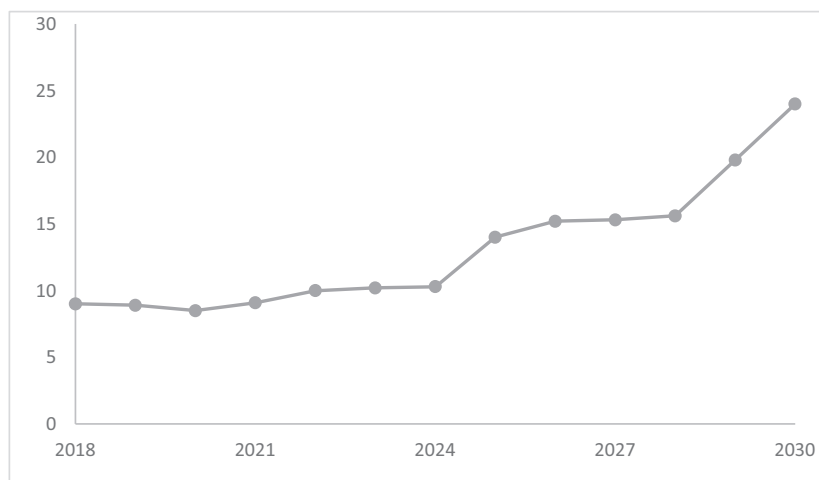

Рис. 4. Динамика и прогноз экспорта газового конденсата из России, млн т [7]
Fig. 4. Dynamics and forecast of Russian gas condensate exports, MMT [7]

¹ Источник: Федеральная служба государственной статистики // Информационно-аналитические материалы — доклад «Социально-экономическое положение России» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 01.02.2025).

Росстатом представлена динамика производства сжиженных углеводородных газов и газового конденсата в России за период 2018–2023 гг. (рис. 5). Приведенные данные позволяют сделать выводы о ключевых тенденциях, проблемах и перспективах данных рынков.

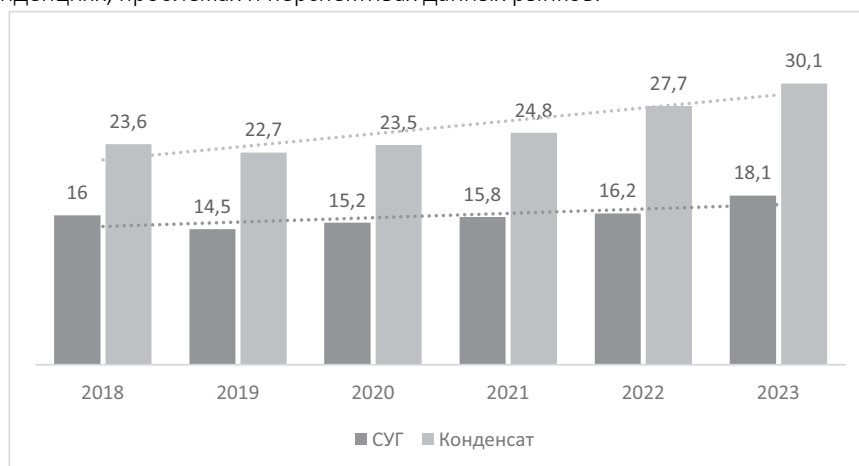

Рис. 5. Динамика производства СУГ и газового конденсата в России, млн т¹

Fig. 5. LPG and gas condensate production dynamics in Russia, MMT

Производство СУГ в 2018 г. составило 16 млн т, в последующие годы наблюдается стабильный рост около 2,5%. К 2023 г. объем увеличился до 18,1 млн т, что соответствует росту на 13%. Факторами роста являются развитие перерабатывающих мощностей, модернизация газоперерабатывающих заводов, особенно в Западной Сибири и Волго-Уральском регионе, спрос на внутреннем рынке, а также экспорт в Азию (страны АТР демонстрируют стабильный спрос на российские СУГ).

Производство газового конденсата в 2018 г. составило 23,6 млн т. Наблюдается устойчивый рост на протяжении всего периода: к 2023 г. объем увеличился до 30,1 млн т, что соответствует среднегодовому темпу роста 5%. За пять лет увеличение производства конденсата составило 27%. Рост связан с увеличением объемов разработки месторождений с высоким содержанием конденсата, особенно в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО).

Евросоюз ввел ограничения на экспорт СУГ в конце 2023 г. Европа являлась основным рынком сбыта для российских СУГ — около 80% экспорта в 2022 г. Согласно данным агентства Argus, за 11 месяцев 2024 г. экспорт СУГ из России сократился на 7% (на 240 тыс. т) по сравнению с аналогичным периодом 2023 г., составив 3 млн т. При этом поставки в Европу снизились на 27% (на 600 тыс. т) и достигли уровня 1,6 млн т. В то же время экспорт сжиженного углеводородного газа железнодорожным транспортом в Центральную Азию увеличился в 3,4 раза, достигнув 520 тыс. т, а в Китай — на 42%, до 270 тыс. т².

Согласно мнению руководителя направления консалтинга NEFT Research Александра Котова, после прекращения экспорта в Европейский союз с 2025 г. основными рынками сбыта российских СУГ станут страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Турция. Однако, по его словам, поставщики столкнутся с рядом сложностей, включая жесткую конкуренцию со стороны ближневосточных производителей, рост транспортных затрат, что снижает рентабельность, а также логистические ограничения³.

Биржевые торги отражают актуальные изменения цен на СУГ и газовый конденсат, которые формируются под влиянием спроса и предложения. Это позволяет понять рыночные тенденции и настроения участников рынка. Цены на бирже служат ориентиром для контрактных сделок и поставок, особенно

¹ Федеральная служба государственной статистики // Информационно-аналитические материалы — доклад «Социально-экономическое положение России» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 01.02.2025).

² Киселева Т. Россия перенаправила экспорт сжиженного газа в Азию перед санкциями ЕС [Электронный ресурс] // РБК. 27.12.2024. URL: <https://www.rbc.ru/business/27/12/2024/676d29029a794745db1430cf> (дата обращения: 01.02.2025).

³ Там же.

для внешнеторговых операций. Биржевые площадки, такие как Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа (СПбМТСБ), предоставляют открытые данные о объемах торгов, ценах и индексах. Биржевые котировки могут быть использованы для оценки конкурентоспособности российского СУГ и конденсата на международной арене.

На рисунке 6 представлена динамика объемов торгов (в тыс. т) и средней цены (в тыс. руб./т) СУГ на СПбМТСБ за период с 2019 по 2024 гг. Рассмотрим ключевые наблюдения: в 2019 г. объем торгов составлял 24 тыс. т, в 2020 г. произошел рост до 27 тыс. т, а в 2021 г. — до 34 тыс. т, что связано с увеличением предложения на рынке и ростом спроса на СУГ. В 2022 г. объем торгов снизился до 25 тыс. т, а цены резко упали до 19 тыс. руб./т, что могло быть вызвано геополитической ситуацией и снижением экспортных возможностей. В 2024 г. рынок восстановился, ожидается дальнейший рост объемов и цен, что обусловлено восстановлением экспортных каналов и развитием инфраструктуры.

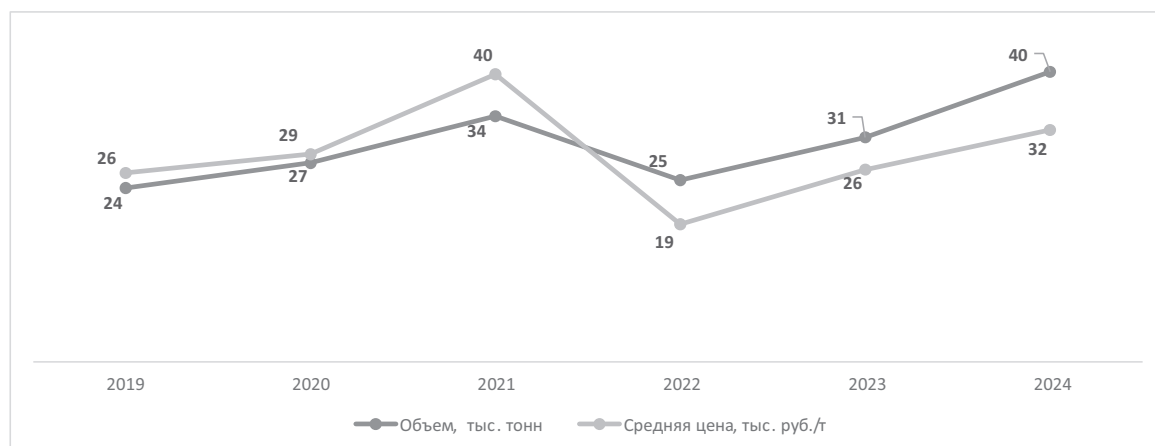

Рис. 6. Динамика объемов торгов и индексы цен СУГ на СПбМТСБ¹

Fig. 6. LPG trading volume dynamics and LPG price indices on SPIMEX

Рекомендациями являются укрепление экспортного потенциала за счет расширения логистической инфраструктуры и увеличения поставок в Азию, а также активное развитие переработки углеводородов внутри страны для увеличения добавленной стоимости продукции.

Таким образом, ретроспективный анализ демонстрирует, что рынки СУГ и газового конденсата остаются перспективными направлениями для развития российской нефтегазовой отрасли. Однако успешное использование этих возможностей требует адаптации стратегий под текущие вызовы и изменения мировой конъюнктуры.

Обсуждение

Санкции, введенные против России, оказали существенное влияние на реализацию газового конденсата и углеводородных газов — ограничения затронули экспорт товаров, усложнив логистические цепочки, сократив доступ к европейским рынкам и увеличив необходимость переориентации на азиатский регион. Санкции ЕС включают запрет на импорт российской нефти и нефтепродуктов морским транспортом, ограничения на экспорт технологий и оборудования, необходимых для добычи и переработки газа и конденсата (табл. 3).

В настоящее время Европейский союз не ввел полного запрета на импорт российского газового конденсата, но существуют ограничения, которые могут влиять на его экспорт.

¹ Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа (СПбМТСБ) [Электронный ресурс] // Региональные индексы цен СУГ на станции назначения. URL: <https://spimex.com/indexes/petroleum/regional/lpg/> (дата обращения: 01.02.2025).

В декабре 2023 г. ЕС объявил о введении запрета на импорт СУГ из России в рамках 12-го пакета санкций (см. табл. 3). Под ограничения попали такие продукты, как сжиженные пропан, бутан, этилен, пропилен, бутилен и бутадиен. Санкции вступили в силу 19 декабря 2023 г., при этом был предусмотрен 12-месячный переходный период для исполнения ранее заключенных контрактов. Таким образом, полный запрет на импорт российских СУГ начал действовать с 19 декабря 2024 г. До введения этих санкций Европа была основным рынком сбыта для российских СУГ, на который приходилось около 80% экспорта в 2022 г. По оценкам ЕС, запрет на импорт СУГ из России должен был сократить доходы страны более чем на 1 млрд евро.

Таблица 3

Санкции, затрагивающие реализацию газового конденсата и СУГ¹

Table 3. Sanctions affecting sales of gas condensate and LPG

Пакет санкций	Основные ограничения	Ожидаемые последствия
8-й пакет санкций ЕС (октябрь 2022 г.)	Запрет на импорт российских нефтепродуктов морским транспортом	Снижение экспорта газового конденсата в ЕС, переориентация на азиатские рынки
9-й пакет санкций ЕС (декабрь 2022 г.)	Расширение списка товаров двойного назначения, запрет на поставки технологий для переработки СУГ	Ограничение доступа России к технологиям переработки, рост себестоимости добычи
Санкции G7 и США (2023 г.)	Введение ценового потолка на российскую нефть и газовый конденсат, запрет на страхование и транспортировку танкерами	Снижение рентабельности экспорта, необходимость новых логистических решений
12-й пакет санкций ЕС (декабрь 2023 г.)	Полный запрет на импорт всех видов СУГ, включая пропан, бутан, этилен, пропилен, бутилен и бутадиен, начиная с 2024 г.	Потеря европейского рынка СУГ, увеличение поставок в Азию, Турцию и другие альтернативные рынки

Правовое регулирование реализации газового конденсата и сжиженного углеводородного газа включает множество аспектов, связанных с лицензированием, налогообложением, таможенными требованиями, экологическими нормами и антимонопольными ограничениями. Нарушение этих норм или их изменение могут привести к значительным рискам для участников рынка (табл. 4).

Таблица 4

Правовые риски реализации объектов исследования

Table 4. Legal risks of realisation of the objects of research

Риск	Описание
Лицензионные и разрешительные риски	Отзыв лицензии на производство, транспортировку или реализацию газа; изменение требований к лицензированию; длительные сроки получения разрешительных документов, что может задерживать поставки
Налоговые и таможенные риски	Изменение налогового режима (увеличение налогов, увеличение акцизов); риск изменения экспортных пошлин
Экологические и технические требования	Ужесточение экологических стандартов; риски экологических проверок и возможные санкции за нарушения норм хранения, транспортировки и переработки; усиление контроля за выбросами при сжигании газа или утечках СУГ
Антимонопольные и регуляторные риски	Ограничения по ценообразованию со стороны государства; мониторинг и возможные санкции за злоупотребление доминирующим положением; ограничения по экспортным поставкам, включая квоты или запрет на экспорт в определенные страны
Политические и санкционные риски	Введение санкций против производителей

Источник: составлено автором по данным [8]

¹ Составлено автором по данным: European Union. Official Journal of the European Union, L 259I, 6 October 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L:2022:259I:TOC> (дата обращения: 01.02.2025).

Заключение

Подводя итог, правовое регулирование реализации газового конденсата и СУГ в России представляет собой сложный комплекс норм, включающих санкционные ограничения, налоговое регулирование и экспортные пошлины.

Санкции ЕС и США оказали влияние на экспорт газового конденсата и СУГ, включая запрет на поставку оборудования для переработки, запрет на импорт СУГ в Европу с 2024 г. Федеральный закон «О недрах» регулирует доступ к месторождениям и лицензирование добычи, Налоговый кодекс РФ устанавливает налоговый режим (НДПИ, акцизы, НДС).

Изучение теоретических основ реализации газового конденсата и СУГ позволяет выделить ключевые направления их применения, особенности моделей ценообразования и значимость для энергетической отрасли России. Газовый конденсат и СУГ обладают схожими характеристиками и применяются в смежных областях, имеют высокую калорийность, что делает их ценными источниками энергии, а также представляют собой сырье для нефтехимической промышленности. Оба продукта используются как в бытовом и промышленном топливе, так и в производстве химических продуктов. Газовый конденсат находит применение в нефтепереработке, а СУГ — в качестве топлива для транспорта и отопления. Цены формируются с учетом международных бенчмарков и логистических издержек: рыночное ценообразование, cost+, паритет импорта/экспорта. Газовый конденсат отличается высокой плотностью и содержанием тяжелых углеводородов, тогда как СУГ содержит преимущественно легкие углеводороды, такие как пропан и бутан. Учитывая значительные запасы этих ресурсов в России, их разработка и реализация открывают возможности для диверсификации энергопотоков и увеличения экспортного потенциала.

Анализ мировых и российских рынков газового конденсата и сжиженных углеводородных газов показывает устойчивую положительную динамику как в производстве, так и в потреблении. Основные производители: США (лидер благодаря сланцевому газу), страны Ближнего Востока (Катар, Саудовская Аравия) и Канада. Основные потребители: страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Япония, Южная Корея), ориентированные на нефтехимическую продукцию, транспорт и бытовое использование. Прогноз на 2030 г. указывает на дальнейшее увеличение спроса, в первую очередь на СУГ, за счет нефтехимической отрасли. Основной регион добычи газового конденсата и СУГ в России — Западная Сибирь, включая Ямало-Ненецкий автономный округ (74% добычи). Производство СУГ демонстрирует стабильный рост на 2–3% в год, что связано с модернизацией перерабатывающих мощностей и увеличением внутреннего и внешнего спроса. Геополитические изменения привели к переориентации с европейских на азиатские рынки, что открывает новые логистические и инфраструктурные вызовы. Прогнозы показывают рост экспортного объема газового конденсата до 15 млн т к 2026 г.

Список литературы

1. Ерохов В. И., Ревонченков А. М. Эффективность применения газового конденсата в дизельных двигателях // Транспорт на альтернативном топливе. 2011. № 1 (19). С. 48–50. EDN: NCHWVJ
2. Ковалева И. В. Тенденции развития рынка сжиженного углеродного газа в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 11–1 (117). С. 173–179. EDN: BYXVTC. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-11-1-173-179
3. Кувшинов Н. Е. Технологии утилизации газовых конденсатов на нефтепромыслах // Форум молодых ученых. 2017. № 5 (9). С. 1110–1113. EDN: ZBNPXH
4. Кудинова М. Г., Козлов В. В., Елистратова Т. Г. [и др.] Стратегия развития нефтегазовой отрасли России в условиях экономических санкций // Инновации и инвестиции. 2022. № 11. С. 279–284. EDN: LROJSE
5. Мырадова А., Овлягулыева А., Мовламова А. Газовый конденсат: химический состав, физико-химические свойства и применение // Вестник науки. 2024. № 6 (75). С. 1509–1513. EDN: ZTUIISH
6. Попадьюко Н. В., Вовкодав К. В. Выбор альтернативного топлива для автотранспорта в условиях мирового энергоперехода // Инновации и инвестиции. 2022. № 6. С. 176–183. EDN: AXPIND
7. Сейгерс М., Гальцова А., Самарин К. Рост добычи газоконденсата в России. Путь к перенасыщению внутреннего рынка [Электронный ресурс] // Нефтегазовая вертикаль. 2021. № 3–4. URL: <https://ngv.ru/upload/iblock/ab2/ab2c035fc0116dde465767555a82ec07.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).

8. Смorchkova Л. Н., Лысенко А. А. Регулирование рынка углеводородов как правовой инструмент обеспечения экономической безопасности РФ // Современная научная мысль. 2023. № 3. С. 258–263. EDN: WIHLNV. DOI: 10.24412/2308-264X-2023-3-258-263
9. Ульянов Д. И., Лиман И. А. Нефтегазоконденсатное месторождение как экономический объект // Прогрессивная экономика. 2025. № 1. С. 90–89. EDN: ZMEVGJ. DOI: 10.54861/27131211_2025_1_90
10. Яицких Г. С., Кулаков К. П., Демчен С. С. Производство и применение СУГ [Электронный ресурс] // Химическая техника. 2023. URL: https://chemtech.ru/proizvodstvo-i-primeneniye-sug/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 19.01.2025).

Об авторе:

Гореловская Мария Дмитриевна, главный специалист Управления продаж ПАО «Мосэнерго»; магистрант факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия);
e-mail: mariyagorelovskaya@mail.ru; ORCID: 0009-0009-6777-5314

References

1. Erokhov, V. I., Revonchenkov, A. M. Efficacy Application of Gas Condensate in Diesel Engines // Alternative Fuel Transport. 2011. No. 1 (19). (In Russ.) EDN: NCHWVJ
2. Kovaleva, I. V. The Tendences of Development Market Liquefied Carbonator Gas in Russia // Economy and Business: Theory and Practice. 2024. No. 11–1 (117). P. 173–179. (In Russ.) EDN: BYXVTC. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-11-1-173-179
3. Kuvshinov, N. E. Technologies of Utilization of Gas Condensates at Oil-Field // Forum of Young Scientists. 2017. No. 5 (9). P. 1110–1113. (In Russ.) EDN: ZBNPXH
4. Kudinova, M. G., Kozlov, V. V., Elistratova, T. G. [et all.] Strategy for the Development of the Russian Oil and Gas Industry in the Context of Economic Sanctions // Innovation & Investment. 2022. No. 11. P. 279–284. (In Russ.) EDN: LROJSE
5. Myradova, A., Ovlyagulyeva, A., Movlamova, A. Gas Condensate: Chemical Composition, Physical and Chemical Properties and Application // Bulletin of Science. 2024. No. 6 (75). P. 1509–1513. (In Russ.) EDN: ZTUISH
6. Popadko, N. V., Vovkodav, K. B. Selecting of Alternative Fuel for Motor Transport in the Conditions of Global Energy Transition // Innovation & Investment. 2022. No. 6. P. 176–183. (In Russ.) EDN: AXPIND
7. Seigers, M., Galtzova, A., Samarin, K. Growth of Gas Condensate Production in Russia. Way to Oversaturation of the Domestic Market [Electronic resource] // Oil and Gas Vertical 2021. No. 3–4. URL: <https://ngv.ru/upload/iblock/ab2/ab2c035fc0116dde465767555a82ec07.pdf> (accessed: 01.02.2025). (In Russ.)
8. Smorchkova, L. N., Lysenko, A. A. Regulation of the Hydrocarbons Market as a Legal Instrument for Ensuring the Economic Security of the Russian Federation // Modern Scientific Thought. 2023. No. 3. P. 258–263. (In Russ.) EDN: WIHLNV. DOI: 10.24412/2308-264X-2023-3-258-263
9. Ulyanov, D. I., Liman, I. A. Oil and Gas Condensate Field as an Economic Facility // Progressive Economy. 2025. No. 1. P. 90–89. (In Russ.) EDN: ZMEVGJ. DOI: 10.54861/27131211_2025_1_90
10. Yaitskikh, G. S., Kulakov, K. P., Demchen, S. S. Production and application of LPG [Electronic resource] // Chemical engineering. 2023. URL: https://chemtech.ru/proizvodstvo-i-primeneniye-sug/?utm_source=chatgpt.com (accessed: 19.01.2025) (In Russ.)

About the author:

Maria D. Gorelovskaya, Chief Specialist of Capital Investment Department, PJSC Mosenergo, Master's student of Faculty of International Economic Relations of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia);
e-mail: mariyagorelovskaya@mail.ru; ORCID: 0009-0009-6777-5314

Публичный правопорядок: евразийское измерение

Агамагомедова С. А.

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Целью исследования выступает обоснование понятия и структуры публично-го правопорядка в контексте евразийской экономической интеграции. В качестве задач исследования выступают: обзор и анализ понятий публичного правопорядка в договорно-правовой базе Евразийского экономического союза; выделение подходов к пониманию публичного правопорядка; определение его структуры в условиях интеграции. **Методология.** Используются методы: институционального анализа, сравнительного анализа, системного анализа — для обоснования понятия публичного правопорядка с точки зрения интеграции. Был также использован метод формально-логического анализа — при уточнении понятия публичного правопорядка в различных актах интеграционного уровня. **Результаты.** Во-первых, выделено взаимное влияние существующей теории публичного правопорядка на управленческие процессы в контексте евразийской экономической интеграции. Во-вторых, поправки в Конституцию РФ также способствовали конституционализации публичного правопорядка в России. В-третьих, в рамках интеграционной повестки наблюдаются процессы расширения традиционного для международного частного права подхода, основанного на оговорке о публичном порядке как основании для отказа в исполнении требований международных договоров и иных актов, за счет дифференциации его уровней и элементов, выделения публичного правопорядка государства — члена интеграции и самого интеграционного образования. **Выводы.** Понятие публичного правопорядка в условиях развития интеграционных процессов приобретает качественно новое значение. Кроме того, что подходы к его пониманию существенным образом расширяются, применительно к Евразийскому экономическому союзу возможно выделить как минимум два уровня такого понимания: публичный правопорядок государств — членов ЕАЭС и евразийский публичный правопорядок. При этом на формирование нового содержания понятия публичного правопорядка в контексте евразийской интеграции влияет не только договорно-правовая база ЕАЭС, но и практика Суда ЕАЭС.

Ключевые слова: публичный правопорядок, евразийская интеграция, конституционный правопорядок, евразийский правопорядок, национальная безопасность, Суд ЕАЭС

Для цитирования: Агамагомедова С. А. Публичный правопорядок: евразийское измерение // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 98–108. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-98-108>. EDN: KWTISB

Public Law and Order: The Eurasian Dimension

Saniyat A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

ABSTRACT

Aim and tasks. The objective of the study is to substantiate the concept and structure of public law and order in the context of Eurasian economic integration. The objectives of the study are: review and analysis of the concepts of public law and order in the contractual and legal framework of the Eurasian Economic Union; identification of approaches to understanding public law and order; determination of its structure in the context of integration. **Methods.** The following methods were used: institutional analysis, comparative analysis, system analysis — to substantiate the concept of public law and order from the point of view of integration. The method of formal logical analysis was also used — when clarifying the concept of public law and order in various acts of the integration level. **Results.** Firstly, the mutual influence of the existing theory of public law and order on management processes in the context of Eurasian economic integration is highlighted. Secondly, amendments to the Constitution of the Russian Federation also contributed to the constitutionalization of public law and order in Russia. Thirdly, within the framework of the integration agenda, there are processes of expansion of the traditional approach to international private law, based on the “public order clause” as a basis for refusing to comply with the requirements of international treaties and other acts, due to the differentiation of its levels and elements, the allocation of the public legal order of the integration member state and the integration entity itself. **Conclusions.** The concept of public legal order in the context of the development of integration processes is acquiring a qualitatively new meaning. In addition to the fact that approaches to its understanding are significantly expanding, in relation to the Eurasian Economic Union it is possible to distinguish at least two levels of such understanding: the public legal order of the EAEU member states and the Eurasian public legal order. At the same time, the formation of the new content of the concept of public legal order in the context of Eurasian integration is influenced not only by the contractual and legal framework of the EAEU, but also by the practice of the EAEU Court.

Keywords: public law and order, Eurasian integration, constitutional law and order, Eurasian law and order, national security, Court of the EAEU

For citation: Agamagomedova S. A. Public Law and Order: The Eurasian Dimension // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 98–108. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-98-108>. EDN: KWTISB

Введение

Понятия порядка, правопорядка в юридической науке актуальны давно. Внимание к этим вопросам закономерно усилилось в связи с поправками в Конституцию РФ, связанными с внедрением категорий «публичной власти», «публичного правопорядка» и иных относительно новых категорий.

В настоящее время понятие публичного правопорядка Российской Федерации закреплено в действующем Основном законе страны в контексте установления полномочий Конституционного Суда РФ (ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ¹). Причем в п. б) ч. 5.1 указанной статьи речь идет о разрешении органом конституционного контроля вопросов, связанных с возможностью исполнения решений межгосударственных, иностранных или международных органов, то есть понятие публичного правопорядка РФ или национального публичного правопорядка используется применительно к модели соотношения (сопряжения) национального и иного (наднационального, межнационального, вненационального, интеграционного и др.) правового регулирования и правоприменения.

С учетом возможной широты понимания «публичного» в современной юридической науке [2] в настоящее время понятие публичного правопорядка может использоваться в контексте публично-правового регулирования экономических отношений в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). Подтверждением этому служит применение данного понятия в практике российских судов и Суда ЕАЭС. Все

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

это делает востребованной разработку вопросов, связанных с обоснованием понятия публичного правопорядка в евразийском аспекте, с интеграционной или макроэкономической его трактовкой.

Материалы и методы

При работе над темой исследования были использованы методы институционального анализа, сравнительного анализа, системного анализа, формально-логического анализа. Сравнительный анализ позволил на основе обзора научной литературы и актов судебной власти соотнести различные понимания категории публичного правопорядка и смежных с ним категорий. Институциональный анализ был использован для оценки роли интеграционных институтов в рамках Евразийского экономического союза в современном понимании категории публичного правопорядка. Системный анализ был применен для обоснования понятия публичного правопорядка с точки зрения интеграции как системы целей, принципов и процессов, связанных с гармонизацией и унификацией регулирования экономики. Метод формально-логического анализа международно-договорной базы Евразийского экономического союза, а также судебных актов позволил выделить различные варианты отраслевого и надотраслевого понимания и применения категории публичного правопорядка.

Результаты

Единых позиций в научном понимании правопорядка у ученых к настоящему времени не сложилось. По мнению отдельных из них, правопорядок представляет собой своеобразный результат, социальный итог правового регулирования, именно к нему стремится законодатель, создавая юридические нормы [9, с. 76]. Правопорядок понимается одновременно и как цель, и как результат правового регулирования [19, с. 25], как состояние социальной жизни, завершающий этап или высший уровень упорядоченности [23, с. 563, 565].

Представляется, что можно еще более расширить понимание правопорядка, включив в него цели, результат и состояние правового регулирования определенной совокупности общественных отношений. Взяв иные критерии структурной дифференциации понимания правопорядка, можно выделить в подобном понимании аспект нормотворчества и правоприменения. Думается, что исключительно на комплексности и широте понимания рассматриваемого понятия базируются обоснованность и эффективность использования его в современном нормативно-правовом и доктринальном поле.

При анализе понятия публичного правопорядка нельзя обойти вниманием проблему соотношения понятий порядка, общественного порядка, публичного порядка и публичного правопорядка. С учетом обозначенного выше понимания правопорядка можно предположить, что правопорядок (любой правопорядок) — это сложившийся порядок (состояние общественных отношений), урегулированный нормами права.

Примечательно, что в практике судов высших инстанций активно используется понятие публичного порядка. Так, в Постановлении от 19 января 2017 г. № 1-П Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) указал, что национальный публичный порядок формируется положениями Конституции РФ, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина и к основам конституционного строя¹. К элементам публичного порядка России КС РФ относит в том числе принципы добросовестности² и законности, распространяющиеся на все сферы жизнедеятельности, включая гражданско-правовые отношения³.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.01.2017, № 5, ст. 866.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т. В. Солодовниковой».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2024 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 4 статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. Ю. Колосова» // Российская газета. № 98, 08.05.2024.

Представляется, что обзор правовых позиций КС РФ позволяет выдвинуть тезис о том, что, во-первых, публичный порядок включает в себя правопорядок, во-вторых, в структуру публичного правопорядка (который в позициях судов высших инстанций часто отождествляется с публичным порядком) входят нормы права, устанавливающие основополагающие принципы правового регулирования в целом.

КС РФ подчеркивал, что нарушение публичного порядка может быть установлено в случае посягательства не на любые элементы правопорядка в виде тех или иных норм материального и процессуального права, а лишь на основополагающие принципы регулирования материально-правовых и процессуальных отношений¹. Одновременно в правовых позициях высших судов мы наблюдаем отождествление принципов национального публичного порядка и фундаментальных принципов права², что подтверждает тезис об определенном совпадении функций упорядочивания и правового регулирования.

Что касается доктрины, то достаточно часто ученые исследуют правопорядок в соотношении с вопросами безопасности, ее разновидностей [1; 6]. В современных зарубежных исследованиях также прослеживается мысль о том, что важнейшая функция административного контроля заключается в общественном порядке (public order), включающем в себя общественную безопасность, общественное здоровье и общественный мир (public security, public health, and public peace) [26]. С этой точки зрения порядок, правопорядок включает в себя безопасность и позиционируется как более широкое понятие.

Ученые используют термины, характеризующие различные разновидности правопорядка. Наиболее распространенным среди них является конституционный правопорядок [3; 4], который, безусловно, выступает логическим фундаментом публичного правопорядка. Два десятилетия назад, задолго до внесения в Конституцию РФ дополнений, связанных с институтом публичной власти, ученые позиционировали правопорядок как государственный, конституционный порядок [23, с. 562]. Сегодня же конституционный правопорядок, по мнению отдельных ученых, выступает своего рода мерилем для принятия Конституционным Судом РФ принципиальных решений в интересах личности, общества и государства [19, с. 24]. Представляется, что это один из возможных вариантов понимания конституционного правопорядка. Содержанием последнего может выступать состояние урегулированности действующими конституционно-правовыми нормами. Ученые все чаще говорят о процессах конституционализации публичного правопорядка [5].

Закрепление в конституционных нормах понятия публичного правопорядка оценивается учеными как внятный знак в пользу государственного суверенитета и национальных интересов как исходных опор в межгосударственных отношениях [18, с. 47].

Публичный правопорядок трактуется в науке по-разному, например, как механизм защиты национальных интересов [8; 9]. В правоприменении имеет место более узкое понимание правопорядка, например правопорядка при проведении публичных мероприятий³.

Сочетаемость моральных и правовых ценностей отражается на публичном правопорядке в целом и на конституционности и конституционном правопорядке в частности. Применительно к современной конституционной теории возможно говорить о существовании большого и малого кругов конституционализма, которые призваны объяснить проблему сочетаемости моральных и правовых ценностей в публичном и конституционном правопорядке [14, с. 209]. Достаточно распространено использование понятия международного правопорядка [20]. Интеграционный правопорядок можно считать разновидностью международного.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 № 826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 20 статьи 44 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. № 235. 18.10.2023.

² Определение Верховного Суда РФ от 30.06.2023 № 305-ЭС23-5624 по делу № А40-193861/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ «Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь» (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) (Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://vsrf.ru/> по состоянию на 23.06.2021).

Имеет место использование понятия правопорядка (порядка) применительно к ответственности, прежде всего публично-правовой. Так ученые размышляют о том, что при определенных условиях административная ответственность будет основываться не на идее справедливости, а на идее поддержания органами исполнительной власти публичного порядка [22, с. 59].

Помимо выделенных вариантов научного позиционирования правопорядка, существуют и иные, основанные не на отраслевых, а более оценочных критериях. Так, к примеру, в отдельных случаях ученые говорят об «образцовом публичном правопорядке» [19, с. 27] или о «должном порядке» [17, с. 555]. Исследователи также сравнивают мировой порядок или правопорядок [7], общественный порядок и правопорядок [13], рассматривают данные категории в контексте прав человека [25]. Помимо отождествления публичного правопорядка с правопорядком, в исследованиях имеет место научная позиция, признающая публичный порядок правовой категорией [15]. Принято считать, что в административно-правовой литературе понятие «правопорядок» употребляется как синоним «общественного порядка» [1, с. 9]. Кроме того, имеют место и более широкие подходы к пониманию публичного порядка, близкие, на наш взгляд, правовым позициям судов высших инстанций, в рамках которых публичный порядок представляется синонимом требований законодателя и господствует не только в конфликтном праве, но во всех отраслях права. С этой точки зрения публичный порядок отождествляют с высшим принципом права, целью в праве, идеей права [24, с. 152].

Обсуждение

Анализ существующих научных и правоприменительных позиций в понимании публичного порядка позволил нам сгруппировать существующие подходы и выявить основные варианты его позиционирования. Попробуем применить выделенные подходы в отношении использования понятия публичного правопорядка в интеграционном аспекте.

Активно развивающиеся интеграционные процессы на территории постсоветского пространства дополнили понятийный аппарат правового обеспечения евразийской интеграции категорией «публичный правопорядок» с евразийским оттенком. А. С. Исполинов в этой связи говорит о появившемся несколько лет назад и стремительно развивающемся в современных условиях «новом евразийском правопорядке» [11, с. 15].

По вопросу взаимного влияния существующей в правовой науке концепции публичного правопорядка и интеграционной повестки следует обозначить два характерных процесса.

Во-первых, концепция публичного правопорядка активно используется в управленческих процессах в контексте евразийской экономической интеграции [12]. Во-вторых, ученые также признают влияние управленческих решений на уровне ЕАЭС на публичный правопорядок Российской Федерации [16].

С учетом того, что данная категория традиционно исследовалась в рамках международного частного права в процессе применения коллизионных норм и связанной с ним «оговорки о публичном порядке» как основания для того, чтобы исключить применение национальным судом иностранного права, или для отказа в исполнении иностранного судебного или арбитражного решения (на узость и процессуальный характер подобного подхода справедливо обращают внимание ученые [12]), она закономерно стала использоваться и в оценке интеграционных процессов в контексте ЕАЭС.

Учитывая, что понятие публичного правопорядка достаточно активно используется в практике Суда ЕАЭС, ученые применяют и более узкое понятие «евразийский судебный правопорядок» [21], но при этом признают сложность и неурегулированность вопроса о том, в какой степени судьи и арбитры могут оценивать публичный порядок в контексте интеграционного образования [12].

Отражением еще более ограниченного подхода выступает, на наш взгляд, понимание евразийского правопорядка как объекта экономических преступлений [10].

Растет, ширится договорно-правовая основа евразийской интеграции, нормы которой непосредственно применяются в рамках единых и скоординированных отраслей экономики, на единой экономической территории ЕАЭС. Особое место среди них занимают нормы, принимаемые не государственными

ми органами стран — участниц интеграции, а наднациональными институтами. В связи с этим ученые обращают внимание на тот факт, что некая весьма быстро растущая часть правовых норм, регулирующих правоотношения внутри России, оказывается за пределами конституционного контроля со стороны Конституционного Суда РФ [11]. Таким образом, узость понимания публичного правопорядка в контексте интеграции может быть обусловлена в том числе подходами, позволяющими рассматривать такой правопорядок с точки зрения контроля со стороны национальных органов конституционного правосудия.

В контексте интеграции получает все большее признание понимание публичного правопорядка в широком смысле. В отличие от достаточно устоявшегося подхода к правопорядку в международном публичном праве, подразумевающим наличие в международном договоре соответствующих исключений, на которые могут ссылаться государства, для того чтобы оправдать свое нарушение взятых по данному договору обязательств, публичный порядок в широком смысле представляет собой совокупность норм, являющихся фундаментальными для того или иного международного правопорядка и обеспечивающих его устойчивость и эффективность [12]. Представляется, что более точным можно считать таким порядком не сами нормы, а состояние общественных отношений, которое явилось результатом их действия. С учетом того, что целями межгосударственной экономической интеграции выступает, прежде всего, свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, то состояние, в котором достигается эта свобода, может считаться обеспеченным правовыми нормами интеграционного уровня публичным правопорядком.

В Договоре о ЕАЭС общая оговорка о публичном правопорядке содержится в ст. 29, где в ч. 1 перечисляются исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров, одним из которых выступает защита общественной морали и правопорядка. Это и иные ограничения государства — члены ЕАЭС вправе применять во взаимной торговле товарами при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли¹. На основании данной оговорки были приняты, к примеру, рекомендации Коллегии ЕЭК, обеспечивающие исключение выпуска в обращение на внутреннем рынке ЕАЭС игрушек и другой продукции, предназначенной для детей и подростков, негативно влияющих на их психическое здоровье².

Оговорки отраслевого (или еще более узкого) характера встречаются в отдельных протоколах Договора о ЕАЭС, в частности, в протоколе о единых правилах предоставления промышленных субсидий (Приложение № 28), раздел 77 которого наделяет государства — члены интеграции правом использовать специфические субсидии, введение которых обусловлено необходимостью в защите в том числе общественной морали, общественного правопорядка и государственной безопасности.

Другим примером может служить протокол о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (Приложение № 7), в разделе 38 которого устанавливается возможность введения при ввозе и (или) вывозе отдельных категорий товаров мер, необходимых для соблюдения общественной морали или правопорядка. Заметим, что категория правопорядка в учредительном документе ЕАЭС используется в сочетании с категориями общественной морали и (или) национальной безопасности. Но в любом таком сочетании речь идет исключительно об узком понимании публичного правопорядка, то есть ссылка на него используется как основание для исключения в применении положений Договора о ЕАЭС, как условие отступления от него со стороны его участников.

Акты Суда ЕАЭС при оценке таких оговорок говорят о «коллизировании принципа суверенитета и добросовестного исполнения международного договора» и упоминают международные договоры в рамках ВТО, в которых также устанавливаются подобные исключения (например, Соглашение по государственным закупкам от 30 марта 2012 г.)³.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.

² Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14.09.2023 № 24 «О защите детей и подростков от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. <http://www.eaeunion.org/>, 20.09.2023.

³ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 11.01.2021 № CE-2-2/7-20-БК «По заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза <http://courteurasian.org/>, 13.01.2021.

Что касается публичного правопорядка (порядка) в широком смысле, то такое понимание присуще практике суда интеграционного образования, причем здесь появляется возможность дифференцировать понятия публичного порядка государства — члена ЕАЭС и публичного порядка всего ЕАЭС в целом. Думается, что именно о последнем говорится в особом мнении судьи Суда ЕАЭС Т. Н. Нешатаевой от 12 октября 2022 г.¹

В более поздних актах Суда ЕАЭС выделяются уровни публичного порядка (универсально-международный, регионально-интеграционный, национальный) и констатируется тот факт, что раскрытие его элементов происходит в конкретной ситуации, в том числе путем формирования судебной практики, и направлен он на обеспечение баланса публичных и частных интересов [12]. Таким образом, практика Суда ЕАЭС на интеграционном уровне позволяет расширить традиционное для юридической науки понимание публичного порядка (правопорядка), выделить в нем несколько уровней и отграничить публичный правопорядок государств — членов ЕАЭС от общего публичного правопорядка интеграционного образования.

Заключение

Понятие публичного правопорядка используется в правовой науке достаточно давно, но приемы и средства его исследования отличаются разнообразием. Обзор научной литературы и правовых позиций высших судебных инстанций позволил говорить о таких тенденциях в научном и ином понимании публичного правопорядка: 1) в большинстве случаев правопорядок отождествляется с публичным порядком и (или) общественным порядком; 2) порядок включает в себя и правопорядок как состояние общественных отношений, урегулированных нормами права; 3) понимание правопорядка в юридической науке развивается от сугубо отраслевых подходов (прежде всего, отрасли международного частного права) до широких надотраслевых подходов, в рамках которых публичный порядок позиционируется как принцип права, принцип, цель или условие правового регулирования, требование законодателя.

Несмотря на устоявшийся характер использования понятия публичного правопорядка (порядка) в отечественной юридической науке, оно приобретает качественно новое понимание в контексте межгосударственной экономической интеграции.

Во-первых, следует выделить взаимное влияние существующей теории публичного правопорядка на управленческие процессы в контексте интеграции. Во-вторых, поправки в Конституцию РФ также способствовали конституционализации публичного правопорядка в России. В-третьих, в рамках интеграционной повестки мы можем наблюдать процессы расширения традиционного для международного частного права подхода, основанного на «оговорке о публичном порядке» как основании для отказа в исполнении требований международных договоров и иных актов, за счет дифференциации его уровней и элементов, выделения публичного правопорядка государства — члена интеграции и самого интеграционного образования. Представляется, что процессы эти будут развиваться и далее преимущественным образом в направлении расширения содержания понятия публичного правопорядка применительно к ЕАЭС. Все это делает востребованным разработку публично-правовых и международно-правовых вопросов, связанных с категорией публичного правопорядка, средствами его достижения как на национальном, так и на наднациональном (универсально-международном и интеграционном) уровне. Сделанные по результатам исследования выводы позволят развить существующие сегодня теоретико-правовые и отраслевые подходы к публичному правопорядку, а также сформировать новые направления исследований рассматриваемой категории применительно к интеграционному уровню регулирования. В конечном итоге эти выводы могут позитивно отразиться на правоприменительной административной и судебной практике в рамках евразийской интеграции, способствовать ее единообразию и устойчивости.

¹ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12.10.2022 № СЕ-2-1/1-22-БК «О разъяснении пункта 6 статьи 72 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза <http://courteurasian.org/>, 12.10.2022.

Список литературы

1. *Аврутин Р. Ю.* Взаимосвязь понятий «правопорядок», «общественный порядок» и «безопасность» в контексте построения социально ориентированного государства // *Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения : материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 сентября 2023 года.* СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. С. 8–14. EDN: IWZHMQ
2. *Агамагомедова С. А.* Публичный контроль и надзор в экономике: теоретико-правовое обоснование // *Вестник Российского университета дружбы народов: Юридические науки.* 2023. Т. 27. № 2. С. 421–438. EDN: GBZUPC. DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-2-421-438
3. *Безруков А. В.* Общественные формирования и органы публичной власти в обеспечении конституционного правопорядка: основные направления деятельности и формы сотрудничества // *Конституционное и муниципальное право.* 2020. № 1. С. 21–25. EDN: ONGCRX. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-1-21-25
4. *Безруков А. В., Гиздатов А. Р.* К вопросу о взаимодействии органов внутренних дел с иными органами публичной власти в сфере обеспечения конституционного правопорядка (на примере Челябинской области) // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2022. № 4. С. 32–39. EDN: JOVLNW. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-4-32-39
5. *Гаврилов Д. А., Гаврилова Ю. А.* Конституционализация публичного правопорядка в современной России // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2021. № 6. С. 13–17. EDN: CIWVLJ. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-6-13-17
6. *Галузо В. Н.* Соотношение понятий «национальная безопасность» и «правопорядок» // *Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики.* 2020. № 3. С. 39–43. EDN: BTETJI
7. *Громыко А. А.* Мировой порядок или правопорядок // *Международная жизнь.* 2012. № 3. С. 18–32. EDN: TIIZSL
8. *Дойников И. В.* Публичный правопорядок как механизм защиты национальных интересов // *Академический юридический журнал.* 2020. № 1 (33). С. 72–80. EDN: YRJUQA
9. *Дойников И. В., Эриашвили Н. Д.* Публичный правопорядок в гражданском праве Российской Федерации // *Вестник экономической безопасности.* 2020. № 1. С. 76–84. EDN: FEYDXW. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10013
10. *Есаян А. К.* Евразийский правопорядок как объект экономических преступлений // *Внешнеторговое право.* 2009. № 2. С. 12–15. EDN: KOIEF
11. *Исполинов А. С.* Требуется прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2014. № 5 (102). С. 14–20. EDN: SXLDOZ
12. *Кадышева О. В.* Концепция публичного порядка в судах региональной экономической интеграции // *Международное правосудие.* 2023. Т. 13. № 2. С. 17–32. EDN: GCOOSQ. DOI: 10.21128/2226-2059-2023-2-17-32
13. *Котляр А. В.* Правопорядок и общественный порядок: соотношение и взаимосвязь // *Сборник научных работ серии «Право».* 2022. № 4 (28). С. 62–72. EDN: DAQCAU. DOI: 10.5281/zenodo.7432271
14. *Кравец И. А.* Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // *Вестник Томского государственного университета.* 2019. № 439. С. 202–215. EDN: ZCOTLF. DOI: 10.17223/15617793/439/28
15. *Кудрявцева Л. В., Бондаренко А. В., Джадан Е. И.* К вопросу о содержании и законодательном закреплении правовой категории «Публичный порядок» // *Проблемы экономики и юридической практики.* 2018. № 5. С. 175–178. EDN: YOGGCT
16. *Лифшиц И. М., Кицмаришвили Д. Э.* Интегрируя интеграцию: решения Суда Евразийского экономического союза в правопорядке Российской Федерации // *Международное правосудие.* 2024. Т. 14. № 1. С. 75–97. EDN: CIBULM. DOI: 10.21128/2226-2059-2024-1-75-97

17. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Инфра-М, 2007. С. 800. ISBN: 978-5-468-00138-7. EDN: SDQPEN
18. Мархгейм М. В. Конституционные параметры публичного правопорядка Российской Федерации // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : материалы VIII Международной научно-теоретической конференции «Мальцевские чтения» памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, д.ю.н., профессора Мальцева Г. В. (Белгород, 23–24 апреля 2021 г.). Белгород, 2021.
19. Мархгейм М. В. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 3(103). С. 24–31. EDN: ZKTRYG
20. Морозов А. Н., Каширкина А. А. Региональная интеграция и новые вызовы международному правопорядку // Международное публичное и частное право. 2024. № 2. С. 10–14. EDN: FMQQNZ. DOI: 10.18572/1812-3910-2024-2-10-14
21. Смирнова О. О. Евразийский судебный правопорядок: современные особенности // Современные производительные силы. 2013. № 3. С. 59–66. EDN: RAUORB
22. Соловей Ю. П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2 (2). С. 56–63. EDN: TCYVKD
23. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2004. 768 с. ISBN: 5-7975-0269-0.
24. Шулаков А. А. Публичный порядок в международном частном праве — правило или исключение? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3 (79). С. 149–159. EDN: KXSQOO. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.79.3
25. Юнусов А. А. Правопорядок, общественный порядок и права человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 4 (76). С. 37–40. EDN: KXYZVV
26. Raafat R. The Role of Administrative Control in Upgrading the Localities // Board Diversity and Corporate Governance / ed. by Khamis R., Buallay A. CSR, Sustainability, Ethics & Governance. Springer, Cham., 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-53877-3_48

Об авторе:

Агагомедова Саният Абдулганиевна, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия), кандидат юридических наук;
e-mail: saniyat_aga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

References

1. Avrutin, R. Yu. The relationship between the concepts of “law and order”, “public order” and “security” in the third conference of the socially-oriented state // Administrative and legal regulation of the protection of public order and ensuring public safety: problems and ways to solve them: Proceedings of the annual interuniversity scientific and practical conference, St. Petersburg, September 22, 2023. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 8–14. (In Russ.) EDN: IWZHMQ
2. Agamomedova S. A. Public control and supervision in the economy: theoretical and legal justification // RUDN Journal of Law. 2023. Vol. 27. No. 2. P. 421–438. (In Russ.) EDN: GBZUPC. DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-2-421-438
3. Bezrukov, A. V. Public Organizations and Public Authorities Securing Constitutional Law and Order: The Main Activity Areas and Cooperation Forms // Constitutional and municipal law. 2020. No. 1. P. 21–25. (In Russ.) EDN: ONGCRX. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-1-21-25

4. Bezrukov, A. V., Gizdatov, A. R. On the Interaction between Internal Affairs Agencies and Other Public Government Authorities in the Sphere of Protection of the Constitutional Law and Order (on the Example of the Chelyabinsk Region) // State Power and Local Self-government. 2022. No. 4. P. 32–39. (In Russ.) EDN: JOVLNW. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-4-32-39
5. Gavrilov, D. A., Gavrilova, Yu. A. Constitutionalization of Public Law and Order in the Modern Russia // State Power and Local Self-government. 2021. No. 6. P. 13–17. (In Russ.) EDN: CIWVLJ. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-6-13-17
6. Galuzo, V. N. the Relationship between the Concepts of “National Security” and “Law and Order” // Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice. 2020. No. 3. P. 39–43. (In Russ.) EDN: BTETJI
7. Gromiko, A. A. World Order or Law and Order // International Affairs. 2012. No. 3. P. 18–32. (In Russ.) EDN: TIIZSL
8. Doynikov, I. V. Public Law and Order as a Mechanism to protect National Interests // The Academic Law Journal. 2020. No. 1 (33). P. 72–80. (In Russ.) EDN: YRJUQA
9. Doynikov, I. V. Eriashvili, N. D. Public Law and Order in the Civil Law of the Russian Federation // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 1. P. 76–84. (In Russ.) EDN: FEYDXW. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10013.
10. Yesayan, A. K. Eurasian Law and Order as an Object of Economic Consequences // Foreign Trade Law. 2009. No. 2. P. 12–15. (In Russ.) EDN: KOIIEF
11. Ispolinov, A. S. Pragmatics Required: The Russian Constitutional Court and the Eurasian Legal Order // Comparative Constitutional Review. 2014. No. 5 (102). P. 14–20. (In Russ.) EDN: SXLDOZ
12. Kadyshcheva, O. V. The concept of Public Order in Courts of Regional Economic Integration // International Justice. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 17–32. (In Russ.) EDN: GCOOSQ. DOI: 10.21128/2226-2059-2023-2-17-32
13. Kotlyar, A. V. Legal Order and Public Order: Correlation and Relationship // Collection of Scientific Papers of the Series “Law”. 2022. No. 4 (28). P. 62–72. (In Russ.) EDN: DAQCAU. DOI: 10.5281/zenodo.7432271.
14. Kravets, I. A. Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context) // Tomsk State University Journal. 2019. No. 439. P. 202–215. (In Russ.) EDN: ZCOTLF. DOI: 10.17223/15617793/439/28
15. Kudryavtseva, L. V., Bondarenko, A. V., Dzhadan, E. I. To the Question of the Content and Legislative Fixing of the Legal Category “Public Order” // Economic Problems of and Legal Practice. 2018. No. 5. P. 175–178. (In Russ.) EDN: YOGGCT
16. Lifshits, I. M., Kitsmarishvili, D. E. Integrating Integration: Judgements of the Court of the Eurasian Economic Union in the Legal Order of the Russian Federation // International Justice. 2024. No. 1. Vol. 14. P. 75–97. (In Russ.) EDN: CIBULM. DOI: 10.21128/2226-2059-2024-1-75-97
17. Maltsev, G. V. Social Foundations of Law. Moscow : Infra-M, 2007. P. 800. ISBN: 978-5-468-00138-7. (In Russ.) EDN: SDQPEN
18. Markheim, M. V. Constitutional Parameters of the Public Legal Order of the Russian Federation // Law and State in the Modern World: Status, Problems, Development: Proceedings of the VIII International Scientific and Theoretical Conference “Maltsev Readings” in Memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor Maltsev G. V. (Belgorod, April 23–24, 2021). Belgorod, 2021. 264 p. (In Russ.)
19. Markheim, M. V. Public Law and Order of Russian Federation: Constitutional Outline of New Guide // Legal Bulletin of the Rostov State University of Economics. 2022. No. 3 (103). P. 24–31. (In Russ.) EDN: ZKTRYG
20. Morozov, A. N., Kashirkina, A. A. Regional Integration and New Challenges to the International Law and Order // Public International and Private International Law. 2024. No. 2. P. 10–14. (In Russ.) EDN: FMQQNZ. DOI: 10.18572/1812-3910-2024-2-10-14
21. Smirnova, O. O. Eurasian Judicial Legal Order: Modern Features // Modern Productive Forces. 2013. No. 3. P. 59–66. (In Russ.) EDN: RAUORB
22. Solovey, Yu. P. Russian Law on Administrative Responsibility Is in Need of Improvement // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2014. No. 2 (2). P. 56–63. (In Russ.) EDN: TCYVKD

23. Theory of State and Law : lecture course / ed. by N. I. Matuzov and A. V. Malko. 2nd ed., revised. and additional. Moscow : Jurist, 2004. 768 p. ISBN: 5-7975-0269-0. (In Russ.)
24. Shulakov, A. A. Public Order in International Private Law — Rule or Exception? // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. No. 3 (79). P. 149–159. (In Russ.) EDN: KXSQOO. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.79.3
25. Yunusov, A. A. Legal Order, Public Order and Human Rights // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2007. No. 4 (76). P. 37–40. (In Russ.) EDN: KXYZVV
26. Raafat, R. The Role of Administrative Control in Upgrading the Localities // Board Diversity and Corporate Governance / ed. by Khamis R., Buallay A. CSR, Sustainability, Ethics & Governance. Springer, Cham., 2024. (In Russ.) DOI: 10.1007/978-3-031-53877-3_48

About the author:

Saniyat A. Agamagomedova, Associate Professor, senior researcher of the sector of administrative law and administrative process of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), PhD in Jurisprudence;
e-mail: saniyat_aga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

Гармонизация законодательства о безопасности в рамках Союзного государства

Перевалов Д. В.

Институт пограничной службы Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

e-mail: perevalovdymitry@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2789-373X

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Сформировать подход, использование которого позволит на системной основе осуществить гармонизацию и унификацию законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках Союзного государства в сфере обеспечения безопасности с учетом особенностей национальных правовых систем. Проанализировать опыт гармонизации и унификации законодательства в СССР и Европейском союзе. Провести сравнительно-правовой анализ законодательных актов Беларуси и России, регулирующих отношения в сфере обеспечения безопасности. Сформулировать предложения по формированию однородной правовой системы Союзного государства в сфере обеспечения безопасности. **Методы.** В процессе исследования использовались сравнительно-правовой, дедуктивный и системный методы, а также методы анализа, сравнения и обобщения. **Результаты.** Исследование показало, что для гармонизации и унификации законодательства Беларуси и России в рамках Союзного государства в сфере обеспечения безопасности наиболее целесообразным является использование опыта Союза ССР по принятию и реализации Основ законодательства в различных отраслях. **Выводы.** В современный период использование предложенного подхода позволит обеспечить последовательное и системное правовое регулирование в сфере обеспечения безопасности посредством принятия Основ законодательства Союзного государства об обеспечении национальной безопасности и, в последующем, Основ законодательства Союзного государства в отдельных сферах и по отдельным направлениям. На базе данных Основ могут быть приняты соответствующие национальные законы.

Ключевые слова: Союзное государство, обеспечение безопасности, гармонизация законодательства, унификация законодательства, Основы законодательства

Для цитирования: Перевалов Д. В. Гармонизация законодательства о безопасности в рамках Союзного государства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 109–117.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-109-117>. EDN: MIPMEW

Harmonization of Security Legislation within the Framework of Union State

Dmitry V. Perevalov

Institute of the Border Service of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

e-mail: perevalovdymitry@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2789-373X

ABSTRACT

Aim and tasks. To develop an approach, the use of which will allow for the systematic harmonization and unification of the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation within the Union

State in the field of security, taking into account the specifics of national legal systems. To analyze the experience of harmonization and unification of legislation in the USSR and the European Union. To conduct a comparative legal analysis of legislative acts of Belarus and Russia regulating relations in the field of security. To formulate proposals for the formation of a homogeneous legal system of the Union State in the field of security. **Methods.** In the course of the study, comparative legal, deductive and systemic methods were used, as well as methods of analysis, comparison and generalization. **Results.** The study showed that for the harmonization and unification of the legislation of Belarus and Russia within the Union State in the field of security, the most appropriate is to use the experience of the USSR in adopting and implementing the Fundamentals of Legislation in various industries. **Conclusions.** In the modern period, the use of the proposed approach will ensure consistent and systemic legal regulation in the sphere of ensuring security by adopting the Fundamentals of Legislation of the Union State on Ensuring National Security and, subsequently, the Fundamentals of Legislation of the Union State in Individual Spheres and in Individual Areas. Based on these Fundamentals, relevant national laws can be adopted.

Keywords: Union State, ensuring security, harmonization of legislation, unification of legislation, Fundamentals of Legislation

For citation: Perevalov D. V. Harmonization of Security Legislation within the Framework of Union State // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 109–117. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-109-117>. EDN: MIPMEW

Введение

8 декабря 2024 г. исполнилось 25 лет с момента подписания Договора о создании Союзного государства¹. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Обращении к народам Беларуси и России констатирует: «Сегодня можно с уверенностью сказать, что Союзное государство состоялось и ярко демонстрирует успешность этого уникального межгосударственного объединения. За два с половиной десятилетия сделано немало. Мы многократно приумножили интеграционные связи по широчайшему спектру направлений»². Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на заседании Высшего государственного совета Союзного государства, которое проходило 6 декабря 2024 г., отметил, что за четверть века с момента подписания Договора о создании Союзного государства Россия и Беларусь совместно проделали по-настоящему масштабную работу. «Имея в виду в первую очередь углубление интеграции в социально-экономической, гуманитарной сферах, унификацию законодательства двух стран, а также предпринятые меры по надежному обеспечению общей обороны и безопасности»³.

Современное состояние законодательств членов Союзного государства в сфере обеспечения безопасности

Одной из целей Союзного государства является формирование его единой правовой системы как наднационального образования, которая имеет определенные международно-правовые особенно-

¹ Договор о создании Союзного государства: подписан в г. Москве 08.12.1999 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=a09900039&q_id=2118629 (дата обращения: 17.02.2025).

² Лукашенко А. Г. Обращение к народам Беларуси и России по случаю 25-летия Договора о Союзном государстве [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <http://president.gov.by/ru/events/obrasenie-k-narodam-belarusi-i-rossii-po-slucau-25-letia-dogovora-o-souznom-gosudarstve> (дата обращения: 17.02.2025).

³ Заседание Высшего государственного совета Союзного государства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <http://president.gov.by/ru/events/zasedanie-vyssego-gosudarstvnnogo-soveta-souznogo-gosudarstva> (дата обращения: 17.02.2025).

сти. Так, А. Л. Дашкевич вполне обоснованно обращает внимание на то, что в отличие от права, регулирующего все виды отношений, возникающих на территории национального государства, правом Союзного государства могут быть урегулированы лишь те области общественных отношений, на которые будет распространяться его юрисдикция [4, с. 146–156]. Из положений ст. 17 и ст. 18 Договора видно, что обеспечение безопасности относится к совместному ведению Союзного государства и государств-участников. В частности, это касается совместной оборонной политики, борьбы с терроризмом, коррупцией, распространением наркотиков и другими видами преступлений.

Одновременно необходимо учитывать также следующие аспекты.

Во-первых, системы законодательства Беларуси и России в сфере обеспечения безопасности во многом схожи, но имеют и ряд отличий.

В целом в области правового регулирования отношений в сфере обеспечения безопасности как в Беларуси, так и в России можно выделить следующие группы законодательных актов:

- первая группа — так называемые «институциональные законы», определяющие общие подходы и принципы обеспечения безопасности, конкретные сферы (области) безопасности, субъектов обеспечения безопасности, реализуемые меры и т. д.: закон о безопасности, законы о промышленной, демографической, транспортной безопасности и др.;
- вторая группа, которую условно можно определить как «субъектные законы», регулирует деятельность субъектов обеспечения безопасности (определяют задачи, которые они решают, их систему, правовой статус и др.): законы о полиции (об органах внутренних дел), органах безопасности, органах предварительного следствия и т. п.;
- третья группа, которая условно может быть названа как «деятельностные законы», регулирует отношения при осуществлении отдельных видов деятельности в сфере обеспечения безопасности: законы о внешней разведке, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, законодательные акты, регулирующие ведение административного и уголовного процесса и т. п.

Вместе с тем не во всех случаях в Беларуси и России в данных группах имеются законодательные акты, паритетно регулирующие те или иные общественные отношения в сфере обеспечения безопасности. Такие группы нормативных правовых актов в соотношении могут быть представлены в виде таблицы (с. 112, выборочно).

Необходимо также отметить, что даже если и имеются законы, регулирующие аналогичные отношения в союзных государствах, то в ряде случаев по названию и в большинстве случаев по содержанию они не совпадают. Хотя заложенные в них подходы правовой регламентации очень схожи. Например, в ст. 17 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрено *четыренадцать* оперативно-розыскных мероприятий: оперативный опрос, наведение справок, сбор образцов, оперативный осмотр, контроль в сетях электросвязи и др.¹ В то же время ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет *пятнадцать* оперативно-розыскных мероприятий, некоторые из которых имеют иные названия, а некоторых вообще нет в белорусском законодательном акте: опрос, сбор образцов для сравнительного исследования, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации и др.² Вместе с тем по своему содержанию большинство мероприятий совпадают, несмотря на разные названия.

Во-вторых, обстановка, складывающаяся и в Беларуси, и в России, обуславливает востребованность сближения подходов в правовом регулировании сферы обеспечения безопасности.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11500307&q_id=1882120 (дата обращения: 17.02.2025).

² Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон Рос. Федерации от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ [Электронный ресурс] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349. URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001995033000&page=1&sort=position&limit=50&nd=106&valid=1001995033000> (дата обращения: 17.02.2025).

Группы нормативных правовых актов в сфере обеспечения безопасности Республики Беларусь и Российской Федерации

Table. Groups of normative legal acts in the sphere of security of the Republic of Belarus and the Russian Federation

Республика Беларусь	Российская Федерация
Институциональные законы	
Не имеется	Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (с изменениями и дополнениями)
Не имеется	Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (с изменениями и дополнениями)
Закон от 15.06.1993 № 2403-XII «О пожарной безопасности» (с изменениями и дополнениями)	Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (с изменениями и дополнениями)
Закон от 26.11.1992 № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (с изменениями и дополнениями)	Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изменениями и дополнениями)
Закон от 04.01.2002 № 80-З «О демографической безопасности» (с изменениями и дополнениями)	Не имеется
Закон от 05.01.2008 № 313-З «О дорожном движении» (с изменениями и дополнениями)	Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (с изменениями и дополнениями)
Субъектные законы	
Закон от 17.07.2007 № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями)	Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (с изменениями и дополнениями)
Закон от 10.07.2012 № 390-З «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями)	Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (с изменениями и дополнениями)
Закон от 11.11.2008 № 454-З «Об органах пограничной службы Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями)	Не имеется
Закон от 10.01.2014 № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» (гл. 47) (с изменениями и дополнениями)	Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
Деятельностные законы	
Не имеется	Федеральный закон от 10.01.1996 № 5-ФЗ «О внешней разведке» (с изменениями и дополнениями)
Закон от 10.07.2012 № 390-З «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» (ст. 9 частично регламентирует проведение контрразведывательной деятельности) (с изменениями и дополнениями)	Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ст. 9 регламентирует проведение контрразведывательных мероприятий) (с изменениями и дополнениями)
Закон от 15.07.2015 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями)	Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями)
Закон от 03.01.2002 № 77-З «О борьбе с терроризмом» (с изменениями и дополнениями)	Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изменениями и дополнениями)

Источник: составлено автором

Р. Курбанов и А. Беялова отмечают, что в сфере правовой интеграции Беларуси и России в рамках Союзного государства наибольших успехов удалось достичь в области унификации и гармонизации таможенного законодательства и банковской деятельности [7, с. 67]. Однако в сфере обеспечения безопасности таких успехов пока не имеется. Между тем в соответствии с п. 30 Концепции безопасности Союзного государства, утвержденной постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 06.12.2024 № 14 стратегическими целями обеспечения внутренней стабильности и устойчивости государств — участников Союзного государства являются защита: конституционного строя государств-участников, обеспечение их суверенитета, независимости, территориальной целостности; прав и свобод граждан Союзного государства; граждан Союзного государства от противоправных посягательств; населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и др.¹ Кроме того, в качестве стратегического интереса Союзного государства определены формирование и развитие единой правовой системы Союзного государства, обеспечение конституционных прав и свобод, равных прав и обязанностей граждан Союзного государства на всей его территории, укрепление законности, защита граждан Союзного государства, организаций и собственности от противоправных посягательств (п. 25 Концепции безопасности Союзного государства). Таким образом, гармонизация и унификация законодательства Беларуси и России в рамках Союзного государства в сфере обеспечения безопасности является насущным и важным направлением деятельности уполномоченных органов Союзного государства.

Опыт Европейского союза и Союза ССР в гармонизации и унификации законодательства

С. Ю. Кашкин обоснованно указывает, что созданию единообразного правового пространства Союзного государства способствует интеграционное право с использованием методов обеспечения правовой однородности. Это достигается прежде всего посредством применения двух основных специфических методов: метода гармонизации (сближения) и метода унификации (приведения к единообразию) правовых норм государств, входящих в ту или иную интеграционную организацию. При этом он предлагает использовать опыт Европейского союза (далее — ЕС) по применению специального «метода скоординированной субординации», саму суть которого и составляют гармонизация и унификация, на котором строится функционирование ЕС и благодаря которому обеспечивается его внутренняя организация. Сначала на основе демократических международных процедур, учитывающих позиции государств-членов, принимаются законодательные акты интеграционной организации в форме директив, приводящих к гармонизации (сближению с учетом специфики национальных государств), или регламентов, обеспечивающих полную унификацию положений государств — членов ЕС. Что касается регламента, обеспечивается его немедленное исполнение всеми государствами-членами. Что касается директивы, то государства должны в предусмотренный ею срок принять собственные правовые акты, обеспечивающие с учетом специфики национального законодательства реализацию целей директивы [5, с. 99–100].

Вместе с тем, как представляется, в современный период в Союзном государстве в сфере правового регулирования обеспечения безопасности сложилась ситуация, схожая по своему содержанию с правотворческой деятельностью в Советском Союзе. Советское законодательство имело двухуровневую систему, где на союзном уровне ведущее положение занимали Основы законодательства СССР и союзных республик в той или иной отрасли (например, уголовного или гражданского законодательства), в соответствии с которыми на республиканском уровне формировались соответствующие отраслевые законодательства союзных республик. С. В. Поленина и Н. В. Сильченко так характеризуют данную систему: «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик — это общесоюзный закон, содержащий основополагающие положения конкретной отрасли (подотрасли) законодательства в сфере совместного союзно-республиканского ведения, на базе и в соответствии с которым издаются все иные отраслевые общесоюзные и республиканские законодательные и подзаконные акты» [8, с. 87]. При этом «согласно

¹ О Концепции безопасности Союзного государства: постановление Высшего Гос. Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. № 14 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=a22400091&q_id=2120123 (дата обращения: 17.02.2025).

сложившейся нормотворческой практике в союзных законах, закрепляющих основы законодательства Союза ССР и союзных республик по соответствующим отраслям, содержатся наиболее общие и принципиальные положения данной отрасли. Они получают развитие и детализацию в издаваемых на базе одноименных законов (Основ законодательства) не только других союзных нормативных актах, но и в республиканских кодексах (законах) и подзаконных актах» [8, с. 130]. С. В. Кодан отмечает, что выделение двух уровней законов в Союзе ССР обусловил Договор об образовании СССР 1922 г., который определял конкретные предметы его ведения, а последующее конституционное оформление Союза ССР сохранило подходы Договора об образовании СССР 1922 г. к организации законодательного пространства союзного государства [6, с. 24].

Представляется, что для ряда отраслей в Союзном государстве, в том числе и в области правового регулирования обеспечения безопасности, целесообразно использовать подобную правовую конструкцию с определенными корректировками. Схожим образом, например, предпринимаются попытки сблизить и гармонизировать законодательство на площадках Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) и Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ) посредством принятия модельных законов [3]. Однако в данных случаях модельные законодательные акты носят рекомендательный характер (подп. 1.2 п. 1 Положения о разработке и принятии типовых (модельных) законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, утв. постановлением МПА СНГ от 17.11.2023 № 56-12, подп. 1.2 п. 1 Положения о разработке и принятии типовых (модельных) законодательных актов и рекомендаций ПА ОДКБ, утв. постановлением ПА ОДКБ от 28.11.2013 № 6-11) [2]. «В республиканских законах и кодексах, — по справедливому утверждению Ю. А. Тихомирова, — воспроизводятся общие положения Основ законодательства, конкретизируются отдельные положения Основ, устанавливаются нормы, отражающие специфику республик и их компетенцию» [10, с. 57].

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик относились к тем отраслям, где предусматривалась кодификация законодательства. Вместе с тем имелись случаи, когда на базе таких Основ принимались законы, а не кодексы. Например, 19 декабря 1969 г. Верховным Советом Союза ССР был принят Закон СССР № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении»¹, в соответствии с которым 29 июля 1971 г. был принят Закон РСФСР «О здравоохранении»². В Белорусской Советской Социалистической Республике аналогичный закон был принят 4 июня 1970 г.³ Данные законы не дублировали соответствующие основы советского законодательства, но были имплементированы и адаптированы к республиканским правовым системам.

Перспективы гармонизации и унификации законодательства Союзного государства в сфере обеспечения безопасности

Рассмотренный правотворческий опыт СССР позволяет считать правомерным его использование в гармонизации и унификации законодательства Союзного государства и его участников в сфере обеспечения безопасности. Определенного рода аналогом может служить правотворческая деятельность ЕС. К примеру, анализ ст. 288 Договора о функционировании Европейского союза⁴ показывают следующее: регламент имеет общее действие, является обязательным в полном объеме и подлежит прямому применению во всех государствах-членах. Иными словами, регламент содержит наднациональные нормы, которые не имплементируются в национальное законодательство, а имеют прямое действие в каждом

¹ Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении: Закон Союза Совет. Социалист. Республик от 19 дек. 1969 г. № 4589-VII [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21343#gqqLLdUi4Mmi4hMo> (дата обращения: 17.02.2025).

² О здравоохранении: Закон Рос. Совет. Федер. Социалист. Республики от 27 июля 1971 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2162#viHNLdUc9pKQksu1> (дата обращения: 17.02.2025).

³ О здравоохранении: Закон Белорус. Совет. Социалист. Республики от 4 июня 1970 г. Минск: Беларусь, 1982. 32 с.

⁴ Treaty on the Functioning of the European Union: adopted on March 25, 1957, as amended by the Lisbon Treaty of December 13, 2007 [Electronic resource] // An official website of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:12012E/TXT> (accessed: 17.02.2025).

из государств. Директива имеет обязательную силу для каждого государства-члена, кому она адресована, в отношении результата, которого требуется достичь, но оставляет в компетенции национальных институтов выбор формы и способов достижения. То есть нормы, содержащиеся в директиве, также не имплементируются в национальное законодательство. Государства вправе сами формулировать свои правовые нормы — главное, чтобы они обеспечивали достижение цели, предусмотренной в директиве [9].

Таким образом, схожесть советского и европейского подходов в формировании союзного права заключается только в том, что в нем формулируются общие нормы, которые предназначены для использования странами — участниками союзного объединения. Однако в Советском Союзе нормы Основ законодательства фактически имплементировались в республиканское законодательство, а в ЕС общие нормы либо применяются напрямую в государстве-члене, либо такое государство трансформирует их применительно к своей правовой системе.

В этой связи представляется обоснованным на уровне Союзного государства принимать Основы законодательства в соответствующей отрасли, в частности, в сфере обеспечения безопасности. В соответствии с данными Основами в Беларуси и России целесообразно принимать соответствующие законы, регулирующие отношения в конкретной области. Это позволит, с одной стороны, разграничить юрисдикцию Союзного государств и государств-участников, а с другой стороны, не имплементируя дословно нормы, составляющие такие Основы, урегулировать соответствующие отношения с учетом особенностей национальных правовых систем каждого государства. О. Е. Блинков, рассматривая, в частности, роль Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик в кодификации советского гражданского права отмечает, что «...центральной задачей Основ гражданского законодательства стало разграничение законодательной (правотворческой) компетенции Союза ССР и союзных республик в регулировании имущественных отношений, составляющих предмет гражданского права. Основы гражданского законодательства произвели разграничение объема гражданско-правового регулирования имущественных и неимущественных отношений между Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, с одной стороны, и ГК союзных республик — с другой. Подобное распределение обеспечило единство важнейших гражданско-правовых институтов и вместе с тем дало возможность подробно урегулировать отдельные виды имущественных и неимущественных отношений с учетом особенностей их развития в союзных республиках» [1, с. 21].

Заключение

Учитывая изложенное, представляется целесообразным:

1) решением Парламентского Собрания Союза Беларуси и России утвердить Регламент принятия Основ законодательства Союзного государства, в котором установить статус таких Основ, их юридическую силу и порядок принятия;

2) принять Основы законодательства Союзного государства об обеспечении национальной безопасности (о национальной безопасности), на базе которых могут быть приняты национальные законы «Об обеспечении национальной безопасности» («О национальной безопасности») (в качестве модели может быть использован модельный закон ОДКБ «Об обеспечении национальной безопасности», утв. постановлением Парламентской Ассамблеи государств — членов ОДКБ от 30.10.2018 № 11-3.1¹);

3) принять Основы законодательства Союзного государства в отдельных сферах (например, о транспортной безопасности) и по отдельным направлениям (например, о внешней разведке), в соответствии с которыми могут быть приняты соответствующие профильные национальные законы;

4) гармонизация и унификация законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках Союзного государства в сфере обеспечения безопасности являются насущным и важным направлением формирования и развития единой правовой системы Союзного государства. Создание такой системы

¹ Об обеспечении национальной безопасности: модельный закон: постановление Парламентской Ассамблеи государств — членов ОДКБ от 30 окт. 2018 г. № 11-3.1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-ob-obespechenii-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 17.02.2025).

обусловлено углублением интеграционных процессов между Беларусью и Россией, увеличением и изменением характера угроз безопасности Союзного государства, необходимостью обеспечения правовой однородности в регулировании важных вопросов обеспечения безопасности;

5) для гармонизации и унификации законодательства Беларуси и России в рамках Союзного государства в сфере обеспечения безопасности может быть использован опыт СССР по разработке и принятии Основ законодательства Союза ССР и союзных республик в различных отраслях. В этих целях на уровне Союзного государства целесообразно принимать Основы законодательства в сфере обеспечения безопасности. В соответствии с данными Основами в Беларуси и России принимать соответствующие законы, регулирующие отношения в конкретной области. Это позволит, с одной стороны, разграничить юрисдикцию Союзного государств и государств-участников, а с другой стороны, не имплементируя дословно нормы, составляющие такие Основы, урегулировать отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности, с учетом особенностей национальных правовых систем каждого государства.

Использование данных рекомендаций позволит, на наш взгляд, обеспечить последовательное и системное правовое регулирование в сфере обеспечения безопасности посредством принятия Основ законодательства Союзного государства об обеспечении национальной безопасности и, в последующем, Основ законодательства Союзного государства в отдельных сферах и по отдельным направлениям. На базе данных Основ могут быть приняты соответствующие национальные законы.

Список литературы

1. Блинков О. Е. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года как форма первой унификации советского наследственного права // История государства и права. 2006. № 8. С. 21–23. EDN: KXXZRL
2. Бондуrowsкий В. В., Поспелов С. В. Задачи, решаемые Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности в условиях трансформации вызовов и угроз безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 2 (55). С. 29–36. EDN: EMOWWT
3. Василевич Г. А. Право СНГ и национальное законодательство: проблемы и пути гармонизации // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2007. № 2. С. 56–62. EDN: QWPACH
4. Дашкевич А. Л. Суверенитет Республики Беларусь и белорусско-российские интеграционные процессы: использование опыта Союзного государства при формировании Евразийского союза // Материалы Евразийского научного форума «Евразийская экономическая интеграция: становление и развитие». СПб. : Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2013. 456 с. ISSN: 978-5-93356-140-8
5. Кашкин С. Ю. Гармонизация и унификация как эффективные механизмы совершенствования правовой системы Союзного государства в условиях глобализации и четвертой промышленной революции // Модельное законодотворчество в Союзном государстве : материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России (19–20 сентября 2019 года, г. Гелленджик) / под ред. С. Г. Стрельченко. М. : Секретариат Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. 2019. С. 94–107. URL: https://paodkb.org/uploads/publication/file/23/Material_59seminara.pdf
6. Кодан С. В. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик в централизации и образовании единого правового пространства СССР (вторая половина 1950-х — 1970-е гг.) // Юридические исследования. 2023. № 1. С. 22–31. EDN: KIZVOC. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.1.39510
7. Курбанов Р., Беялова А. Правовые основы и пути развития Союзного государства // Федерализм. 2017. № 3. С. 63–78. EDN: ZSJVSN
8. Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М. : Наука, 1987. 157 с. EDN: VYLBQL
9. Ступаков Н. В. Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: перспективы углубления союзной интеграции и обеспечения безопасности (к 20-летию Союзного государства) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 3. С. 12–26. EDN: EAWWZR
10. Тихомиров Ю. А. Теория закона. М. : Наука, 1982. 257 с. EDN: SXQGGZ

Об авторе:

Перевалов Дмитрий Васильевич, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем обеспечения пограничной безопасности научно-исследовательской части Государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (Минск, Республика Беларусь), доктор юридических наук;
e-mail: perevalovdymitry@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2789-373X

References

1. Blinkov, O. E. Fundamentals of Civil Legislation of the Union of Soviet Socialist Republics and Union Republics of 1961 as a form of the first unification of Soviet inheritance law // History of State and Law. 2006. No. 8. P. 21–23. (In Russ.) EDN: KXXZRL
2. Bondurovsky, V. V., Pospelov, S. V. Tasks solved by the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization in the context of the transformation of challenges and threats to security// Right. Safety. Emergency situations. 2022. No. 2 (55). P. 29–36. (In Russ.) EDN: EMOWWT
3. Vasilevich, G. A. CIS law and national legislation: problems and ways of harmonization // Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus. 2007. No. 2. P. 56–62. (In Russ.) EDN: QWPACH
4. Dashkevich, A. L. Sovereignty of the Republic of Belarus and Belarusian-Russian integration processes: using the experience of the Union State in the formation of the Eurasian Union // Proceedings of the Eurasian Scientific Forum “Eurasian economic integration: formation and development”. St. Petersburg : Levsha. St. Petersburg, 2013. 456 c. ISSN: 978-5-93356-140-8 (In Russ.)
5. Kashkin, S. Yu. Harmonization and unification as effective mechanisms for improving the legal system of the Union State in the context of globalization and the fourth industrial revolution // Model lawmaking in the Union State : materials of the permanent seminar at the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia (19-20 September 2019, Gelendzhik) / ed. by S. G. Strelchenko. Moscow : Secretariat of the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia. 2019. P. 94–107. URL: https://paodkb.org/uploads/publication/file/23/Material_59seminara.pdf (In Russ.)
6. Kodan, S. V. Fundamentals of the Legislation of the Union SSR and the Union Republics in the Centralization of the Legislative Space of the USSR (the Second Half of the 1950–1970) // Legal Studies. 2023. No. 1. P. 22–31. (In Russ.) EDN: KIZVOC. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.1.39510
7. Kurbanov, R. A., Belyalova, A. M. Legal Basics and Development Directions of the Union State // Federalism. 2017. No. 3. P. 63–78. (In Russ.) EDN: ZSJVSJ
8. Polenina, S. V., Silchenko, N. V. Scientific Foundations of the Typology of Normative Legal Acts in the USSR. Moscow : Nauka Publishing House, 1987. 157 p. (In Russ.) EDN: VYLBQL
9. Stupakov, N. V. Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus: Prospects for Deepening Union Integration and Security (on the 20th Anniversary of the Union State) // International Cooperation of Eurasian States: politics, economics, law. 2019. No. 3. P. 12–26. (In Russ.) EDN: EAWWZR
10. Tikhomirov, Yu. A. Theory of Law. Moscow : Nauka, 1982. 257 c. (In Russ.) EDN: SXQGGZ

About the author:

Dmitry V. Perevalov, Associate Professor, Leading Researcher of the Border Security Research Department of the Research Unit of the State Educational Institution “Institute of the Border Service of the Republic of Belarus” (Minsk, Republic of Belarus), Doctor of Science (Jurisprudence);
e-mail: perevalovdymitry@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2789-373X

Правовое регулирование взаимодействия государства и международных журналистских организаций в евразийском медиапространстве

Алексеев Г. В.^{*}, Харина О. Н.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

^{*} e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0003-3720-0105

РЕФЕРАТ

В постсоветской действительности прогресс на пути к делиберативной демократии требует правовых условий для противодействия насильственному экстремизму посредством устойчивого развития журналистских союзов. **Цель и задачи.** Развитие евразийского медиапространства посредством вовлечения постсоветских стран в равноправный политический диалог предполагает защиту интересов государственных СМИ и независимых журналистских союзов. Цифровая демократия нуждается в эффективных правовых институтах для свободной и компетентной журналистской работы. Обеспечение условий для правового взаимодействия государств и журналистских союзов на евразийском информационном пространстве должно быть основано на совершенствовании международно-правовых гарантий качества журналистской работы и приверженности демократическим ценностям. **Методология.** Тематический анализ практик правового взаимодействия государств и журналистов призван расширить возможности саморегулирования в медиасфере и использует нарративный анализ для решения проблем экстремизма и информационных войн на постсоветском пространстве. **Результаты.** Развитие государственности на постсоветском пространстве должно сопровождаться ответственным поведением международных журналистских организаций и признанием их компетенции в деле организации интеллектуальной конкуренции за внимание аудитории. Злоупотребление правами журналистов, монополизация регионального медиарынка, низкое качество тактических медиа и недостаточная компетентность участников медиадискурса несут в себе критические угрозы информационной безопасности государств, снижая качество журналистики на всем постсоветском пространстве.

Выводы. Профессиональные и творческие союзы журналистов ответственны за воспроизводство квалифицированных профессионалов, защиту интеллектуальных и трудовых прав своих членов, соблюдение профессиональной этики и продвижение традиционных ценностей в медиапространстве. Решение задач, стоящих перед национальными журналистскими организациями, предполагает организацию международного сотрудничества в национальных интересах. Задача международных журналистских союзов — сглаживать конфликты посредством организации профессионального диалога. Дисквалификация национальных журналистских союзов из международных журналистских организаций приводит к нарушению прав журналистов государственных СМИ и провоцирует эскалацию конфликта в информационном пространстве. Защита прав креативных публицистов и журналистов, работающих по заданию редакций государственных и частных СМИ, требует правовой определенности в запретительном регулировании экстремистских нарративов, а также сохранения независимой площадки для профессионального взаимодействия между всеми активными участниками политического дискурса, заинтересованными в нормализации военно-политической обстановки и создании атмосферы стратегического доверия на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: информационная война, свобода слова, безопасность, права человека, радикализация, этика, дискриминация, союз журналистов, СМИ, Союзное государство

Для цитирования: Алексеев Г. В., Харина О. Н. Правовое регулирование взаимодействия государства и международных журналистских организаций в евразийском медиапространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 118–129. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-118-129>. EDN: MNRVIW

Legal Regulation of States and International Journalistic Organizations Interaction in the Eurasian Media Space

George V. Alexeyev*, Olga N. Kharina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nord-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russia

* e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0003-3720-0105

ABSTRACT

Progress towards deliberative democracy in the post-Soviet reality requires legal conditions for countering violent extremism through sustainable development of journalistic unions. **Aim and tasks.** The development of the Eurasian media space through the involvement of post-Soviet countries in equal political dialogue presupposes the protection of the interests of state media and independent journalistic unions. Digital democracy needs effective legal institutions for free and competent journalism. Providing conditions for legal interaction between States and journalistic unions in the Eurasian information space should be based on the improvement of international legal guarantees for the quality of journalistic work and commitment to democratic values. **Methods.** Case study of legal interaction between States and journalists is intended to expand the possibilities of self-regulation in the media sphere and promote narrative analysis to solve the problems of extremism and information wars in the post-Soviet space. **Results.** The development of statehood in the post-Soviet space should be accompanied by responsible behavior of international journalistic organizations and recognition of their competence in organizing intellectual competition for the audience's attention. Abuse of journalists' rights, monopolization of the regional media market, low quality of tactical media and insufficient competence of media discourse participants pose critical threats to the information security of states, reducing the quality of journalism throughout the post-Soviet space. **Conclusions.** Professional and creative unions of journalists are responsible for the reproduction of qualified professionals, the protection of intellectual and labor rights of their members, compliance with professional ethics and the promotion of traditional values in the media space. The solution of the tasks facing national journalistic organizations presupposes the organization of international cooperation in national interests. The task of international journalistic unions is to smooth out conflicts by organizing a professional polylogue. Disqualification of national journalistic unions from international journalistic organizations leads to the violation of the rights of state media journalists and provokes the escalation of conflict in the information space. The protection of the rights of creative authors and journalists working on assignment from the editorial boards of state and private media requires legal certainty in defining the framework of acceptable narratives, as well as maintaining an independent platform for professional interaction between all active participants in the political discourse who are interested in normalizing the military and political situation by creating an atmosphere of strategic trust in the post-Soviet space.

Keywords: Information war, freedom of speech, human rights, security, radicalization, ethics, discrimination, union of journalists, media, Union State

For citation: Alexeyev G. V., Kharina O. N. Legal Regulation of States and International Journalistic Organizations Interaction in the Eurasian Media Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 118–129. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-118-129>. EDN: MNRVIW

Введение

Министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров 6 декабря 2024 г. в интервью известному американскому журналисту Такеру Карлсону (Tucker Swanson McNear Carlson) ответственно заявил, что «Мы не можем мириться с ситуацией, когда сохраняется украинское законодательство, заступающее русский язык, российские СМИ...»¹ Защита прав человека имеет принципиальное значение в современной международной системе именно в силу естественно-правового ограничения суверенных прав государства интересами гражданского общества, индивидов и их групп. Необоснованное запретительное регулирование конкретного государства в отношении материалов СМИ может восприниматься другими государствами в соответствии с международным правом как недружественное действие. Зарубежная активность государственных СМИ, в свою очередь, может квалифицироваться иностранными государственными органами как вмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств. Непрофессиональная работа субъектов международной журналистики несет в себе угрозы информационной безопасности, провоцирует конфликты, экстремизм и эскалацию насилия.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (далее — Стратегия) справедливо отмечает, что «некоторые государства используют экстремистские и террористические организации в качестве средства для ведения гибридных войн против внешнеполитических противников и достижения своекорыстных геополитических целей...» (п. 11)². Противодействие такой деструктивной политике должно встречать симметричный ответ со стороны государства и институтов гражданского общества.

В гибридных войнах, где используются ресурсы государственной пропаганды и провокационные материалы тактических медиа, не бывает победителей. В результате систематических антироссийских информационных операций Запада и ряда ошибок региональной дипломатии доверие между странами Восточной Европы было подорвано, что привело к деградации всей системы обеспечения военно-политической безопасности в Европе и критической эскалации в информационной войне, сопровождающейся взаимными обвинениями сторон в экстремизме.

Материалы и методы

Исторический обзор и диахронный анализ показывают то, как взаимодействие государств и международных журналистских организаций позволяет защищать корпоративные и национальные интересы.

В контексте международно-правового регулирования работы СМИ и информационной безопасности особое значение имеет Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая странами «Большой восьмерки» 22 июля 2000 г.³ Этот документ стал одним из первых международных актов, который комплексно подошел к вопросам развития информационно-коммуникационных технологий и создал правовые условия для развития современного цифрового медиапространства, констатируя, что «частный сектор играет жизненно важную роль в разработке информационных и коммуникационных сетей в информационном обществе» (п. 7). Систематическое вовлечение некомпетентных субъектов в международное общение стало одним из конфликтогенов, приводящих к радикализации общественного мнения и информационным войнам.

¹ Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова американскому обозревателю Т. Карлсону, Москва, 6 декабря 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1985783/ (дата обращения: 13.02.2025).

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28.12.2024 № 1124) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 13.02.2025).

³ Окинавская хартия Глобального информационного общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 18.01.2025).

В предметном поле политической журналистики «информационная война рассматривается как вербальная или дискурсивная» [13, с. 170] тактика, связанная с распространением ложных, недостоверных сведений и когнитивными операциями против политических элит. Конфликтные политические процессы во всем евразийском медиапространстве развиваются типично: «Мировые медиа и международные платформы активно отслеживают и освещают события в регионе, что может влиять на восприятие конфликта за его пределами» [4, с. 175]. Региональные информационные операции в постсоветской действительности не только формируют образ врага в медиапространстве, но также способствуют консолидации сторонников и союзников вокруг продвигаемой элитами системы ценностей.

Корпоративные ценности журналистского сообщества нуждаются в постоянной защите. Решение проблемы создания «Международного союза журналистов» [17, с. 1] находится больше в политическом, нежели в правовом поле. После Второй мировой войны международные правозащитные и журналистские организации стали активно использоваться теми, кто их финансировал для продвижения национальных интересов и правовых ценностей за рубежом.

Международная федерация журналистов (МФЖ)¹, основанная в 1926 г., в годы Второй мировой войны не смогла функционировать по политическим причинам, и ее штаб-квартира в Париже прекратила свою работу.

В 1946 г. на международном конгрессе журналистов в Копенгагене (Дания) принимается решение о создании Международной организации журналистов (МОЖ) со штаб-квартирой в Лондоне, однако уже в 1947 г. МОЖ переезжает в Прагу, где попадает под влияние коммунистических партий. Известный финский ученый Карле Норденстренг (Kaarle Nordenstreng) занимал пост Генерального секретаря МОЖ в период с 1976 г. по 1990 г., и его позиция относительно политического влияния СССР на работу МОЖ широко известна [24]. Правоохранительные органы Чехии закрыли офис МОЖ в 1995 г.

Союзы журналистов стран Запада выходят из контролируемой коммунистическими партиями МОЖ в 1950 г. и воссоздают МФЖ в 1952 г. со штаб-квартирой в Брюсселе, что завершает формирование дуалистической модели работы международных журналистских организаций времен холодной войны.

ЮНЕСКО с момента своего основания в 1945 г. формулирует системные притязания на координацию работы институтов гражданского общества в сфере массовой культуры. Под эгидой ЮНЕСКО принимаются Международные принципы профессиональной этики журналиста 1980 г.² ЮНЕСКО было аккредитовано более полутора тысяч неправительственных организаций. Среди них ассоциированный статус получили МФЖ и Международный ПЕН-клуб (PEN International), а консультативный статус приобрела неправительственная организация «Репортеры без границ» (RSF), созданная в 1985 г. со штаб-квартирой в Париже. Последнее время RSF занимает антироссийскую позицию³, и ее сайт заблокирован Роскомнадзором⁴, так как фактически через него распространялась диффамация [11] в отношении российских граждан.

Принципы профессиональной этики журналиста 1980 г. «предписывают журналисту уважать интересы общества, его демократические институты и общественную мораль» (п. 7). Принятая в МФЖ Глобальная хартия этики журналистов 2019 г.⁵ полагает, что «Журналист обязан считать серьезными профессиональными нарушениями следующие: плагиат, искажение фактов, клевета, диффамация, оговоры, необоснованные обвинения» (п. 10). В условиях информационной войны все эти ценности оказались в опасности.

¹ International Federation of Journalists — IFJ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifj.org/> (дата обращения: 17.01.2025).

² International Principles of Professional Ethics in Journalism [Электронный ресурс]. URL: https://diacomet.eu/data_base/international-principles-of-professional-ethics-in-journalism/ (дата обращения: 17.02.2025).

³ Роскомнадзор ограничил доступ к этому ресурсу в соответствии со ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации». «Репортеры без границ» осудили ограничение вещания СМИ Россией. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240625/sanktsii-1955451306.html> (дата обращения: 17.02.2025).

⁴ Роскомнадзор объяснил блокировку доступа к сайту «Репортеров без границ» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240422/dostup-1941468691.html> (дата обращения: 17.02.2025).

⁵ Глобальная хартия этики журналистов МФЖ была принята на XXX Всемирном Конгрессе МФЖ в Тунисе 12 июня 2019 г. Global Charter of Ethics for Journalists. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifj.org/who/rules-and-policy/global-charter-of-ethics-for-journalists> (дата обращения: 17.02.2025).

Атмосфера медиапространства конца XX в., по авторитетному мнению американского профессора Бена Багдикяна (Ben Haig Bagdikian), была похожа на «медиамонополию» [18], где доминировали несколько крупных западных корпораций. По мере развития медиапространства советские государственные СМИ постепенно теряют конкурентоспособность на фоне роста политического влияния западных институтов гражданского общества. С развитием медиарынка и его цифровой трансформации роль экономического регулирования возрастает, а возможности запретительного регулирования и государственной цензуры снижаются.

В первой половине XXI в. постсоветское медиапространство оказалось сильно политизированным. В результате реакции Запада на украинские события сотрудничество Союза журналистов России с МФЖ и региональной Европейской федерацией журналистов (EFJ) приостановлено. В дискурсе Совета Европы «общественная мораль» и «обоснованность обвинений» в адрес России стали предметом разногласий между государственными органами и общественными организациями. Российское государство было вынуждено покинуть Совет Европы.

Гибридная война на постсоветском пространстве развернулась на фоне цифровой трансформации, в процессе которой угрозы кибербезопасности требуют от современных СМИ поиска путей работы в новых технологических условиях и усиливают эффект от коллективной социальной травмы.

Поддержание доверия и безопасности в международной системе предполагает формирование политических условий для правового взаимодействия государства и журналистских союзов. Дисквалификация журналистов государственных СМИ ведет к искажению представлений об общественной морали. Исключение компетентных специалистов — работников государственных СМИ из равноправного международного профессионального дискурса — дискриминация, которая чревата фрагментацией постсоветского медиапространства и взаимными обвинениями в экстремизме со стороны партий, участвующих в гибридных войнах.

Любые правовые проблемы возможно решать без дискриминации, если стороны будут проявлять договороспособность. Например, Международный ПЕН-клуб изначально был аккредитован при ЮНЕСКО и создал в рамках глобального общественного движения сеть национальных общественных организаций для защиты прав публицистов. Сложная ситуация вокруг Русского ПЕН-центра с момента идеи его создания в 1975 г. до его ликвидации 14 декабря 2023 г. по решению суда и последующей реорганизации для продолжения работы на Арбате в Москве¹ демонстрирует необходимость компромиссов при публично-правовом регулировании взаимодействия независимого международного публицистического и журналистского движения с государством в конструктивном ключе при уважении к национальным интересам и общечеловеческой морали в условиях идеологической борьбы и современных вызовов традиционным ценностям со стороны деструктивных групп и экстремистских сообществ.

Результаты

Тематический анализ правозащитных инициатив государств и неправительственных организаций на постсоветском пространстве позволяет выявить ряд медийных метанарративов и мифологем. Экстремистские сообщества стремятся ограничить свободу слова и подорвать доверие к СМИ.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. закрепляет фундаментальное право каждого человека на свободу убеждений и их свободное выражение (ст. 19), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. устанавливает юридически обязательные гарантии защиты свободы слова (п. 1, 2 ст. 19) и вместе с тем позволяет государствам принимать необходимые меры для противодействия враждебным информационным кампаниям и кибератакам, не нарушая при этом фундаментальные права редакций СМИ (п. 3 ст. 19).

¹ История Русского ПЕНа на старом Арбате [Электронный ресурс]. URL: <https://penrus.ru/2025/01/31/istoriya-russkogo-pena-na-starom-arbate/> (дата обращения: 17.02.2025).

На региональном уровне также действуют соглашения, защищающие свободу слова. В Европе ключевую роль играет Римская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹ (далее — Римская конвенция). В американском регионе действует Американская конвенция о правах человека, в Африке — Африканская хартия прав человека и народов. Каждый из этих документов содержит положения о свободе выражения мнения и регулировании деятельности СМИ, адаптированные под региональный правовой порядок.

Приостановление участия России в работе Совета Европы в 2022 г. стало вынужденным ответом на политизацию работы европейских правозащитных институтов. Действие Римской конвенции с этого момента разделило постсоветское пространство на (1) политизированное неолиберальное правовое поле, которое находится под юрисдикцией Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), и (2) суверенные национальные правовые порядки, полагающиеся на собственные правозащитные институты.

Практика ЕСПЧ по защите свободы слова (ст. 10 Римской конвенции) сформировала критерии для оценки легитимности вмешательства государства в работу СМИ, включая трехступенчатый тест: законность ограничений, их необходимость в демократическом обществе и пропорциональность преследуемой цели. Ограничение свободы слова, связанное с последствиями применения талидомида, Решением ЕСПЧ от 26 апреля 1979 г. по делу «The Sunday Times против Соединенного Королевства» признано не являющимся необходимым в демократическом обществе, однако отмечало возможность использования ограничений для поддержания авторитета правосудия. Решение ЕСПЧ осталось, по сути, неисполненным в силу политической и правовой ситуации вокруг талидомида в Британии. Замалчивание медицинскими корпорациями этой катастрофы повлекло проблемы со здоровьем у детей в связи с продолжением использования талидомида в Испании².

В современной практике ЕСПЧ сформировалась доктрина по государственной защите СМИ от кибератак. Суд признает, что целенаправленные DDoS-атаки, взломы информационных систем и другие формы кибернетического воздействия на медиаресурсы представляют собой серьезную угрозу для всей системы свободы выражения мнения в цифровую эпоху. В частности, в делах «Delfi AS против Эстонии» и «Magyar Tartalomszolgáltatók Egyesülete против Венгрии» ЕСПЧ подчеркнул, что государства обязаны принимать эффективные меры для защиты онлайн-СМИ от кибератак, одновременно не допуская чрезмерного ограничения свободы слова под предлогом обеспечения кибербезопасности. Экстремисты используют кибератаки против интересов свободы слова и других традиционных ценностей, что верно отражено в Стратегии (пп. 5 п. 36).

Практика противодействия дезинформации в цифровом пространстве связана с признанием ЕСПЧ права государств бороться с намеренным распространением ложной информации, но при строгом соблюдении принципа пропорциональности. В прецедентном деле «Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel против Украины» суд указал, что меры против дезинформации должны быть тщательно выверены и не могут использоваться как инструмент цензуры или подавления альтернативных точек зрения. При этом суд признает особую роль профессиональных СМИ в противодействии дезинформации и подчеркивает необходимость поддержки независимой от государства журналистики как важнейшего механизма обеспечения достоверности информации в цифровую эпоху.

Обстоятельный правовой анализ ситуации вокруг работы платформы WikiLeaks и уголовного преследования Джулиана Ассанжа (Julian Paul Assange), выполненный профессорами А.Х. Абашидзе и И.А. Черных, показал, что рассуждения о границах свободы прессы, праве общества на доступ к информации политизируются странами Запада в зависимости от их национальных интересов [1]. Публикации на платформе WikiLeaks секретных дипломатических депеш и документов о военных операциях США поставили перед международным сообществом фундаментальный вопрос о балансе между правом общества на информацию и необходимостью защиты государственных интересов в цифровую эпоху. Сделка

¹ The European Convention on Human Rights [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/human-rights-convention/the-convention-in-1950/> (дата обращения: 17.02.2025).

² Суд обязал Grünenthal выплатить пострадавшим от талидомида компенсации [Электронный ресурс]. URL: https://vademec.ru/news/2013/11/22/sud_obyazal_gr_nenthal_vyplatit_postradavshim_ot_talidomida_kompensatsii/ (дата обращения: 17.02.2025).

Дж. Ассанжа с правоохранительными органами США состоялась под давлением Американского общества журналистов и авторов¹ и МФЖ², что, безусловно, демонстрирует политическое влияние неправительственных организаций и политической оппозиции в деле защиты свободы слова и противодействия экстремистской политике и идеологии³.

Дело Ассанжа отражает проблемы, обусловленные отсутствием согласованных международно-правовых гарантий свободы деятельности новых форм медиа, специализирующихся на публикации результатов журналистских расследований. Длительное преследование Ассанжа, его заключение в посольстве Эквадора в Лондоне, а затем арест и продолжающаяся борьба против экстрадиции в США показывают, как традиционные правовые концепции журналистских расследований и свободы прессы сталкиваются с новыми вызовами национальным интересам в эпоху цифровой трансформации.

В условиях гибридных войн и растущих киберугроз МФЖ активно занимается разработкой и продвижением профессиональных стандартов журналистики, этических норм и принципов, направленных на: борьбу с насильственным экстремизмом, противодействие дезинформации и обеспечение безопасности журналистов в цифровом пространстве. При этом отстранение авторитетных российских журналистов от работы МФЖ оказывается частью ее политики в связи с украинским кризисом и ведет к радикализации. В то время как в МФЖ дисквалифицируют российских журналистов, обвиняя их в ангажированности проправительственными структурами, многие журналисты-патриоты фактически используют «реальные цифровые права» [3] для защиты своего универсального профессионального статуса и описания украинского кризиса так, как они его видят.

Доктринальная политизация медиадискурса порождает стратегическое недоверие (distrust) в медиaprостранстве. Так, в частности, отдельными европейскими учеными «утверждается, что отношения Таджикистана с Россией являются явно постколониальными» [22, р. 777]. Другие исследователи аргументируют тезис о том, что культурные предпочтения сильно различаются между поколениями, выросшими в СССР и воспитанными позже на постсоветском пространстве [20]. Третьи авторы высказывают предположения о том, что «исторический фон политического параллелизма и пропагандистской журналистики в Восточной Европе уходит корнями в наследие коммунистической эпохи» [19]. Европейский неолиберализм, даже в нарративах научных исследований, все больше приобретает черты советской антиутопии. Вопрос о причинах актуальности системной критики советского прошлого лежит в области нарративного анализа и приводит к выводу о стремлении неолиберальных элит спровоцировать деструктивный конфликт на постсоветском пространстве, что им отчасти уже удалось.

Гибридные войны создают серьезные вызовы для применения международных норм в сфере регулирования СМИ. Основные проблемы связаны с трансграничным характером информационных потоков, сложностью определения юрисдикции в киберпространстве и различиями в национальных подходах к регулированию медиа. Особую остроту приобретают вопросы противодействия дезинформации при одновременном сохранении свободы слова в условиях глобального информационного обмена и обеспечения информационного суверенитета государств [12].

Международные практики защиты журналистов от кибератак и экстремизма, основанные на Будапештской конвенции о киберпреступности 2001 г., не вызывают доверия у российских СМИ и государственных органов, а разработка универсальной конвенции по борьбе с киберпреступностью под эгидой ООН встречает обеспокоенность прозападных общественных организаций с консультативным статусом при ЭКОСОС и ЮНЕСКО.

Преодоление существующего на постсоветском пространстве недоверия возможно путем разработки на уровне Союзного государства России и Белоруссии соглашения о борьбе с кибербезопасностью, которое учитывало бы интересы гражданского общества и государств на постсоветском пространстве.

¹ The American Society of Journalists and Authors (ASJA) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asja.org/who-we-are/> (дата обращения: 18.01.2025).

² Julian Assange is free! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifj.org/actions/ifj-campaigns/free-assange-now> (дата обращения: 18.01.2025).

³ История судебного преследования Джулиана Ассанжа. ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/13166619> (дата обращения: 18.01.2025).

Разработка регионального соглашения о кибербезопасности невозможна без консолидации прогрессивных и рациональных институтов гражданского общества, среди которых наднациональные журналистские структуры должны занимать центральное место.

При реализации Стратегии государственным органам следует учитывать, что основанное «на традиционных российских духовно-нравственных ценностях» информационное противодействие распространению «экстремистской и иных деструктивных идеологий» (пп. 6 п. 35) продвигает более широкий спектр эллинистических ценностей и нарративов естественного права и борется с препятствиями на пути конструктивного международного сотрудничества.

Международное сотрудничество в рамках журналистских организаций и медиаплатформ требует взаимного стратегического доверия, и поскольку прямой диалог суверенных государств с неправительственными организациями не может быть в полной мере равноправным, постольку правила «игры» [10] по поддержанию необходимого для региональной информационной безопасности уровня стратегического доверия следует согласовывать с журналистскими союзами без какой-либо их дискриминации.

Усилиями Союзного государства России и Белоруссии возможно воссоздать МОЖ, в миссию которой будет входить «организация в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, информационного сопровождения деятельности субъектов противодействия экстремизму» (пп. 4 п. 35 Стратегии). Если региональная конвенция о кибербезопасности будет способствовать защите традиционных ценностей, таких как права человека и национальные интересы, в большей мере, чем существующие соглашения, то нет сомнений в том, что ее признают авторитетные международные организации, такие как Интерпол и Международный союз электросвязи, и даже вовлеченные в гибридную войну ОБСЕ и Совет Европы со временем продемонстрируют свою приверженность международной защите прав человека без какой-либо дискриминации.

Обсуждение

Средства правового взаимодействия в медиасфере диверсифицируются. С одной стороны, «наукой международного права сформирован комплекс индикаторов, позволяющий установить, что кризисные явления нарастают...» [6, с. 57], с другой стороны, множатся и возможности по разрешению конфликтов при участии современных международных институтов.

Профессора А.А. Акаев и И.Ф. Кефели обстоятельно доказывают необходимость того, «чтобы Евразийский экономический союз создал собственные информационные ресурсы для широкой популяризации преимуществ, которые ЕАЭС несет своим народам» [2, с. 23]. Такие ресурсы потребуют артикуляции корпоративных интересов в системе ЮНЕСКО и институциональных гарантий конструктивности регионального политического массмедийного дискурса.

Профессор В. П. Талимончик обоснованно полагает, что «в Глобальный цифровой договор необходимо внести раздел “Социальная корпоративная ответственность”» [16, с. 41]. Это, безусловно, конструктивное предложение заслуживает поддержки. Однако вызывает сомнение реальность имплементации Глобального цифрового договора в условиях гибридной войны за влияние элит на цифровых платформах. Широкий круг проблем киберпространства, отраженный в Стратегии, требует скорее аксиологического консенсуса на региональном уровне.

Современные технологии трансформировали методы коммуникации и взаимодействия между государствами, корпорациями и гражданами, обострив необходимость в эффективном международно-правовом регулировании работы СМИ. В условиях глобальных вызовов и угроз, таких как дезинформация, кибератаки и нарушение прав человека, «цифровые платформы произвели парадигмальный сдвиг в производстве» [8, с. 120] социальных благ. В условиях, когда, по авторитетному мнению профессора С. Ю. Кашкина и его коллег, «платформенное право соперничает с правом государства и приводит к совершенствованию искусственного интеллекта, угрожающему уже самому существованию человека» [9, с. 94], роль институтов гражданского общества в обеспечении безопасности неизбежно будет возрастать.

Справедливо утверждение профессоров Е. Л. Вартановой и А. В. Вырковского относительно того, что исследователям необходимо сфокусироваться на фигуре «человека и как реципиента многочисленных

конфликтных сообщений, и как участника любого конфликтного медиадискурса» [5, с. 331]. Не вызывает сомнений и тот факт, что «внедрение новых идейных концептов необходимо осуществлять в рамках толерантного подхода, учитывающего интересы всех народов и социальных групп населения» [7, с. 197]. Вместе с тем в условиях гибридных войн правозащитный метанарратив часто используется западными неолиберальными элитами для усугубления коллективной социальной травмы на постсоветском пространстве.

Технологическое развитие привело к появлению новых форм информационных угроз, таких как диффамационный контент, создаваемый с помощью искусственного интеллекта (deepfake), автоматизированные боты в социальных сетях и таргетированные кампании по дезинформации. Распространение недостоверных новостей подрывает доверие аудитории к традиционным СМИ, создавая информационный хаос и затрудняя процесс верификации информации. Все это требует от медиаорганизаций внедрения комплексных систем защиты и постоянного совершенствования методов противодействия современным информационным угрозам.

Неудивительно, что в условиях цифровой трансформации «секьюритизирующая риторика выступает инструментом, легитимирующим расширение властных полномочий и выделение дополнительных ресурсов для купирования угроз» [14]. Среди таких угроз центральное место занимает разжигание межнациональной розни и другого экстремизма. Вместе с тем предложения по расширению круга «субъектов, реализующих государственную политику» [15, с. 2783], «за счет институтов гражданского общества, организаций и физических лиц» [Там же], осуществляющих противодействие экстремизму, нуждаются в большей конкретизации.

Заключение

Правовое взаимодействие государств и международных журналистских организаций на постсоветском пространстве является важнейшим элементом стратегии в гибридной войне с элитарной ксенофобией, экстремизмом и организованной киберпреступностью.

Международные нормы и правила по противодействию информационным операциям и кибератакам на медиаресурсы следует имплементировать с учетом профессиональных и экономических интересов национальных журналистских союзов и их региональных ассоциаций.

Формирование региональных правозащитных институтов и создание специализированных механизмов оперативного реагирования на атаки против цифровых медиаплатформ, включая трансграничное взаимодействие правоохранительных органов и технических специалистов, требует современных норм мягкого права: этических кодексов и рекомендаций по взаимодействию государства, партийных структур и правоохранительных органов с международными СМИ и национальными союзами журналистов.

Эффективная борьба на постсоветском медиапространстве с организованной преступностью, экстремистскими сообществами, мошенниками и некомпетентными дилетантами невозможна без международного сотрудничества институтов гражданского общества с правоохранительными органами. Система правового взаимодействия государств и международных журналистских организаций призвана защищать свободу слова в национальных и корпоративных интересах.

Гипотетические усилия Союзного государства по восстановлению работы Международной организации журналистов (МОЖ) в новом формате для защиты традиционных ценностей потребуют участия креативных молодых лидеров, реализующих успешные медиапроекты на постсоветском пространстве. В контексте Стратегии это станет реальным содействием «развитию конструктивно настроенных общественных организаций, осуществляющих деятельность в сфере защиты прав граждан» (пп. 9 п. 36).

В структуре возрожденной МОЖ необходимы как минимум три направления работы: (1) международный консультативный арбитраж по защите свободы слова, (2) группа оперативного реагирования на киберинциденты, дезинформацию и провокации и (3) совет по защите интеллектуальных прав и цифровых медиаактивов.

Цифровая трансформация медиапространства и современной интерактивной информационной среды, характеризующейся новыми вызовами в виде кибератак, дезинформации и гибридных информационных войн, отражает притязания на лидерство со стороны широкого круга институтов гражданского общества. С конструктивными виртуальными сообществами государству следует наладить взаимодействие, работу деструктивных и криминальных групп необходимо пресечь политическими и правовыми средствами.

Список литературы

1. *Абашидзе А. Х., Черных И. А.* Свобода слова, понимаемая Организацией Объединенных Наций и некоторыми государствами-членами // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 76–89. EDN: XEAMOL
2. *Акаев А. А., Кефели И. Ф.* Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2 (48). С. 10–25. EDN: JRDWKL. DOI: 0.22394/2073-2929-2024-02-10-25
3. *Алексеев Г. В.* Метатеория и классификация цифровых прав и свобод человека // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 2 (20). С. 24–36. EDN: MFGQTD. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-2-24-36
4. *Ван Ц., Мельник Г. С., Лабуш Н. С., Байчик А. В.* Медиаанализ текста о китайской стратегии информационной войны на примере опубликованных материалов // Litera. 2024. № 4. С. 174–181. EDN: USCBSI. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70511
5. *Вартанова Е. Л., Вyrковский А. В.* Медиа и социальные конфликты: теоретико-методологические вызовы междисциплинарного подхода // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 321–338. EDN: GAIMGF. DOI: 10.17223/19986645/82/15
6. *Дорская А. А., Дорский А. Ю.* Способы преодоления кризисных явлений в международном праве: анализ исторического опыта // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 2 (54). С. 49–59. EDN: PVXDCK. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.05
7. *Забарин А. В., Марченко Г. В.* Когнитивная безопасность: современные угрозы обществу и их нейтрализация // Управленческое консультирование. 2024. № 5 (185). С. 197–207. EDN: UGUTBS. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-197-207
8. *Зайцев О. В.* Цифровое право в системе российского права // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 9 (214). С. 116–126. EDN: RNJDSK. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.116-126
9. *Кашкин С. Ю., Алтухов А. В.* Роль искусственного интеллекта в становлении платформенного права и его эволюции в направлении концепции права экосистем // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1 (182). С. 94–108. EDN: AXWTSU. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.094-108
10. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Измерение политического доверия в условиях современной демократии // Управленческое консультирование. 2021. № 10 (154). С. 22–34. EDN: ATXPUA. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-10-22-34
11. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 9 (154). С. 168–182. EDN: WOPGCP. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.168-182
12. *Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В.* Свобода слова и медиабезопасность. Санкт-Петербург, 2019. EDN: OODQGO
13. *Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.* Постправда и концепт «война» в провокативном медиадискурсе // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 4. С. 164–172. EDN: AQRWFS. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172
14. *Погорельский Д. М.* Секьюритизация межнациональных отношений в России (по материалам официального дискурса) // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 4. С. 20–29. EDN: EBSQPR. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-20-29
15. *Погорельский Д. М.* Государственная политика противодействия этнополитическому экстремизму: основные принципы и направления реализации // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 8 (108). С. 2783–2792. EDN: YQDEEA. DOI: 10.35775/PSI.2024.108.8.019
16. *Талимончик В. П.* Глобальный цифровой договор: текущее состояние разработки и перспективы принятия // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10 (185). С. 38–41. EDN: OJPLVG
17. *Шафир Т. В., Кулакова Д. В., Никонов С. Б.* Исторический аспект трансформации международного союза журналов // Litera. 2024. № 3. С. 1–10. EDN: HVLRUU. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.69893

18. *Bagdikian B.* The Media Monopoly. 3rd ed. Boston : Beacon Press, 1990. 288 p.
19. *Boshnakova D., Dankova D.* The Media in Eastern Europe. In: Papathanassopoulos, S., Miconi, A. (eds) The Media Systems in Europe. Springer Studies in Media and Political Communication. Springer, Cham. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-32216-7_7
20. *Horne B. D., Rice N. M., Luther C. A.* [et al.] Generational effects of culture and digital media in former Soviet Republics // Humanities and Social Sciences Communications 2023. Vol. 10. P. 172. DOI: 10.1057/s41599-023-01670-6
21. *Kaushik D.* Policy Responses to Fake News on Social Media Platforms: A Law and Economics Analysis // Statute Law Review 2024. Vol. 45. Iss. 1, hmae013. DOI:10.1093/slr/hmae013
22. *Kluczevska K.* Post-Soviet power hierarchies in the making: Postcolonialism in Tajikistan's relations with Russia // Review of International Studies. 2024. Vol. 50. Iss. 4. P. 777–797. DOI: 10.1017/S0260210524000287
23. *Mast T.* Platform Law as EU Law // GRUR International. 2024. Vol. 73. Iss. 7. P. 607–616. DOI: 10.1093/grurint/ikae072
24. *Nordenstreng K.* The Rise and Fall of the International Organization of Journalists Based in Prague 1946–2016: Useful Recollections, Part III. 2021. DOI: 10.2307/jj.8305911
25. *Tuna M.* Anti-Muslim Fear Narrative and the Ban on Said Nursi's Works as "Extremist Literature" in Russia // Slavic Review. 2020. Vol. 79. Iss. 1. P. 28–50. DOI:10.1017/slr.2020.8

Об авторах:

Алексеев Георгий Валерьевич, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Харина Ольга Николаевна, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: okharina-19@edu.ranepa.ru

References

1. Abashidze, A. H., Chernykh, I. A. Liberty of Discussion is Being Realized by United Nations and Some Member States // RUDN Journal of Law. 2016. № 3. С. 76–89. (In Russ.) EDN: XEAMOL
2. Akaev, A. A., Kefeli, I. F. Projects and Realities of Forming a Great Eurasian Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 10–25. (In Russ.) DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-10-25. EDN: JRDWKI
3. Alexeyev, G. V. Metatheory and Classification of Digital Human Rights and Freedoms // Theoretical and Applied Law. 2024. No. 2 (20). P. 24–36. (In Russ.) EDN: MFGQTD. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-2-24-36
4. Wang, Z., Mel'nik, G. S., Labush, N. S., Baichik, A. V. Media Analysis of the Text on the Example of Chinese Strategy of Information Warfare // Litera. 2024. No. 4. P. 174–181. EDN: USCBSI. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70511
5. Vartanova, E. L., Vyrkovskiy, A. V. Media and Social Conflicts: Theoretical and Methodological Challenges of an Interdisciplinary Approach // Tomsk State University Journal of Philology. 2023. No. 82. P. 321–338. (In Russ.). EDN: GAIMGF. DOI: 10.17223/19986645/82/15
6. Dorskaya, A. A., Dorsky, A. Yu. Ways to Address Crisis Phenomena in International Law: An Analysis of Historical Experience // MCU Journal OF Legal Sciences. 2024. No. 2 (54). P. 49–59. EDN: PVXDCK. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.05
7. Zabarin, A. V., Marchenko, G. V. Cognitive Safety: Modern Threats to Society and Their Neutralization // Administrative Consulting. 2024. No. 5. P. 197–207. EDN: UGUTBS. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-197-207
8. Zaytsev, O. V. Digital Law in the Russian Legal System // Lex russica. 2024. Vol. 77. No. 9. P. 116–126. (In Russ.). EDN: RNJDSK. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.116-126
9. Kashkin, S. Yu., Altukhov, A. V. The Role of Artificial Intelligence in the Formation of Platform Law and its Evolution towards the Concept of Ecosystem Law // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 1. P. 94–108. (In Russ.). EDN: AXWTSU. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.094-108
10. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. Measuring Political Trust in a Modern Democracy // Administrative consulting. 2021. No. 10. P. 22–34. (In Russ.) EDN: ATXPUA. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-10-22-34

11. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. Problems of Harmonization of European and Russian Legislation on Defamation // *Lex Russica*. 2019. No. 9 (154). P. 168–182. (In Russ.) EDN: WOPGCP. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.168-182
12. Kirilenko, V. P., Shamakhov, V. A., Alekseev, G. V. Freedom of Speech and Media Security. Saint Petersburg, 2019. (In Russ.) EDN: OODQGO
13. Melnik, G. S., Misonzhnikov, B. Ya. Post-truth and the Concept of “War” in Provocative Media Discourse // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18. No. 4. P. 164–172. (In Russ.) EDN: AQRWFS. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172
14. Pogorelsky, D. State Policy to Counter Ethnopolitical Extremism: Basic Principles and Directions of Implementation // *Political Science Issues*. 2024. Vol. 14. No. 8 (108). P. 2783–2792. (In Russ.) EDN: YQDEEA. DOI: 10.35775/PSI.2024.108.8.019
15. Pogorelsky, D. Securitization of Interethnic Relations in Russia (Based on Materials from Official Discourse) // *Perm University Herald. Political Science*. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 20–29.
16. Talimonchik, V. P. Global Digital Compact: Current State of Development and Prospects for Adoption // *Eurasian Law Journal*. 2023. No. 10 (185). P. 38–41. (In Russ.) EDN: OJPLVG
17. Shafir, T. V., Kulakova, D. V., Nikonov, S. B. The Historical Aspect of the Transformation of the International Union of Journalists // *Litera*. 2024. No. 3. P. 1–10. (In Russ.) EDN: HVLRUU. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.69893
18. Bagdikian, B. The Media Monopoly. 3rd ed. Boston : Beacon Press, 1990. 288 p.
19. Boshnakova, D., Dankova, D. The Media in Eastern Europe. In: Papathanassopoulos, S., Miconi, A. (eds) *The Media Systems in Europe*. Springer Studies in Media and Political Communication. Springer, Cham. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-32216-7_7
20. Horne, B. D., Rice, N. M., Luther, C. A. [et al.] Generational Effects of Culture and Digital Media in Former Soviet Republics // *Humanities and Social Sciences Communications* 2023. Vol. 10. P. 172. DOI: 10.1057/s41599-023-01670-6
21. Kaushik, D. Policy Responses to Fake News on Social Media Platforms: A Law and Economics Analysis // *Statute Law Review* 2024. Vol. 45. Iss. 1, hmae013. DOI:10.1093/slr/hmae013
22. Kluczevska, K. Post-Soviet Power Hierarchies in the Making: Postcolonialism in Tajikistan’s Relations with Russia // *Review of International Studies*. 2024. Vol. 50. Iss. 4. P. 777–797. DOI: 10.1017/S0260210524000287
23. Mast, T. Platform Law as EU Law // *GRUR International*. 2024. Vol. 73. Iss. 7. P. 607–616. DOI: 10.1093/grurint/ikae072
24. Nordenstreng, K. The Rise and Fall of the International Organization of Journalists Based in Prague 1946–2016: Useful Recollections, Part III. 2021. DOI: 10.2307/jj.8305911
25. Tuna, M. Anti-Muslim Fear Narrative and the Ban on Said Nursi’s Works as “Extremist Literature” in Russia // *Slavic Review*. 2020. Vol. 79. Iss. 1. P. 28–50. DOI:10.1017/slr.2020.8

About the authors:

George V. Alexeyev, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russia), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Olga N. Kharina, Master Program Student of North-West institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: okharina-19@edu.ranepa.ru

Космическое право на распутье коммерческой экспансии космического пространства

Галицкая Н. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия
e-mail: naykla@mail.ru

РЕФЕРАТ

Основным международным законом, регулирующим правоотношения в космосе, по-прежнему остается Договор 1967 г.¹, остальное законодательство о космосе имеет внутренний национальный или двусторонний характер. И несмотря на то, что Договор о космосе запрещает претензии на суверенитет или присвоение небесных тел, некоторые страны в отсутствии ясности в отношении того, кто может владеть космическими ресурсами, оставшийся правовой вакуум заполнили по своему усмотрению. **Цель и задачи.** Выявить пробелы международного законодательства о космосе. Провести анализ существующих международных договоров в области космического права и национальных законов стран. **Методология.** Применяются историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты.** Утверждается, что международные соглашения являются устаревшими правовыми актами времен холодной войны и не отражают современные политические и технологические реалии. Выявлено, что отсутствуют международные правовые акты, регулирующие деятельность неправительственных частных организаций по освоению космических ресурсов в коммерческих целях. Отмечается активное развитие национальных законов, а также увеличение темпов коммерциализации космического сектора. Внутренние космические законы, чтобы не противоречить запрету Договора о космосе, разрешают имущественные претензии только на ресурсы, которые могут быть извлечены из космических тел. В результате такого подхода приоритет международного права может оказаться под угрозой. Подвергается критическому осмыслению увеличивающаяся коммерческая направленность законов США, Люксембурга и Японии. Обнаружено отсутствие четкого национального законодательства в Китае, России, Индии, регулирующего космические операции, связанные с добычей ресурсов из небесных тел. Поднимается вопрос о загрязнении космического пространства на орбите, возмещении экологического ущерба, наносимого спутниками, справедливом распределении радиочастотных спектров и опасности вовлечения частных аэрокосмических компаний в военные конфликты. **Выводы.** Современные инициативы по управлению космосом больше ориентированы на двусторонние отношения, чем на международный консенсус. Предлагается разработать и ввести международными договорами обязательные ограничения и запреты на коммерческую эксплуатацию космоса.

Ключевые слова: международное право, космос, небесные тела, мирное использование, ресурсы, ответственность государств, ООН, США, Россия

Для цитирования: Галицкая Н. В. Космическое право на распутье коммерческой экспансии космического пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 130–140.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-130-140>. EDN: MTRLZB

¹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор о космосе). Принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года. Подписан в Лондоне, Москве и Вашингтоне 27 января 1967 года. Вступил в силу 10 октября 1967 года. Договор бессрочный [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 01.12.2024).

Space Law at the Crossroads of Commercial Expansion of Outer Space

Natalia V. Galitskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russia

e-mail: naykla@mail.ru

ABSTRACT

The main international law governing legal relations in outer space remains the 1967 Treaty, the rest of the space legislation is of an internal national or bilateral nature. And despite the fact that the Outer Space Treaty prohibits claims to sovereignty or appropriation of celestial bodies, the lack of clarity regarding who can own space resources, that is, the remaining legal vacuum, was filled by some countries at their own discretion. **Aim and tasks.** To identify gaps in international space legislation. To analyze existing international treaties in the field of space law and national laws of countries. **Methods.** The historical-legal, formal-legal and comparative-legal methods of research are applied. **Results.** It is argued that international agreements are outdated legal acts of the Cold War era and do not reflect modern political and technological realities. It was revealed that there are no international legal acts regulating the activities of non-governmental private organizations in the development of space resources for commercial purposes. Active development of national laws, as well as an increase in the pace of commercialization of the space sector are noted. Domestic space laws, in order not to contradict the prohibition of the Outer Space Treaty, allow property claims only for resources that can be extracted from celestial bodies. As a result of such an approach, the priority of international law may be under threat. The increasing commercial focus of the laws of the USA, Luxembourg and Japan is critically assessed. The absence of clear national legislation in China, Russia, India regulating space operations related to the extraction of resources from celestial bodies was revealed. The issue of space pollution in orbit, compensation for environmental damage caused by satellites, fair distribution of radio frequency spectrums and the danger of private aerospace companies being involved in military conflicts is raised. **Conclusions.** It is concluded that modern space governance initiatives are more focused on bilateral relations than on international consensus. It is proposed to develop and introduce mandatory restrictions and prohibitions on commercial exploitation of space by international treaties.

Keywords: international law, space, celestial bodies, peaceful use, resources, state responsibility, UN, USA, Russia

For citation: Galitskaya N. V. Space Law at the Crossroads of Commercial Expansion of Outer Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 130–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-130-140>. EDN: MTRLZB

Введение

Вопросы правового регулирования космоса начали возникать с момента первых полетов космических кораблей за пределы Земли. После десятилетий политической и правовой неопределенности международной организацией — Комитетом Организации Объединенных Наций по мирному использованию космического пространства были разработаны международные договоры, которые стали основой космического права. Формирование международного космического законодательства происходило скачкообразно, большая часть космических правоотношений осталась неурегулированной, что в дальнейшем стало причиной конфронтации международных и национальных правовых систем.

Материалы и методы

В проведенном исследовании с помощью историко-правового, формально-юридического и сравнительно-правового метода были изучены все существующие международные официальные документы о космосе. Анализ позволил выявить национальные особенности, с которыми сталкиваются не только космические державы, но и сотрудничающие с ними государства.

Обсуждение

В 1961 г. СССР осуществил первый полет в космос. Через шесть лет появился первый и самый главный международный документ о космосе. Им стал «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (Договор о космосе)¹, который подписали в 1967 г. СССР, США, Великобритания, причем в момент подписания только СССР и США были космическими странами.

В 1969 г. американцы высадились на Луну. Несмотря на то, что они разместили свой флаг, Луна не стала их территорией. Это связано с тем, что национализация небесных тел прямо противоречит ст. 2 Договора о космосе, в ней запрещена оккупация любых космических тел. Так как Луна считалась не пригодной для жизни, не имеющей ни воды, ни полезных минералов, американцы посчитали колонизацию Луны экономически не выгодной и даже убыточной, поэтому не стали нарушать принятые на себя обязательства.

В дальнейшем еще 110 стран стали государствами — участниками Договора о космосе. Правовой акт наметил главные ориентиры и базовые принципы освоения космоса: «...любая страна может свободно исследовать орбиту; никто не должен претендовать на суверенитет в космосе; ни одна нация не может “владеть” космосом, Луной или любым другим космическим телом; оружие массового уничтожения запрещено на орбите и за ее пределами, а Луна, планеты и другие небесные тела могут использоваться только в мирных целях; государства несут ответственность за свою космическую деятельность, ущерб, причиненный их космическими объектами, и должны избегать загрязнения космических и небесных тел»².

Ст. 2 Договора запрещает присвоение космических ресурсов. Договор о Космосе гласит, что страны не могут владеть каким-либо конкретным небесным телом, тем не менее если государство доставило своих роботов на небесное тело и забирало его части обратно на Землю, то оно по факту может владеть ими. Согласно традиционному международному космическому праву, субъектами космической деятельности являются государства и межправительственные международные организации. Коммерческое использование космического пространства привлекает частные организации к присоединению к космической деятельности, что приводит к диверсифицированной тенденции развития в области космической ресурсной деятельности. В этой связи одной из главных юридических задач, которые необходимо срочно решить, стал вопрос, являются ли неправительственные частные организации квалифицированными субъектами космической ресурсной деятельности. Неясно, как толковать принципы ст. 1, 6 и 9 Договора о космосе: как ограничение только государств, а не частных субъектов оккупировать космические ресурсы, или страны должны запретить частное владение Луной и другими небесными телами в соответствии с внутренним законодательством.

Договор о космосе содержит пробелы и расплывчатые выражения. Он не упоминает об ответственности государств за возможный экологический ущерб Земле, который может быть причинен в результате орбитальной деятельности. Уточним, что все космические аппараты имеют непродолжительный срок службы, по истечении которого происходит их затопление в нейтральных водах. Масштабы экологического ущерба от космической деятельности мало изучены. Ст. 7 Договора о космосе предусматривает

¹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор о космосе). Принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года. Подписан в Лондоне, Москве и Вашингтоне 27 января 1967 года. Вступил в силу 10 октября 1967 года. Договор бессрочный [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 01.12.2024).

² Там же.

ответственность стран за экологический ущерб от затопляемых ими спутников. Однако как рассчитывать ущерб, как его оценивать, кому пойдут уплаченные государством средства, в каком объеме и каким образом будет восстанавливаться нанесенный окружающей среде урон — международным законодательством не прописано. С. И. Захарцев и В. П. Сальников справедливо полагают, что экологические вопросы нуждаются в подробном правовом регулировании в рамках норм международного космического права [7, с. 78].

Наряду с загрязнением Земли [5, с. 102] человечество засоряет и космос. Так, на околоземной орбите начинают скапливаться технические отходы. Они годами перемещаются на разных скоростях, засоряют космическое пространство, повреждают, выводят из строя космические объекты гражданского назначения, их воздействие на космос пока не изучено. Подобные космические угрозы гражданским объектам, обеспечивающим навигацию и связь на земле, вызывают обеспокоенность ученых [10, с. 73]. Можно только сожалеть, что международным законодательством не наложены на страны обязательства по утилизации.

Многочисленные пробелы в тексте Договора о космосе способствовали попыткам стран решить вопросы национальной безопасности с помощью орбиты. Ежеминутно сотни спутников сканируют, снимают и собирают данные о том, что происходит на поверхности Земли. Аппараты оснащены мощной оптикой, они могут пролетать и наблюдать за территориями, не опасаясь быть сбитыми. В настоящее время не существует международной правовой базы, регулирующей дистанционное зондирование территории государства со спутников, находящихся на орбите. Американцы приняли закон, позволяющий запускать разведывательные спутники на территории третьих государств без получения от них разрешения¹. Договор о космосе предусматривает, что космическое пространство свободно для исследований и может использоваться всеми государствами, доступ свободен ко всем частям небесных тел. Договор предполагает, что страны не могут препятствовать дистанционному зондированию других государств до тех пор, пока это зондирование не нарушает международное право. Однако ни один другой документ не определяет вопросы дистанционного зондирования. В 1986 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла не имеющий обязательной силы документ «Принципы, относящиеся к дистанционному зондированию Земли из космоса»². В нем закреплено, что страны имеют суверенитет на свои ресурсы и богатства. Запрещается причинять ущерб правам и интересам стран, в которых проводится зондирование. Государства имеют право на получение доступа к любым исходным данным зондирования или информации, касающейся их территории. Неясно, как эти общие принципы применяются к дистанционному зондированию, проводимому частными операторами в коммерческих целях. В Договоре о космосе упоминается, что космическая деятельность, осуществляемая неправительственными организациями, должна разрешаться и контролироваться государством — участником Договора. Но в случае транснациональной корпорации несколько государств могут претендовать на юрисдикцию в отношении деятельности одной и той же частной компании, и эти государства, а также государства, территория которых зондируется, могут иметь противоречивые национальные космические законы. Кроме того, хотя отдельные государства должны разрешать частным компаниям проводить дистанционное зондирование, в международном праве не прописано, могут ли государства, которые воспринимают дистанционное зондирование своей территории как посягательство на суверенитет, ограничивать эту деятельность. В то же время в Договоре о космосе говорится, что государства не могут ограничивать космическую деятельность друг друга.

В 1967 г. было принято «Соглашение о спасении и помощи астронавтам, возвращении их и объектов, запущенных в космос». В нем требуется вернуть космонавтов и летательные аппараты в страну, из которой они были запущены³.

¹ Закон о спутниковой кибербезопасности США [Электронный ресурс] // S.1425 — Satellite Cybersecurity Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1425/text/is> (дата обращения: 07.12.2024).

² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. 41/65. Принципы, относящиеся к дистанционному зондированию Земли из космоса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/principles/remote-sensing-principles.html> (дата обращения: 07.12.2024).

³ Соглашение о спасении астронавтов, возвращении астронавтов и возвращении объектов, запущенных в космос. Принято резолюцией 2345 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1967 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-2345%28XXII%29> (дата обращения: 07.12.2024).

В 1972 г. появилась «Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами». Она узаконила положения, согласно которым «подписавшие стороны несут полную ответственность за любой ущерб, причиненный их космическими объектами, и соглашаются со стандартными процедурами рассмотрения претензий о возмещении ущерба»¹. Подписавшие ее страны вынуждены учитывать последствия разработки орбитального оружия и проведения испытаний. Ответственность будет нести страна, с территории которой было отправлено в космос летательное средство. Если отправка осуществлялась международной организацией или несколькими странами-партнерами, к солидарной ответственности привлекут всех участников запуска [9, с. 106]. По форме ответственности предусмотрен только штраф, сумма которого не закреплена международным законодательством. Срок подачи иска — год. Претензии подаются государством, физические и юридические лица могут обратиться с гражданским иском только в суд страны-нарушителя. Это связано с тем, что в международном космическом праве субъектами правоотношений не могут быть физические или юридические лица. В настоящее время страны несут ответственность и выступают участниками данных правоотношений. Даже выдавая коммерческим организациям лицензии на космическую деятельность, выступать ответчиками будут сами государства.

В 1976 г. «Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство» потребовала от стран создать национальный реестр всех космических аппаратов, запущенных в космос и уведомлять Генерального секретаря ООН о любых обновлениях². Реестр должен содержать все данные о запущенном космическом корабле, в частности, его предполагаемую траекторию, пункт назначения, дату и место предстоящего запуска, а также его регистрационный номер.

В 1979 г. Комитет по мирному использованию космического пространства инициировал подписание пятого (и в настоящее время последнего) международного космического договора. «Соглашение, регулирующее деятельность государств на Луне и других небесных телах»³ (Лунное соглашение) позволяет любому государству высаживать свои космические аппараты на Луну. Можно строить автоматизированные модули и станции, осуществлять любую мирную деятельность на поверхности Луны или под ней, если эта деятельность не мешает другим странам-участницам проводить свои собственные лунные миссии. В то же время соглашение по-прежнему запрещало присвоение лунных ресурсов и территорий, которые были объявлены общей собственностью всего человечества. «Соглашение, регулирующее деятельность государств на Луне и других небесных телах» закрепляет: «небесные тела могут использоваться только в мирных целях, не должны быть загрязнены, ООН должна всегда быть осведомлена о любой станции на неземном теле, если добыча ресурсов на Луне станет возможной, необходимо создать международный режим для управления»⁴. Ст. 11 требовала от стран-подписантов создания международного регулирующего органа, который будет контролировать процесс добычи ресурсов и их справедливого распределения. Отметим, что ни одна космическая держава — Соединенные Штаты, Китай, Россия, Индия, Япония, осуществляющие полеты в космос, не подписала Лунное соглашение.

Неурегулированным вышеперечисленными международными актами остался вопрос о статусе космических ресурсов. **Соединенные Штаты** стали первой страной, принявшей такой закон. Они предоставили своим частным аэрокосмическим компаниям право на добычу, использование на месте или транспортировку на Землю ресурсов, которые получится извлечь в космосе. В законе США «Об американской космической коммерции» прямо прописано, что обязательства, взятые на себя государством, не распространяются

¹ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. Принята резолюцией 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1971 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 07.12.2024).

² Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство. Принята резолюцией 3235 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 ноября 1974 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 01.12.2024).

³ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1979 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 01.12.2024).

⁴ Там же.

на негосударственные организации¹. Кометы и астероиды содержат большое количество высокодоходных минералов, присвоение которых окупит издержки по их разработке и транспортировке, поэтому американское руководство разрешает частному бизнесу считать своей собственностью, распоряжаться, продавать космические ресурсы. Согласно вышеупомянутому закону, подписанный страной Договор о космосе не влечет за собой обязательства по выполнению его указаний для негосударственных компаний. Иными словами, для агрессивной политики США космос не стал всеобщим. Несмотря на то, что такая позиция противоречит международным принципам всех космических соглашений, рассматривающих космос исключительно как общее наследие человечества, не подлежащее присвоению отдельными странами, США продолжают позиционировать себя как лидера в индустрии добычи космических ресурсов.

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства США (НАСА) начиная с 2019 г. реализует космическую программу, названную, согласно греческой мифологии, в честь сестры Аполлона «Артемиды». Программа стала продолжением миссии «Аполлон», доставившей космонавтов на Луну. Задача «Артемиды» — строительство базы на Луне для дальнейшего исследования, а ее конечная, амбициозная цель — доставить космонавтов на Марс. В отличие от программы «Аполлон», «Артемиды» регулируется «Артемидскими соглашениями»². Они основаны на двустороннем соглашении между США, с одной стороны, и ее партнерами — с другой. Соглашение уже подписали 48 стран. Отметим, что Россия не входит в их число. По сути, соглашение стало способом управления деятельностью в космосе одной страны за пределами глобальной программы Организации Объединенных Наций по мирному использованию космического пространства.

Соглашение о Луне полностью противоречит «Артемидским соглашениям», поэтому они проводятся на двусторонней основе. Конгресс США в 2011 г. принял поправку Вольфа, запрещающую Китаю или китайским компаниям сотрудничать с НАСА³.

Несмотря на то, что международные соглашения о Луне и «Артемидские соглашения» отличаются, в обоих документах указано, что они придерживаются Договора о космосе. Несколько стран, подписавших «Артемидские соглашения», в том числе США, приняли национальные законы, которые позволяют компаниям участвовать в использовании космических ресурсов для коммерческих целей⁴. В двусторонних «Артемидских соглашениях» США уточняется, что они заключаются в рамках Договора о космосе, однако этот договор очень расплывчат. И поэтому, если все страны пойдут по этому пути, то в мире будут сотни совершенно разных правовых режимов и все они будут полностью противоречить друг другу.

Другой проблемой, порожденной США, стала милитаризация космоса. Отметим, что цифровые технологии бизнеса шагнули далеко вперед [2, с. 624] и в США 13 частных компаний уже имеют лицензии на космическую деятельность. Вне всякого сомнения, большим риском является передача такой опасной деятельности в руки частных предприятий, часть из которых могут оказаться безответственными. Де-факто компании США рассматривают использование космоса как область военных действий, что означает вступление в военные конфликты. Так, во время военного конфликта России с Украиной частные компании предпринимателя Илона Маска SpaceX и Starlink предоставляли свои технические возможности (Интернет, терминалы, навигацию), позволившие атаковать цели в России, военным силам Украины. Теперь компания SpaceX стремится продавать такие виды военных услуг в рамках своего проекта Starshield. Следовательно, огромную опасность представляет не только ядерное оружие в космосе, но и частный бизнес, который через космос влияет на военную ситуацию в наземных войнах. Очень важно остановить использование космоса в военных целях путем установления дополнительных правовых ограничений и запретов.

¹ H.R.2809 — American Space Commerce Free Enterprise Act. [Электронный ресурс] // Сайт Конгресса США. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2809> (дата обращения: 07.12.2024).

² Артемидские соглашения [Электронный ресурс] // НАСА. Официальный сайт. URL: <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Конгресс США. Public Law 112–10, 2011 г. Поправка № 1340 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-112publ10/html/PLAW-112publ10.htm> (дата обращения: 01.12.2024).

⁴ H.R.2262 — U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. [Электронный ресурс] // Сайт Конгресса США. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262> (дата обращения: 07.12.2024).

Второй страной в мире и первой в Европе, которая наделила сама себя правом на приобретение и распоряжение ресурсами вселенной, стало герцогство **Люксембург**. В 2017 г. его парламент принял закон, ст. 1 которого начинается так: «Космические ресурсы могут быть собственностью»¹. Остальными статьями зафиксированы права и обязанности по получению лицензии от местного министерства экономики и космического агентства на владение космической собственностью. Также закреплены цели создания национального космического агентства, ими стали не научные исследования космоса, а коммерческая прибыль. На официальном сайте космического агентства страны прописан ее подход к международному законодательству: «Договор о космосе запрещает любой стране претендовать на суверенитет над космическими телами. Великое Герцогство, например, не может поставить флаг на планету или астероид и объявить его как флаг Люксембурга. Но договор не распространяется на ресурсы, содержащиеся в небесных телах»². Далее делается уточнение: «подход соответствует международному праву и, в частности, Договору о космосе»³. Думается, дальнейшие комментарии излишни. Стоит только отметить, что пока не будет прописано международными договорами детальное раскрытие статуса космических ресурсов, каждое государство, в зависимости от степени своей алчности, будет трактовать пробелы Договора о космосе в свою пользу.

Индия позиционирует себя в качестве прогрессивной космической державы, в 2023 г. она стала четвертой страной в мире после Соединенных Штатов, России и Китая, которая успешно приземлила лунный модуль на Луну, и первой азиатской страной, с первой попытки достигшей орбиты Марса. В 2023 г. страна одобрила разработанную правительством «Космическую политику», которая открывает частному бизнесу возможность участия в освоении космоса⁴. Индия переходит от подхода, основанного на морали и принципах, к подходу, который формируется прагматизмом и соображениями национальной безопасности в качестве основных мотиваций освоения космоса.

В **Японии** существуют два основных закона, связанных с космической добычей полезных ископаемых: «Основной закон о космическом пространстве»⁵ и Закон «О запуске космических аппаратов и контроле космических аппаратов»⁶. Первый документ расписывает правоотношения между государством и компаниями в сфере освоения космоса. Отметим, что органы власти по мере сил пытаются развивать космический бизнес и оказывают ему всестороннюю поддержку. Второй нормативный акт установил правовую основу для «обеспечения точного и бесперебойного выполнения соглашений, касающихся разработки и использования космического пространства»⁷. Закон «О запуске космических аппаратов и контроле космических аппаратов» также установил, что любое лицо, которое намерено запускать в открытый космос космический аппарат, зарегистрированный в Японии, должно получить лицензию у премьер-министра. Система лицензирования играет ключевую роль в Законе «О содействии предпринимательской деятельности по исследованию и разработке космических ресурсов», принятом в 2021 г. японским сеймом, поскольку лицензия является главным требованием, позволяющим лицензиату приобрести право собственности на космические ресурсы⁸.

В ноябре 2022 г. первая лицензия была предоставлена компании Ispace, inc. для миссии по высадке на Луну⁹. Бизнес-план включал добычу ресурсов, а затем передачу права собственности НАСА (у двух сто-

¹ Закон Люксембурга «Об исследовании и использовании космических ресурсов». 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://space-agency.public.lu/en/agency/legal-framework/law_space_resources_english_translation.html (дата обращения: 07.12.2024).

² Ответы на основные вопросы о деятельности агентства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Люксембургского космического агентства. URL: <https://space-agency.public.lu/en/space-resources/faq.html> (дата обращения: 07.12.2024).

³ Там же.

⁴ Космическая политика Индии. 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.isro.gov.in/media_isro/pdf/IndianSpacePolicy2023.pdf (дата обращения: 09.12.2024).

⁵ Закон Японии № 43 от 28.05.2008 «Основной закон о космическом пространстве» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4194> (дата обращения: 09.12.2024).

⁶ Закон Японии № 76 от 16.11.2016 «О запуске космических аппаратов и контроле космических аппаратов» [Электронный ресурс]. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4329/en#je_ch3at1 (дата обращения: 09.12.2024).

⁷ Там же.

⁸ Закон Японии № 83 от 23.12.2021 «О содействии предпринимательской деятельности по исследованию и разработке космических ресурсов» [Электронный ресурс]. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4332/en#je_at4%3E (дата обращения: 09.12.2024).

⁹ Первая лицензия на исследование и разработку космических ресурсов [Электронный ресурс] // Сайт японской ассоциации космического права. URL: <https://japan-space-law-association.org/en/786/> (дата обращения: 09.12.2024).

рон был контракт на приобретение лунного реголита). Первая миссия Ispace была неудачной, поэтому положения японских (и американских) космических законов о владении ресурсами остались не реализованными. В 2024 г. Япония вслед за Индией осуществила посадку модуля на Луну.

Целесообразно обратить внимание на то, что, помимо четырех государств (США, ОАЭ, Люксембург, Япония), которые приняли национальные законы о космических ресурсах, несколько стран выразили решительное неодобрение подобным внутренним законам и политике.

Россия выступает против принятия национальных законов о космической добыче полезных ископаемых, поскольку она считает ООН способной решать космические вопросы. Несмотря на то, что в России вопросы безопасности являются приоритетными [6, с. 107], страна нацелена на полную интеграцию с мировым сообществом по космическим вопросам. Со стороны России полностью отсутствует международно-правовой нигилизм. Позиция государства подтверждается основным законом. В Конституции России подчеркивается приоритет международного права над национальным правом. Не только международными договорами, ратифицированными Россией, но и внутренним законодательством тщательно прописана ответственность государства перед международным сообществом, бизнеса перед государством [4, с. 23]. Закон «О космической деятельности» гласит: «...ответственность за вред, причиненный космическим объектом России при осуществлении космической деятельности на территории России или за ее пределами, за исключением космоса, возникает независимо от вины причинителя такого вреда»¹. В настоящее время западные страны ведут активную санкционную войну против всей космической отрасли нашего государства. Уже был отключен немецкий телескоп, выведенный в открытый космос российским спутником, заморожены поставки импортной и покупка нашей техники, совместные англо-российские и американо-российские проекты остановлены. Россию постепенно оттесняют от лидерства в космосе [3, с. 615].

Китай — одна из мировых космических держав, он так же, как и Россия, не одобряет принятие национальных правовых актов стран о космической добыче, поэтому не имеет своих космических законов. Напомним, что американским законом запрещено присоединять Китай к «Артемидским соглашениям». КНР, в противовес подобной дискриминации, в 2021 г. разработала с Россией соглашение о создании собственного исследовательского центра в космосе — Международной космической исследовательской станции, в 2024 г. соглашение было ратифицировано². И, как и в «Артемидских соглашениях», Россия и Китай предусматривают возможность присоединения к договору других стран. Данное соглашение уже подписали 12 государств.

Китай также выпустил несколько официальных документов, 5-летних планов и политических документов, которые демонстрируют его амбиции в космосе, представленные как исключительно научные цели. Примечательно, что несмотря на экономические интересы и потенциальные выгоды [12, с. 206] Китай продолжает подтверждать свою приверженность Договору о космосе и поддерживает позицию, что деятельность по освоению космических ресурсов должна осуществляться в соответствии с принципом свободы исследований и использования для всех.

Результаты

Космическое право стало непреложной частью жизни современных государств. Оно уже включено в своды законодательства не только космических держав, но и сотрудничающих с ними государств. Космическое право включает в себя элементы не только публичного, но и частного права. Это связано с тем, что существуют компании, которые уже работают в космосе, имеют спутники на низкой околоземной орбите, занимаются организацией космического туризма. Поэтому возникают нуждающиеся в разработке вопросы интеллектуальной собственности, страхования ответственности, правового статуса

¹ Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/136323/> (дата обращения: 07.12.2024).

² Федеральный закон от 12.06.2024 № 128-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Российской Федерации, 17 июня 2024 г. № 25 ст. 3392. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406120003> (дата обращения: 12.07.2024).

космических туристов и т. д. Все аспекты космической деятельности необходимо разрабатывать мировому сообществу сообща, посредством международных организаций. Очевидно, что достичь договоренность со странами, имеющими противоположные взгляды на право в космосе, будет не просто.

Следует отметить, что не только политические и правовые системы стран находятся в оппозиции. Споры происходят и в науке. Ученые поделились на два лагеря. Одни специалисты выступают за право владения ресурсами космического пространства. Они последовательно отстаивают мнение, что право собственности на ресурсы космоса возможно, и международное сообщество уже создает правовой обычай, поэтому следует разработать правовую систему прав собственности на космическое пространство, чтобы обеспечить благоприятную правовую среду для их развития [8, с. 5]. Другие приветствуют идею отказа от колонизации, призывая не превращать космос в «дикий запад» и установить международный режим всеобщего пользования, определяя космические ресурсы всемирным наследием, а не частной собственностью [1, с. 36]. Г. Г. Шинкарецкая так пишет об особом статусе космоса: «...космос не ничейная земля, это пространство подчиняется соединенной юрисдикции всех государств, подписавших договор о космосе» [11, с. 72]. В полной мере соглашаясь с такими выводами, следует уточнить, что правовое регулирование космоса зачастую касается не только права собственности, но и безопасности. Поэтому не только более справедливой, но и приоритетной для мирового сообщества должна быть именно вторая позиция. В то же время остановить начавшуюся экспансию космоса одними призывами к соблюдению принципов международных договоров не представляется возможным, поэтому прорабатывать статус космического пространства все равно придется.

Заключение

В заключение отметим, что все пять основных договоров по космическому праву были подписаны и приняты в разгар холодной войны, когда в космосе было только два основных субъекта: Соединенные Штаты и Советский Союз. Расплывчатость и неоднозначность важных положений обеспечивала интересы обоих государств. Однако сегодня космическая промышленность вышла далеко за пределы военной конкуренции и превратилась в многонациональную коммерческую среду. Увеличивается неравенство возможностей стран в доступе к космическим ресурсам. Остаются неурегулированными вопросы ответственности, определения расчета ущерба на земле и в космосе, прав собственности, прав на использование небесных тел, прав на развитие, международное сотрудничество и распределение выгод, связанных с ресурсами космического пространства, правовой статус субъектов космической деятельности, защита космической интеллектуальной собственности, космические коммерческие транспортные услуги. Правовой статус частных компаний тоже не раскрывается нормами международного космического права. Что говорит о том, что оно нуждается в серьезном обновлении, уходе от декларативности. Принцип Договора о космосе, согласно которому страны не могут самостоятельно распределять космические ресурсы, означает и то, что они не могут оказывать поддержку компаниям, находящимся под их юрисдикцией, в совершении действий, нарушающих это обязательство. Любой акт исключительного владения нарушает Договор о космосе.

Социальная справедливость и экономическая устойчивость не могут быть достигнуты, пока действия, которые предпринимают Соединенные Штаты и Люксембург, предоставляющие права собственности на ресурсы космического пространства частным лицам и частным предприятиям через внутреннее законодательство, не будут отменены и запрещены. Ни один из договоров не устанавливает четких рамок для добычи космических ресурсов. Напротив, Соглашение о Луне предполагает создание международного режима эксплуатации ресурсов. На практике, однако, Лунное соглашение оказалось относительно незамеченным, поскольку только 18 стран подписали его, и ни одна из них не является крупной космической державой. Учитывая противоречия, следует разработать и вывести на новый качественный рубеж развития правовой режим, который урегулирует коммерческую космическую добычу и сделает возможным, чтобы доходы от космической добычи полезных ископаемых шли не в частные руки коммерческих компаний и отдельных стран, а инвестировались на благо будущих поколений. Становится

совсем очевидно, что международное законодательство должно иметь приоритет над национальными законами. Только так можно гарантировать свободу использования космоса всем человечеством.

Список литературы

1. *Абашидзе А. Х.* Актуальные вопросы освоения ресурсов небесных тел: международно-правовые основы и национально-правовые подходы // *Право и космос в эпоху глобальных социальных и экономических изменений* / под общей ред. В. В. Блажеева, О. А. Ястребова, Г. П. Толстопятенко; Российский университет дружбы народов. М. : Проспект, 2021. С. 26–36. EDN: XCNSUY
2. *Баринов В. А.* Цифровизация: внедрение передовых технологий в бизнес // *Экономика будущего: тренды, вызовы и возможности* : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Казань, 23–24 мая 2023 г. / под ред. А. В. Гумерова, М. Ф. Сафаргалиева. Казань : АРТТЕХ, 2023. С. 624–628. EDN: KAUSPJ
3. *Баринов В. А.* Новые вызовы и перспективы обеспечения экономической безопасности в таможенных правоотношениях // *Горизонты науки* : сборник научных статей по материалам докладов и сообщений VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Смоленск, 26 апреля 2023 г. Вып. 7. Смоленск : Смоленский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 2023. С. 614–617. EDN: NSTVXI
4. *Братановский С. Н.* Отдельные аспекты административной ответственности в сфере безопасности бизнеса в России // *Безопасность бизнеса*. 2016. № 1. С. 20–25. EDN: VOIOLV
5. *Галицкая Н. В.* Административно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности жизнедеятельности граждан в России // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2017. № 3 (30). С. 101–107. EDN: ZSIRER
6. *Галицкая Н. В.* Понятие и сущность административно-правового обеспечения безопасности в Российской Федерации // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2014. № 2 (97). С. 107–111. EDN: SNTOXH
7. *Захарцев С. И., Сальников В. П.* Размышления о космическом праве // *Вестник Института права Башкирского государственного университета*. 2022. № 1 (13). С. 69–78. EDN: CDWUHJ. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2022.13.10
8. *Попова С. М.* Регулирование добычи космических ресурсов: создание международного правового обычая // *Право и политика*. 2022. № 12. С. 1–28. EDN: WBYQFT. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.12.39421
9. *Холиков И. В., Гранина Е. Д.* Ответственность в международном космическом праве // *Право в Вооруженных Силах* — Военно-правовое обозрение. 2023. № 6 (311). С. 102–107. EDN: KPDIEU
10. *Холиков И. В., Плакса В. Н.* Применение норм международного гуманитарного права в космическом пространстве // *Право в Вооруженных Силах* — Военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 69–75. EDN: TCEVGF
11. *Шинкарецкая Г. Г.* Международное космическое право и юридические лица // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2020. Т. 15. № 1. С. 59–80. EDN: XMHLMZ. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-shinkaretskaya
12. *Galitskaya N. V., Semenova A. V., Tikhonov K. A.* Economic and Food Security in the USA and China // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: International Scientific and Practical Conference “State and Law in the Context of Modern Challenges” (SLCMC 2021)*. Saratov, 17.06.2021 / ed. by S. Afanasyev, A. Blinov, S. Belousov. Vol. 122. European Publisher, 2022. P. 202–207. EDN: MYEAFI. DOI: 10.15405/epsbs.2022.01.33

Об авторе:

Галицкая Наталья Владимировна, доцент Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: naykla@mail.ru

References

1. Abashidze, A. Kh. Current Issues of Development of Celestial Bodies' Resources: International Legal Framework and National Legal Approaches // Law and Space in the Era of Global Social and Economic Changes / ed. by V. V. Blazheev, O. A. Yastrebov, G. P. Tolstopiatenko; Peoples' Friendship University of Russia. Moscow : Prospect Limited Liability Company, 2021. P. 26–36. (In Russ.) EDN: XCNSUY
2. Barinov, V. A. Digitalization: Implementation of Advanced Technologies in Business // Economy of the Future: Trends, Challenges and Opportunities: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Kazan, May 23–24, 2023 / ed. by A. V. Gumerov, M. F. Safargaliev. Kazan : ARTITECH Limited Liability Company, 2023. P. 624–628. (In Russ.) EDN: KAUSPJ
3. Barinov, V. A. New Challenges and Prospects for Ensuring Economic Security in Customs Legal Relations // Horizons of Science: Collection of scientific articles based on the materials of reports and messages of the VII All-Russian scientific and practical conference with international participation, Smolensk, April 26, 2023. Smolensk : Smolensk branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Plekhanov Russian University of Economics", 2023. P. 614–617. (In Russ.) EDN: NSTVXI
4. Bratanovsky, S. N. Certain Aspects of Administrative Responsibility in the Field of Business Security in Russia // Business Security. 2016. No. 1. P. 20–25. (In Russ.) EDN: VOIOLV
5. Galitskaya, N. V. Administrative and Legal Aspects of Ensuring Environmental Safety of Citizens' Life in Russia // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2017. No. 3 (30). P. 101–107. (In Russ.) EDN: ZSIRER.
6. Galitskaya, N. V. Concept and Essence of Administrative and Legal Support of Security in the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. No. 2 (97). P. 107–111. (In Russ.) EDN: SNTOXH
7. Zakhartsev, S. I., Salnikov, V. P. Reflections on Space Law // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2022. No. 1 (13). P. 69–78. (In Russ.) EDN: CDWUHI. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2022.13.10
8. Popova, S. M. Regulation of Space Resource Extraction: Creation of International Legal Custom // Law and Politics. 2022. No. 12. P. 1–28. (In Russ.) EDN: WBYQFT. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.12.39421
9. Kholikov, I. V., Granina, E. D. Responsibility in International Space Law // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. 2023. No. 6 (311). P. 102–107. (In Russ.) EDN: KPDIEU
10. Kholikov, I. V., Plaksa, V. N. Application of International Humanitarian Law in Outer Space // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. 2020. No. 6 (275). P. 69–75. (In Russ.) EDN: TCEVGF
11. Shinkaretskaya, G. G. International Space Law and Legal Entities // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 59–80. (In Russ.) EDN: XMHLMZ. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-shinkaretskaya
12. Galitskaya, N. V., Semenova, A. V., Tikhonov, K. A. Economic and Food Security in the USA and China // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences: International Scientific and Practical Conference "State and Law in the Context of Modern Challenges" (SLCMC2021), Saratov, 06.17.2021/ed. by S. Afanasyev, A. Blinov, S. Belousov. Vol. 122. European Publisher, 2022. P. 202–207. EDN: MYEAFI. DOI: 10.15405/epsbs.2022.01.33

About the author:

Natalia V. Galitskaya, Associate Professor of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russia), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: naykla@mail.ru

Поворот России на Восток: перспективы сотрудничества со странами Большой Евразии

Николаенко А. В.^{1,*}, Куркина Е. Н.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-4759-0015

² Фонд поддержки деловых коммуникаций БРИКС Плюс, Санкт-Петербург, Россия

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение перспектив азиатского вектора внешней политики России в контексте реализации политики «Поворота на Восток». **Цель и задачи.** Исследовать текущее состояние сотрудничества России со странами Азии в рамках реализуемой политики «Поворот на Восток» и выявить его дальнейшие перспективы. В качестве основного объекта авторы выбрали Азиатско-Тихоокеанский регион, поскольку сегодня он представляется важным стратегическим направлением РФ. Выявить основные тенденции взаимодействия России с дружественными странами Азиатского региона, динамику экономического сотрудничества России с ведущими государствами, являющимися основными партнерами страны в сложных геополитических условиях. **Методология.** При написании статьи авторами были использованы общенаучные методы. В первую очередь анализ и синтез; системный и сравнительный анализ; историографические методы: принцип историзма, хронологический метод. Для анализа торгового оборота России со странами Азии использован статистический и сравнительный метод. Для исследования причин поворота внешней политики РФ на Восток применен принцип историзма и метод хронологии. **Результаты и выводы.** Проанализировав различные аспекты «восточной» политики, было выявлено ее влияние на успешное складывание отношений России со странами АТР (в том числе главным стратегическим партнером — Китаем). Более того, реализуемая политика положительно влияет на российско-азиатское инвестиционное сотрудничество в области развития Дальневосточного региона, а также вносит значительный вклад в формирование новой глобальной системы многополярности. Россия и Китай усиливают сотрудничество в сфере торговли, в научных и военных технологиях, в области культуры, энергетики, здравоохранения и другие. Усиление взаимодействия с дружественными азиатскими странами способствует диверсификации связей России в условиях турбулентности.

Ключевые слова: Россия, Китай, БРИКС, ШОС, Большая Евразия, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Николаенко А. В., Куркина Е. Н. Поворот России на Восток: перспективы сотрудничества со странами Большой Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 141–149.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-141-149>. EDN: MUWWAI

Russia's Turn to the East: Prospects for Cooperation with Greater Eurasian Countries

Anastasia V. Nikolaenko^{a,*}, Evgeniia N. Kurkina^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nord-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russia

e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-4759-0015

^b IMBRICS Plus Business Communications Foundation, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

Aim and tasks. The study is aimed at studying the prospects of the Asian vector of Russia's foreign policy in the context of the implementation of the "Turn to the East" policy. The purpose of the article is to study the current state of Russia's cooperation with Asian countries within the framework of the implemented "Turn to the East" policy and to identify its future prospects. The authors chose the Asia-Pacific region as the main object, since today it seems to be an important strategic direction of the Russian Federation. To identify the main trends in Russia's interaction with Asian countries, the dynamics of Russia's economic cooperation with leading states that are the country's main partners in difficult geopolitical conditions. **Methods.** When writing the article, the authors used general scientific methods. First of all, analysis and synthesis; system and comparative analysis; historiographic methods: the principle of historicism, the chronological method. To analyze Russia's trade turnover with Asian countries, the statistical and comparative methods were used. To study the reasons for the turn of Russia's foreign policy to the East, the principle of historicism and the chronological method were used.

Results and conclusions. Having analyzed various aspects of the "Eastern" policy, its influence on the successful development of relations between Russia and the Asia-Pacific countries (including its main strategic partner, China) was revealed. Moreover, the implemented policy has a positive effect on Russian-Asian investment cooperation in the development of the Far Eastern region, and also makes a significant contribution to the formation of a new global multipolar system. Russia and China are strengthening cooperation in trade, scientific and military technologies, culture, energy, healthcare, and others. Strengthening interaction with friendly Asian countries helps diversify Russia's ties in the face of turbulence.

Keywords: Russia, China, BRICS, SCO, Greater Eurasia, Asia-Pacific region

For citation: Nikolaenko A. V., Kurkina E. N. Russia's Turn to the East: Prospects for Cooperation with Greater Eurasian Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 141–149. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-141-149>. EDN: MUWWAI

Введение

События последнего десятилетия продемонстрировали нашей стране необходимость диверсификации международного сотрудничества и, в последующем, смещение ракурса, преимущественно ориентированного на углубление партнерства с Западом, на развитие сотрудничества с другими государствами — на Востоке. В статье проводится анализ одного из приоритетных направлений РФ, включающего в себя переориентацию России на усиление и наращивание сотрудничества с дружественными странами Азии. Авторы оценивают проводимую «восточную» политику положительно: свидетельством успешных результатов выступает динамично расширяющееся присутствие России в Азиатском регионе, в том числе рекордные показатели по развитию партнерства России и Китая. Более того, в Азиатском регионе Россия налаживает не только двусторонние диалоги, но и многостороннее партнерство (в рамках членства в структурах ШОС, БРИКС, ЕАЭС и др.). В статье рассматриваются текущее состояние и перспективы последующего углубления диалога Россия — Азия для нашей страны.

Материалы и методы

В период событий, начавшихся с 2014 г., Россия столкнулась с рядом вызовов и трудностей, которые и сегодня остаются значимыми и актуальными. Этот сложный и турбулентный период сопровождается различными видами давления на нашу страну — политическим (дипломатические конфликты, попытки международной изоляции РФ), экономическим (санкции и различные ограничения), информационным (провокационные кампании мировых СМИ). Среди прочего, с 2022 г. Россия занимает первое место в мире по количеству введенных против нее санкций¹. По данным глобальной базы по отслеживанию санкционных ограничений, к февралю 2024 г. против России было введено практически 18 тыс. санкций². Вопросами поворота внешней политики России на Восток занимались следующие авторы: А. В. Торкунов, Я. В. Лексютина, Д. В. Стрельцов, Цао Юйминь. Особое внимание экономической составляющей смены внешнеполитического курса уделялось М. И. Кротовым, А. Д. Дикаревым.

Результаты

Значение Азиатского региона для современной России

Текущая напряженность между Россией и Западом во главе с США побуждает РФ разрабатывать эффективные меры и стратегии, направленные на противодействие усилиям западных стран по изоляции РФ на международной арене, а также смягчению экономических последствий санкций. Данная риторика, в свою очередь, была отражена в принятой в 2016 г. Концепции внешней политики РФ, где отмечается значительное сокращение возможностей доминирования исторического Запада и смещение мирового потенциала силы в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР)³. В принятой же и ныне действующей Концепции внешней политики РФ от 2023 г. уже очевидно прослеживается особый акцент на приоритете наращивания и углубления отношений со странами АТР⁴.

Стоит отметить, что идея о смещении вектора России с Запада в пользу стран Азии и в целом АТР — не нова. В 1990-х гг. Е. М. Примаков настоятельно отмечал необходимость для России первоочередного налаживания дружественных отношений со странами Восточной Азии и Ближнего Востока. Это стало бы, по мнению Е. М. Примакова, благоприятным фактором для складывания многополярной системы и снижении доминантной роли США на мировой арене [6, с. 45].

Тем не менее современная концепция «Поворот России на Восток» является важнейшим стратегическим шагом по ряду следующих причин.

1. Переориентация на Восток позволит диверсифицировать и смягчить некоторую зависимость России от европейских рынков (некогда обеспечивающих примерно половину внешней торговли России и три четверти прямых иностранных инвестиций, поступающих в страну).
2. Стратегическое сближение России со странами Азии создает геополитический противовес западному миру во главе с США.
3. Наращивание отношений со странами Азии и АТР стимулирует развитие территорий Дальнего Востока как необходимого компонента в данном диалоге⁵.

Помимо вышеизложенных факторов, на успешное и динамичное складывание российско-азиатских отношений также оказывают влияние: географическое расположение (Россия является «мостом» между Европой и Азией, что делает ее ключевым игроком в региональной политике), экономический потенциал

¹ Россия стала лидером по количеству введенных против нее санкций [Электронный ресурс] // Forbes [официальный сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-liderom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij> (дата обращения: 04.04.2024).

² Russia Sanctions Dashboard [Электронный ресурс] // Castellum. AL [официальный сайт]. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 04.04.2024).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (от 30.11.2016) [Электронный ресурс] // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (от 31.03.2023) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел [официальный сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 05.12.2024).

⁵ Поворот России на Восток [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб Валдай [официальный сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-perechen-prichin/> (дата обращения: 05.12.2024).

России и Азии; общие интересы и геополитические вызовы. Более того, «Свою роль [в сближении России и Азии в рамках поворота на Восток] сыграло и то обстоятельство, что основные азиатские партнеры России (Китай, Индия, РК, страны ЮВА) отказались участвовать в антироссийских санкциях, а участие в них Японии носило номинальный характер, не нанося большого ущерба российской экономике» [9, с. 8].

Также, по мнению М. И. Кротова, партнерство России — ЕС играет негативную роль, в отличие от партнерства России со странами Востока. Главным образом, это обусловлено следующими факторами: 1) в условиях сотрудничества РФ со странами Востока Россия имеет конкретные преимущества (производство газа, нефти, зерна); 2) углубляющееся сотрудничество России с восточными партнерами является противовесом не только для доминирующей роли западного мира во главе с США, но и также в значительной степени в целом снижает роль доллара и евро в международных валютных операциях (например, ШОС активно применяет и расширяет практику международных расчетов внутри организаций по средствам национальных валют¹ и др.).

Более того, как отмечают А. Торкунов и Д. Стрельцов, «приоритет восточного измерения неслучаен, учитывая несомненный экономический подъем Азии в последние два десятилетия» [8]. Обладая значительными экономическими ресурсами и потенциалом, сотрудничество России со странами региона АТР имеет благоприятные прогнозы. Ниже представлена таблица, составленная авторами по данным Центрального банка России, с показателями экспорта и импорта России с основными партнерами региона.

Таблица

Торговые показатели России со странами Азиатского региона (2018–2022 гг.), тыс. долл. США²
Table. Russia's Trade Indicators with Asian Countries (2018–2022), US\$ thousands

Страна	2018		2019		2020		2021		2022	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Китай	3144,6	3737,8	4053,5	3968,7	2655,3	3768,2	2865,1	3526,2	2931,7	3845,9
Индия	594,9	407,5	925,1	433,2	789,1	224,3	842,1	183,2	957,8	201,8
Япония	567,8	438,1	603,3	618,7	430,7	352,1	396,8	411,9	401,5	415,1
Р. Корея	783,6	987,2	952,4	1179,1	527,5	783,5	575,2	833,9	578,8	852,1
Индонезия	25,03	12,2	106,6	60,6	36,6	28,3	30,4	5,78	32,7	6,85
Малайзия	57,2	27,2	89,4	19,2	64,9	42,1	50,5	42,7	51,8	42,7
Филиппины	16,8	2,2	26,1	3,13	15,7	2,1	15,7	7,2	16,8	8,1
Страны БРИКС	3767,5	3202,2	5020,6	4489,1	3486,3	4124,5	3742,5	3811,6	3842,7	3951,6

Исходя из данных таблицы, можно отметить ежегодное увеличение торговых показателей со всеми указанными странами-партнерами в указанный период (за исключением 2020 г.). Особенно прогрессирующими партнерами в сотрудничестве с Россией выступают Индонезия (экспорт: с 16,9 тыс. долл. США в 2017 г. и до 106,6 тыс. долл. США в 2019 г.), Республика Корея (экспорт: с 605,6 тыс. долл. США в 2017 г. и до 952,4 тыс. долл. США в 2019 г.) и страны БРИКС.

Более того, особое внимание по вышеприведенным показателям привлекает Китай — главный стратегический партнер России в регионе АТР. Из данных таблицы видно, что он занимает лидирующие позиции как в экспорте, так и в импорте нашей страны (составляя положительное сальдо торгового баланса). Ввиду этого следует затронуть аспекты российско-китайского сотрудничества более подробно.

¹ В ШОС призвали страны увеличивать долю национальных валют во взаиморасчетах [Электронный ресурс] // ТАСС [официальный сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16215089> (дата обращения: 11.04.2024).

² Составлено по: Внешняя торговля России по основным странам-партнерам [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации [официальный сайт]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 07.04.2024).

Российско-китайское сотрудничество на современном этапе

Период конца XX — начала XXI вв. характеризуется активным развитием и расцветом российско-китайских отношений. Углубление отношений с Китаем — приоритет современной российской внешней политики¹. Более того, сотрудничество РФ — КНР, определенное сегодня как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху»², достигает исторического максимума и рекордных результатов³.

Прежде всего, это выражается в тесных политических связях между государствами, которые, среди прочего, сопровождаются регулярными встречами на высшем уровне (с 2013 г. лидеры РФ и КНР встречались более сорока раз⁴), а также общими целями и стратегическими интересами в Латинской Америке, Арктике, Восточной и Центральной Азии и др. Более того, «и Москва, и Пекин рассматривают возглавляемый США Запад как главную угрозу своим политическим режимам» [10, с. 73], что, безусловно, оказывает благоприятное влияние на наращивание и укрепление отношений КНР — РФ ввиду объединения и консолидации перед общей геополитической «опасностью».

Более того, Россия и Китай являются важными стратегическими партнерами, что, в частности, выражается в активном наращивании и углублении экономического сотрудничества. Так, например, в 2023 г. был установлен рекордный показатель по товарообороту между странами, который достиг 240 млрд долл. США⁵ (вместо планируемой отметки в 200 млрд долл. США). Стоит отметить также и то, что РФ и КНР в рамках своего сотрудничества активно применяют расчет в национальных валютах и вскоре будут готовы и вовсе избавиться от расчетов, производимых в валютах третьих стран, в пользу национальных (рубля и юаня).

В рамках сотрудничества РФ — КНР страны также уделяют значимое внимание инвестиционному диалогу. Так, в 2014 г. была создана Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству, в портфеле которой на данный момент находятся 80 проектов на общую сумму 200 млрд долл. США⁶.

Столь успешное партнерство обусловлено, прежде всего, взаимовыгодным характером сотрудничества. Для России, оказавшейся в затрудненном положении ввиду событий 2014–2022 гг. и введенных антироссийских санкций со стороны мирового сообщества, отношения с Китаем сегодня являются наиболее важными и приоритетными. Являясь крупнейшим мировым поставщиком энергетических и природных ресурсов, для России Китай представляется успешной альтернативой для замены ушедших с российского рынка европейских потребителей. Более того, ввиду наличия широко развитого рынка и промышленности Китай поставляет России товары, некогда поставляющиеся ЕС, тем самым содействуя в товарозамещении и устранении последствий санкций. «В 2023 г. Китай практически закрыл базовые потребности России в товарах ширпотреба» [2], это также касается китайских автомобилей и смартфонов, высокая доля которых приходится именно на российский рынок.

Однако в китайской экономике Россия все еще не занимает основные позиции (7-е место в списке китайских партнеров за 2023 г.⁷). Так, например, даже в такой области, как энергоресурсы, Россия продолжительное время занимала второе место в китайском импорте (после Саудовской Аравии),

¹ О российско-китайских отношениях стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticheskoe-dos-e/dvustoronnie-otnoshenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategicheskoe-partnerstvo-s-kitaem/ (дата обращения: 12.04.2024).

² Там же.

³ Лавров: отношения РФ и Китая находятся на наилучшем уровне за всю историю [Электронный ресурс] // Российская газета [официальный сайт]. URL: <https://rg.ru/2024/02/14/lavrov-otnosheniia-rf-i-kitaia-nahodiatsia-na-nailuchshem-urovne-za-vsiu-istoriiu.html> (дата обращения: 12.04.2024).

⁴ Неформальные переговоры Путина и Си Цзиньпина [Электронный ресурс] // РИА Новости [официальный сайт]. URL: <https://ria.ru/20230320/peregovory-1859307000.html> (дата обращения: 14.04.2024).

⁵ Товарооборот Китая и России вырос на 9,3% [Электронный ресурс] // Ведомости [официальный сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/03/07/1024161-tovarooborot-kitaya-i-rossii> (дата обращения: 14.04.2024).

⁶ Межправительственная Российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации [официальный сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d16/mezhpravitelstvennaya_rossiysko_kitayskaya_komissiya_po_investicionnomu_sotrudnichestvu/ (дата обращения: 15.05.2024).

⁷ Россия поднялась на седьмое место в списке торговых партнеров КНР [Электронный ресурс] // Ведомости [официальный сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/23/976351-rossiya-podnyalas-na-sedmoie-mesto> (дата обращения: 15.04.2024).

обогнав ее по показателям в 2023 г. (а ранее — в 2017-м)¹. Принято считать, что и Россия, и Китай «должны продолжать расширять сферы торгово-экономического сотрудничества и повышать уровень взаимодействия и обменов путем развития инфраструктурного строительства, углубления сельскохозяйственного сотрудничества и продовольственной безопасности, укрепления гуманитарных обменов, чтобы внести вклад в развитие китайско-российских отношений» [6].

Одной из причин буксирующего развития сотрудничества выступает сложившаяся геополитическая обстановка: ЕС и США были и остаются важными китайскими партнерами, и, в свою очередь, усиленное сближение с Россией может вызвать последствия в виде ухудшения отношений, посему Китай в данной ситуации вынужден маневрировать и находить баланс между сторонами. «Поддержка Китаем РФ в нынешнем противостоянии с Украиной жестко ограничена такими рамками, которые должны исключить возможность ухудшения отношений и практического сотрудничества Китая с Соединенными Штатами и Европой» [2].

Тем не менее на данном этапе Китай для России представляется важной стратегической целью, сотрудничество с которым необходимо ей в рамках сложившихся геополитических обстоятельств. Для Китая Россия, являясь не только надежным поставщиком приоритетных ресурсов для его развития, также представляется не менее важным стратегическим партнером, объединение с которым, в том числе, создает противовесную силу в отношениях с Западом и США.

Обсуждение

Перспективы сотрудничества РФ со странами региона АТР

В рамках реализуемой политики «Поворот на Восток» Россия, помимо региона Ближнего Востока и др., делает большие ставки на сотрудничество со странами Азии — регионом, совершившим за последние два десятилетия значительный шаг в социальном, экономическом и политическом развитии. Более того, успешные результаты объединения региона АТР мировому сообществу демонстрируют и региональные организации. «Среди наиболее успешно зарекомендовавших себя институтов сотрудничества Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, Банк развития БРИКС, а также Банк развития ШОС» [9, с. 11].

Так, например, организация БРИКС, куда входят в том числе Россия, Китай и Индия, в 2023 г. обогнали страны G7 («Большая семерка») по уровню совокупного ВВП². Более того, с присоединением новых стран-членов с 1 января 2024 г. (ОАЭ, Иран, Египет, Эфиопия) ожидается, что ВВП БРИКС не только будет продолжать превышать уровень ВВП стран Большой семерки, но и к 2040 г. доля БРИКС в мировом ВВП достигнет 45% (что будет вдвое превышать удельный вес G7)³.

«РФ стала участницей многих ключевых азиатских многосторонних институтов экономической и политической интеграции, прежде всего ШОС и БРИКС. В 2012 г. во Владивостоке состоялся форум АТЭС, на котором Россия впервые смогла в полной мере позиционировать себя как азиатско-тихоокеанская держава» [8].

Одним из ключевых аспектов России в рамках реализации политики «Поворот на Восток» выступает Дальневосточный регион (ДВ), «подъем которого — национальный приоритет на весь XXI век»⁴. Углубление и наращивание отношений с азиатскими партнерами в большой степени стимулирует развитие данных территорий, поскольку регион ДВ, по сути, является «мостом» между Россией и Азией, без которого дальнейшее укрепление сотрудничества будет по меньшей мере крайне затрудненным.

¹ Россия обогнала Саудовскую Аравию по поставкам нефти в Китай [Электронный ресурс] // Газета. ru [офиц. сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/01/22/22163533.shtml> (дата обращения: 15.04.2024).

² БРИКС в 2023 году обогнали «Большую семерку» по доле в мировой экономике [Электронный ресурс] // РИА новости [офиц. сайт]. URL: <https://ria.ru/20240129/briks-1924217546.html> (дата обращения: 17.04.2024).

³ Bloomberg сообщило о росте доли БРИКС в мировом ВВП [Электронный ресурс] // Известия [офиц. сайт]. URL: <https://iz.ru/1601905/2023-11-08/ekonomist-prokomentiroval-prognoz-o-roste-doli-briks-v-mirovom-vvp> (дата обращения: 15.05.2024).

⁴ Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.gov.ru/docs/> (дата обращения: 18.04.2024).

Обладая богатейшими природными и энергетическими ресурсами (90% запасов природного газа и 70% запасов нефти и угля), Дальний Восток представляется одним из наиболее перспективных регионов России для развития (привлечение инвестиций, поддержка проектов, налаживание транспортной инфраструктуры и торговых коммуникаций). Следует отметить, что налаживание связей между РФ и дружественными странами проходит в разных областях, но наиболее важными остаются технологическая и сельскохозяйственная сферы. В период с 2014 по 2023 гг. Россия и Китай углубили практическое сотрудничество в области политического доверия, дипломатических консультаций, торговли, противоэпидемического сотрудничества, военной безопасности, научно-технических инноваций и др. [3].

Так, во Владивостоке ежегодно проводится мероприятие ВЭФ (Восточный экономический форум), главная цель которого — повышение инвестиционного интереса к региону ДВ со стороны азиатских партнеров¹. Данную стратегию можно оценить весьма положительно: по данным Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, одними из крупнейших иностранных инвесторов в регион ДВ являются Китай (лидирует в доле вкладываемых прямых инвестиций), Япония, Республика Корея, Индия и др. Таким образом, политика «Поворота на Восток» в данном аспекте представляется крайне перспективной и выгодной для нашей страны.

Среди прочего, Россия, держа вектор развития на восточном (азиатском) направлении, по мнению Л. Слуцкого и М. Кротова, становится частью новой формирующейся глобальной реальности — перехода от модели доминирования Запада и США к многополярности, где центрами мирового сообщества также становятся новые развивающиеся лидеры — Россия, Китай, Индия, Бразилия. ШОС и БРИКС, в которых Россия принимает активное участие, авторы называют новыми глобальными структурами [Там же, с. 44].

Заключение

Идея «Поворота России на Восток» представляется сегодня одним из необходимых и приоритетных направлений внешней политики РФ. Прежде всего, сближение России со странами АТР (в особой степени с Китаем, отношения с которым сегодня находятся на наивысшем уровне) влияет на геополитическую расстановку сил на мировой арене, создавая тем самым противовес Западу во главе с США (что особенно выгодно для нашей страны в текущих обстоятельствах). Более того, для России, с 2022 г. занимающей первое место в мире по количеству введенных против нее санкций, «Поворот на Восток» выступает успешной стратегией в рамках ослабления и преодоления последствий антироссийских санкций. Значительное влияние данная политика оказывает и на успешное развитие Дальневосточного региона — приоритетного направления России для развития в XXI в. В заключение, авторы положительно оценивают переориентацию России на Восток, поскольку данная политика и, как следствие, — динамично развивающееся сотрудничество с азиатскими партнерами, является одним из наиболее перспективных и выгодных аспектов для нашей страны (особенно в условиях событий последнего десятилетия).

Список литературы

1. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: Достижения, проблемы, перспективы : монография / под ред. А. В. Торкунова [и др.]. М. : Аспект Пресс, 2022. 256 с. ISBN: 978-5-7567-1171-4. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/217361> (дата обращения: 15.04.2024). EDN: AEPWYM
2. Дикарев А. Д. Российско-китайские отношения в 2023 году / МГИМО университет [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/russia-china2023/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 14.04.2024).
3. Инь Сымэн. Российско-китайские двусторонние отношения на фоне перехода от стратегии «Поворот на Восток» к концепции «Большая Евразия» // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5. С. 32–37. EDN: VKFEUD. DOI: 10.24158/per.2023.5.4

¹ Восточный экономический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://forumvostok.ru/> (дата обращения: 18.04.2024).

4. Кротов М. И., Слуцкий Л. Э. Россия и Китай — евразийские лидеры новой глобальной реальности // The Eurasian. Т. 38. № 9. 2020. С. 40–49.
5. Линь Лэй. Развитие Дальнего Востока России: национальная программа в условиях стратегии «Поворот на Восток» // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24. С. 15–21. DOI: 10.22394/1682-2358-2024-1-15-21
6. Линь Лэй. Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество на фоне стратегии «Поворот на Восток» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 194–200. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200. EDN: FSISYM
7. Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России : монография / отв. ред. И. А. Макаров. М. : Международные отношения, 2016. 448 с. ISBN: 978-5-7133-1531-3. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/142870> (дата обращения: 15.04.2024).
8. Примаков Е. М. Мысли вслух. М. : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. 223 с.
9. Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02
10. Цао Юйминь, Чжан Дали. Аспекты внешнеполитических отношений между Россией и Китаем // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 3А. С. 70–76. DOI: 10.34670/AR.2021.98.57.007
11. Шарафутдинов Д. Р., Хакк Ш. А. Развитие Дальнего Востока России для реализации новой стратегии «Поворот на Восток» // Международные отношения и общество. 2021. Т. 3. № 3. С. 34–41. EDN: OOEZYZ

Об авторах:

Николаенко Анастасия Валентиновна, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия), кандидат политических наук;
e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-4759-0015

Куркина Евгения Николаевна, заместитель руководителя отдела международных отношений Фонда поддержки деловых коммуникаций БРИКС Плюс (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: evgeniyakurkina9@mail.ru

References

1. “The Asian Turn” in Russian Foreign Policy: Achievements, Problems, Prospects : monograph / ed. by A. V. Torkunov [et al.]. Moscow : Aspect Press, 2022. 256 p. ISBN: 978-5-7567-1171-4. [Electronic resource]. URL: <https://e.lanbook.com/book/217361> (accessed: 15.04.2024). (In Russ.) EDN: AEPWYM
2. Dikarev, A. D. Russian-Chinese Relations in 2023 / MGIMO University [Electronic resource]. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/russia-china2023/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed: 14.04.2024). (In Russ.)
3. Yin, Simeng. Sino-Russian Bilateral Relations amid the Transition from the “Pivot to the East” Strategy to the “Greater Eurasia” Concept // Society: Politics, Economics, Law. 2023. No. 5. P. 32–37. (In Russ.) EDN: VKFEUD. DOI: 10.24158/pep.2023.5.4
4. Krotov, M. I., Slutsky, L. E. Russia and China — Eurasian Leaders of the New Global Reality // The Eurasian. Vol. 38. No. 9. 2020. P. 40–49.
5. Lin, Lei. Development of the Russian Far East: National Program in the Context of the “Turn to the East” Strategy // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2024. Vol. 24. P. 15–21. DOI: 10.22394/1682-2358-2024-1-15-21

6. Lin, Lei. Chinese-Russian Trade and Economic Cooperation against the Background of the “Turn to the East” Strategy // State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2024. No. 1. P. 194–200. DOI: org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200. EDN: FSISYM
7. Turn to the East: Development of Siberia and the Far East in the Context of Strengthening Asian Vector of Russia’s Foreign Policy: monograph / ed. by I. A. Makarov. Moscow : International Relations, 2016. 448 p. ISBN: 978-5-7133-1531-3. [Electronic resource]. URL: <https://e.lanbook.com/book/142870> (accessed: 15.04.2024).
8. Primakov, E. M. Thoughts Out Loud. Moscow : Tsentrpoligraf, 2016. 223 p.
9. Torkunov, A. V., Streltsov, D. V., Koldunova, E. V. Russia’s Turn to the East: Achievements, Problems, and Prospects // Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02
10. Cao, Yumin, Zhang, Dali. Aspects of Foreign Policy Relations between Russia and China // Theories and Problems of Political Research. 2021. Vol. 10. No. 3A. P. 70–76. DOI: 10.34670/AR.2021.98.57.007
11. Sharafutdinov, D. R., Haqq, S. A. Development of the Russian Far East for the Implementation of the New Strategy “Turn to the East” // International Relations and Society. 2021. Vol. 3. No. 3. P. 34–41. EDN: OOEZYZ

About the authors:

Anastasia V. Nikolaenko, Associate Professor of Department of International Relations, Nord-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russia), PhD in Political Sciences;
e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-4759-0015

Evgeniia N. Kurkina, Deputy Head of the International Relations Department of the IMBRICS Plus Business Communications Foundation (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: evgeniyakurkina9@mail.ru

Динамика развития политических и экономических отношений Турции и Индии в рамках Большого евразийского пространства

Колесникова М. А.

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e-mail: kolmaral-1710@mail.ru

ORCID: 0009-0006-6441-5389

РЕФЕРАТ

Цель. Определить характерные черты системы взаимоотношений Турции и Индии на современном этапе. **Методология.** Методологическую основу данного исследования составили общенаучные методы (сравнительный анализ, структурно-логические методы), а также системный и неореалистический подходы. **Результаты.** Дан краткий обзор первых контактов Турции и Индии с крушением биполярной системы. Определены роль и значимость экономического фактора в двусторонних отношениях Анкары и Нью-Дели. Проанализированы особенности торгово-экономического сотрудничества. Выделены аспекты политических разногласий между двумя столицами. Отмечены сюжеты культурно-гуманитарных контактов. Представлена общая характеристика турецко-индийских связей и степени их влияния на региональную и глобальную архитектуру международных отношений.

Выводы. Несмотря на принятие Турцией политической программы «Азия заново», предполагающей интенсификацию отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Индия не вошла в орбиту турецких приоритетных партнеров. По-прежнему значимым остается пакистанский фактор в отношениях между Анкарой и Нью-Дели, что порождает встречные недружественные шаги индийской стороны и, как следствие, приумножение взаимных претензий. Вместе с тем соображения экономической выгоды и стремления бизнес-кругов обеих стран к наращиванию потенциала взаимного сотрудничества диктуют необходимость преодоления существующих сложностей в целях построения динамичных торгово-экономических связей. Историческая основа контактов, помноженная на развивающийся культурно-гуманитарный диалог, также благоприятствуют развитию двусторонних отношений в созидательном ключе. Стремительные изменения на мировой арене, происходящие преимущественно на евразийском материке, подталкивают восходящие государства, такие как Турция и Индия, развивать поливариантный сценарий своей внешней политики и укреплять отношения с самыми разными игроками, руководствуясь принципом прагматизма.

Ключевые слова: Турция, Индия, Эрдоган, Кашмир, АТР, мировая политика

Для цитирования: Колесникова М. А. Динамика развития политических и экономических отношений Турции и Индии в рамках Большого евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 150–158.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-150-158>. EDN: DBOYZS

Dynamics of the Development of Political and Economic Relations between Turkey and India within the Framework of the Great Eurasian Space

Maria A. Kolesnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: kolmaral-1710@mail.ru

ORCID: 0009-0006-6441-5389

ABSTRACT

Aim. To identify the characteristic features of the system of relations between Turkey and India at the present stage. **Methods.** The methodological basis of this research consists of general scientific methods (comparative analysis, structural and logical methods), as well as systemic and neorealist approaches. **Results.** A brief overview of the first contacts between Turkey and India after the crash of bipolar system is given. The role and importance of the economic factor in the bilateral relations between Ankara and New Delhi are determined. The features of trade and economic cooperation are analyzed. Aspects of the political differences between the two capitals are highlighted. The key points of cultural and humanitarian contacts are marked. The general characteristics of Turkish-Indian relations and the degree of their influence on the regional and global architecture of international relations are presented. **Conclusions.** Despite Turkey's adoption of the "Asia anew" political program, which involves the intensification of relations with the countries of the Asia-Pacific region, India has not entered the orbit of Turkish priority partners. The Pakistani factor remains significant in relations between Ankara and New Delhi, which generates counter-unfriendly steps by the Indian side towards Turkey and, as a result, an increase in mutual claims. At the same time, considerations of economic benefit and the aspirations of the business circles of both countries to increase the potential of mutual cooperation dictate the need to overcome existing difficulties in order to build dynamic trade and economic ties. The historical basis of contacts, multiplied by the developing cultural and humanitarian dialogue, also favor the development of bilateral relations in a positive way. The rapid changes on the world stage, taking place mainly on the Eurasian continent, are pushing emerging states such as Turkey and India to develop a multivariate scenario for their foreign policy and strengthen relations with a wide variety of players, guided by the principle of pragmatism.

Keywords: Turkey, India, Erdogan, Kashmir, Asia-Pacific region, world politics

For citation: Kolesnikova M. A. Dynamics of the Development of Political and Economic Relations between Turkey and India within the Framework of the Great Eurasian Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 150–158. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-150-158>. EDN: DBOYZS

Введение

В 2019 г. министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу объявил о запуске государственной политической инициативы «Азия заново», предполагающей интенсификацию турецкого присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе как регионе будущего, олицетворяющего эпоху перемен и глубинных геополитических, экономических и технологических трансформаций. Тем не менее такое обращение к азиатской теме, несмотря на обширность границ региона и амбициозность постулируемых планов, по заявлению большинства специалистов, в меньшей степени относится к странам Южной Азии, где Турция «по-прежнему ведет себя так, как будто она находится в неформальном союзе с Пакистаном» [7]. Действительно, определенный крен в пользу отношений с Исламабадом наблюдается, что порой негативно сказывается на характере взаимоотношений с другими странами. В то же время Анкара стремится к упрочению контактов и с другими государствами Южной Азии, среди которых значимую позицию занимает Индия.

При всех различиях между турецким президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом и индийским премьер-министром Нарендрой Модии представляется возможным выделить несколько общих черт двух лидеров, что создает определенный фундамент в их двусторонних отношениях. Они оба непростые западные союзники, пытающиеся добиться определенной стратегической автономии в политических делах своей страны. В числе национальных приоритетов на текущем этапе они, помимо прочего, выделяют стремление к диверсификации внешних партнеров, что побуждает их искать новые каналы возможностей наряду с устоявшейся системой связей. Наконец, в контексте значимости отношений с Россией руководствуются принципом проведения осторожной линии в украинском кризисе.

Недаром некоторые турецкие парламентарии называют эти две страны «естественными союзниками»¹. И Турция, и Индия — светские демократии со средним уровнем дохода, динамично растущим населением, имеющие глубокие исторические связи и амбициозные экономические цели.

Материалы и методы

Методологическую основу данной работы составили общенаучные методы (сравнительный анализ, структурно-логические методы). Кроме того, автор использует дескриптивный подход, фокусируясь на описательном исследовании. В качестве идейного «камертона» избрана неореалистическая парадигма, базирующаяся на примате национальных интересов, прагматизма и рационализма действующих игроков международных отношений. Используется также системный подход, в рамках которого сотрудничество Турецкой Республики (ТР) и Республики Индия (РИ) рассматривается как система разнонаправленных контактов, отличающихся конфликтным потенциалом в политической сфере и преимущественно созидательным началом в экономической области.

Что касается степени разработанности темы, стоит признать, что проблематика турецко-индийских отношений в XXI в. все еще ожидает своих исследователей и остается недостаточно изученной. В основном имеющиеся наработки фокусируются на более широких аспектах (отношения Турции со странами АТР и Южной Азии), либо, наоборот, посвящены отдельным узловым проблемам контактов Анкары и Нью-Дели. Среди отечественных авторов следует выделить А. А. Кузнецова [2], С. Г. Мелконяна [3], Ю. Б. Щегловину [4]. Более пристальное внимание данной теме уделяют зарубежные политологи, среди которых необходимо отметить М. Ахмад Хана [5], М. Алама [6], О. Аслана [7], С. Джолакоглу [8].

Результаты

Настоящее исследование не претендует на всеобъемлющее раскрытие полного спектра сюжетов турецко-индийских отношений на современном этапе и служит «отправной точкой» для продолжения изучения данной темы. Можно утверждать, что в статье автор предпринял первую попытку в отечественной научной литературе комплексного осмысления контактов Турции и Индии и наметил ключевые аспекты, которые определяют облик этих контактов в 2020-е гг.

Акцентируется роль экономического фактора как драйвера турецко-индийского взаимодействия. Отмечено, что географическое положение Турции на стыке нескольких регионов воспринимается Индией как перспективное с точки зрения возможного использования турецкого рынка как промежуточной опорной площадки для выхода на рынки третьих стран. В свою очередь, динамично развивающаяся экономика РИ, диктующая необходимость инициирования новых инфраструктурных и логистических проектов, привлекает турецких подрядчиков, желающих принять участие в многообещающих деловых инициативах. Подчеркивается дисбаланс в турецко-индийских торгово-экономических контактах, который, впрочем, наиболее вероятно еще многие годы будет сохраняться.

Выделены аспекты политических разногласий между странами. Наиболее значимыми из них остается кашмирский вопрос, по которому Турция демонстрирует солидарность с Пакистаном, а также сохраняющееся военное сотрудничество Анкары с Исламабадом, воспринимаемое в РИ как прямая угроза национальной безопасности. В числе прочих — меры Индии по поддержке турецких антагонистов в регионе Восточного Средиземноморья (Кипр, Греция, Израиль) и Южного Кавказа (Армения).

Отмечено развитие культурного и гуманитарного сотрудничества. Хотя оно носит не такой интенсивный характер, продолжает развиваться в конструктивном ключе и демонстрирует положительные результаты в первую очередь в области образовательных контактов.

В завершении исследования постулируется, что, несмотря на комплекс имеющихся противоречий, нынешние турецкие и индийские правящие элиты, действуя в фарватере политики неореализма, в сред-

¹ Turkey, India are 'natural' allies: AKP deputy [Электронный ресурс] // Hürriyet Daily News. 19.07.2019. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-india-are-natural-allies-akp-deputy-145273> (дата обращения: 17.12.2024).

несрочной перспективе продолжат руководствоваться принципом прагматизма и в целях получения большей выгоды будут акцентировать внимание преимущественно на вопросах плодотворного сотрудничества, нежели имеющихся разногласиях.

Обсуждение

Первые шаги к активизации турецко-индийских контактов в XXI в.

На фоне кризиса биполярной системы и адаптации странами своих внешнеполитических стратегий к меняющимся мирополитическим условиям стали постепенно активизироваться контакты между Анкарой и Нью-Дели, ранее развивавшиеся весьма ограниченно по причине принадлежности к разным идеологическим блокам (Турция — член НАТО, Индия — участник Движения неприсоединения). Еще в конце 1980-х гг. состоялись перекрестные официальные визиты премьер-министра Турции Т. Озала в индийскую столицу и его визави Р. Ганди в турецкую. Стороны договорились учредить при посольствах аппараты военных атташе. В течение последующих нескольких лет были заключены соглашения об избежании двойного налогообложения в туризме (1995), поощрении и защите двусторонних инвестиций, предотвращении незаконного оборота наркотиков (1998) и меморандум о взаимопонимании между Советом научных и промышленных исследований и Турецким научно-технологическим исследовательским институтом [8]. Хотя по-прежнему оставались разногласия, тормозящие двусторонний диалог (в первую очередь, пакистанский фактор), турецко-индийские отношения стали постепенно улучшаться.

С приходом к власти в Турции поныне правящей Партии справедливости и развития (ПСР) утвердились ориентиры на многовекторность, прагматизм, диверсификацию (в первую очередь внешнеэкономических) партнеров, привлечение иностранных инвестиций и расширение географии реализации проектов. В этом смысле Индия, яркий пример растущей экономики, могла предложить Турции значительные выгоды. Это побудило правительство ПСР стремиться к углублению экономического сотрудничества с Индией, хотя и не без некоторого ущерба дружественным отношениям с Пакистаном. Ежегодно стали планомерно возрастать показатели турецко-индийской торговли, которая до сих пор остается главным драйвером двусторонних отношений.

Экономические контакты Турции и Индии

Основными институциональными механизмами поддержания экономического диалога являются заседания Совместной индийско-турецкой комиссии по экономическому и техническому сотрудничеству, совместных комитетов в области сельского хозяйства и туризма. Ранее функционировала Турецко-индийская торгово-промышленная палата, представительства которой располагались в таких крупных городах, как Бангалор, Ченнаи, Нью-Дели, Хайдарабад, Калькутта и Мумбаи [6, р. 101]. Однако поскольку данная организация связана с турецкой бизнес-ассоциацией TUSKON, аффилированной, в свою очередь, со структурами Ф. Гюлена (обвинен Р. Т. Эрдоганом в причастности к попытке государственного переворота в 2016 г.), то ее публичная деятельность была прекращена. Новым шагом к укреплению двустороннего взаимодействия стало подписание меморандума о взаимопонимании между Азиатско-Тихоокеанским центром арбитража и посредничества (основатель — Индия) и Арбитражным центром Союза палат и товарных бирж Турции. Сотрудничество этих центров, согласно официальному заявлению, «направлено на облегчение трансграничной торговли путем предложения эффективных механизмов разрешения споров, обеспечивающих более плавные и безопасные транзакции между двумя странами»¹. Ожидается, что такое партнерство будет способствовать укреплению деловых отношений, поощрению дальнейших инвестиций и созданию совместных предприятий. Кроме того, данная инициатива призвана внести свой вклад в развитие правового сотрудничества, позволяя обмениваться передовыми практиками в области юридического делопроизводства.

¹ Indulia B. India and Turkey Collaborate to Enhance Global Trade through ADR Initiatives [Электронный ресурс] // SCC Online Times. 14.06.2024. URL: <https://www.scconline.com/blog/post/2024/06/14/india-and-turkey-collaborate-to-enhance-global-trade-through-adr-initiatives/> (дата обращения: 17.12.2024).

В 2024 г. объем товарооборота между Турцией и Индией составил около 7,5 млрд долл.¹, что в шесть раз выше показателей турецкой торговли с Пакистаном. При этом традиционно наблюдается дисбаланс в пользу РИ: более 80% приходится на индийские поставки. Основные статьи индийского экспорта в ТР включают нефтепродукты, искусственные нити, штапельные волокна, автомобильные запчасти и аксессуаров, органические и неорганические химикаты, электронные товары, лекарства. В свою очередь, Турция экспортирует в РИ сырую нефть, соль, штукатурные материалы, семена мака, машины и механическое оборудование, изделия из железа и стали, неорганические химикаты, жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни и металлы (в том числе имитацию ювелирных изделий), мрамор².

Согласно официальной статистике, Турция занимает 44-е место по притоку прямых иностранных инвестиций в Индию с совокупным объемом около 228 млн долл. за последние двадцать лет³. Показатели индийских компаний за аналогичный период на порядок скромнее: 126 млн долл., по оценкам Центрального банка Турции.

Индийских предпринимателей привлекает перспектива использовать Турцию в качестве плацдарма для выхода на рынки Европейского союза, Центральной Азии и Черноморского региона, а также для развития проектов на Ближнем Востоке. Турецким подрядчикам, в свою очередь, открывается возможность принять участие в инфраструктурных и логистических инициативах Индии, а также воспользоваться производственными мощностями страны, создав там производственную базу.

В настоящее время общая сумма контрактов турецких подрядчиков в Индии составляет около 430 млн долл., при этом приоритетными сферами являются строительство, медицина, текстиль, туризм и производство автомобильных компонентов. Среди крупных турецких компаний, работающих в Индии, можно отметить Koç Holding, Arcelik A.S., Doğuş Holding Doğuş Construction, Limak Holding, Fernas, Sarar, Çelebi Holding, Orhan Holding, Hidromas и др. В числе наиболее репрезентативных проектов, осуществляемых турецкими фирмами: строительство метро в г. Лакхнау, метро в г. Мумбаи, железнодорожного туннеля в штате Джамму и Кашмир. Широко распространена практика создания совместных турецко-индийских предприятий на территории РИ.

Индийские компании присутствуют преимущественно в автомобильном, фармацевтическом и IT-секторах Турции. В их числе Tractors and Farm Equipment Limited (TAFE), Mahindra, Sonalika, Tata Motors, Jindal, Indo-Rama, Birla Cellulose, Polyplex, GMR Infrastructure, Merrill Lynch, Punj Lloyd, Reliance Industries, Thermax, Wipro, Dabur, Jain Irrigation и др.

Некоторые аналитики [8] называют перспективным направлением сферу высоких технологий и космических исследований. Турция неоднократно проявляла интерес к индийской инициативе создания «умных городов», надеясь привлечь к данным проектам турецкие фирмы, зарекомендовавшие себя в строительном и инфраструктурном секторе. Кроме того, положительным прецедентом стал запуск Индийской организацией космических исследований в космос первого турецкого наноспутника ITUpSAT1 на ракете PSLV C-14.

В числе же проблемных областей для сотрудничества следует выделить военно-техническую. Хотя Индия входит в пятерку крупнейших мировых импортеров оружия и, следовательно, представляет большой интерес для Турции, которая стремится войти в число лидеров-экспортеров на глобальном рынке ВПК, взаимное сближение в данной сфере тормозится политическими препятствиями. В 2023 г. Индия расторгла прибыльное соглашение с турецкой верфью Anadolu, которая входит в консорциум TAIS. Сделка на 2 млрд долл. предусматривала строительство пяти кораблей для ВМС Индии на индийской верфи Hindustan Shipyard при технологической и инженерной поддержке Anadolu. Вместо этого РИ решила строить суда на месте без участия Турции. Нью-Дели заявил, что расторжение контракта отражает тенденции текущей политики правительства по увеличению мощностей национального судостроения.

¹ Diş Ticaret [Электронный ресурс] // İstatistik Veri Portalı. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=dis-ticaret-104&dil=1> (дата обращения: 16.12.2024).

² Swathi Satish. India-Turkey Relations [Электронный ресурс] // Clear IAS. 05.10.2023. URL: <https://www.clearias.com/india-turkey-relations/> (дата обращения: 17.12.2024).

³ India Turkey Trade [Электронный ресурс] // India Brand Equity Foundation. 2024. URL: <https://www.ibef.org/indian-exports/india-turkey-trade> (дата обращения: 17.12.2024).

ния, но основной причиной, как полагают некоторые эксперты¹, является ранее озвученная настороженная позиция Индии по поводу связей Турции с Пакистаном. Ответным шагом ТР стало введение в 2024 г. моратория на экспорт оружия и оборонной продукции в Индию.

Еще одна точка столкновения интересов двух столиц — конкурирующие экономические проекты транспортных коридоров. Турция издавна претендует на роль «хаба» в мировой торговле, сопрягая и аккумулируя на своей территории международные проекты поставок энергоресурсов, грузов и прочего, желая закрепить за собой статус связующего звена Европы и Азии. Предложенный же Индией и активно обсуждаемый со второй половины 2023 г. проект коридора Индия — Ближний Восток — Европа, который должен пролегать в обход Турции и предоставляющий преференциальные права некоторым ее противникам (в частности, Греции), вызывает протест Анкары и только содействует накалу градуса напряженности в двусторонних отношениях².

Политические противоречия в турецко-индийских отношениях

В политической плоскости между Турцией и Индией еще больше разногласий, главным из которых остается кашмирский вопрос. Анкара поддерживает Пакистан в его споре с Индией касательно статуса Кашмира, полагая, что судьба данной территории не может считаться «внутренним делом» Нью-Дели. Ситуация достигла апогея в 2019 г., когда Индия спорным, по мнению Анкары, образом отменила частичную автономию своего штата Джамму и Кашмир. С тех пор Р. Т. Эрдоган стал одним из самых ярких критиков Нью-Дели, уступая только Пакистану. Он неоднократно поднимал вопрос о Кашмире в ООН, вызывая жесткую реакцию со стороны РИ. Определенная тенденция на отход от «интернационализации» кашмирского сюжета была задана Р. Т. Эрдоганом в 2023 г. во время его выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Тогда турецкий президент произнес: «Еще одним событием, которое придаст импульс региональному миру, стабильности и процветанию в Южной Азии, станет установление справедливого и прочного мира в Кашмире посредством диалога и сотрудничества между Индией и Пакистаном» [1]. В 2024 г. лидер Турции и вовсе не упомянул о Кашмире в своей речи «на полях» ООН, что было положительно воспринято индийскими обозревателями.

И все же, несмотря на некоторые изменения в турецком политическом дискурсе, по мнению индийских изданий³, Турция продолжает оставаться центром антииндийской деятельности: трудоустройство кашмирских журналистов, предоставление преференциальных условий для переезда в крупные турецкие города кашмирской молодежи, оформление стипендий и образовательных грантов, финансирование неправительственных организаций в Индии для оказания влияния на индийских мусульман. Резонансной для индийской общественности стала новость об изъятии у пакистанских террористов в начале 2024 г. пистолетов турецкого производства.

В ответ Индия укрепляет свои отношения со странами, имеющими споры с Турцией в Восточном Средиземноморье: Кипром, Грецией, Израилем. На фоне карабахского конфликта Нью-Дели заключил оборонное соглашение с Ереваном, традиционным соперником Турции в регионе. В рамках сделки стоимостью 40 млн долл. Индия поставила Армении, в частности, четыре радара обнаружения оружия SWATHI, разработанные национальной Организацией оборонных исследований и разработок. РИ осудила действия Турции в Сирии, заявив, что расширение активности Анкары на севере страны под предлогом борьбы с курдскими вооруженными формированиями ставит под угрозу как региональный мир, так и борьбу с настоящим терроризмом. Индийская сторона призвала Турцию проявлять благоразумие

¹ After India Cancels Shipbuilding Order, Turkey Suspends Defense Exports [Электронный ресурс] // The Maritime Executive. 21.07.2024. URL: <https://maritime-executive.com/article/after-india-cancels-shipbuilding-order-turkey-suspends-defense-exports> (дата обращения: 17.12.2024).

² Samson A. Turkey floats alternative to G20's India-Middle East trade corridor plan [Электронный ресурс] // Financial Times. 17.09.2023. URL: <https://www.ft.com/content/0673f928-dec9-48fb-83b3-8b868a9dcbb> (дата обращения: 17.12.2024).

³ См., например: India-Turkey ties: Ball is in Erdogan's court [Электронный ресурс] // Deccan Herald. 10.06.2023. URL: <https://www.deccanherald.com/opinion/india-turkey-ties-ball-is-in-erdogan-s-court-1226724.html> (дата обращения: 15.01.2025); India calls Erdogan's Kashmir remarks 'unacceptable', lodges 'strong protest' [Электронный ресурс] // The Hindu. 22.02.2025. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-calls-erdogans-kashmir-remarks-unacceptable-lodges-strong-protest/article69250106.ece> (дата обращения: 25.02.2025).

и уважать территориальную целостность и суверенитет Сирии. На фоне свержения власти Б. Асада¹ в конце 2024 г. индийские обозреватели [7] проправительственных газет также опубликовали критические оценки деятельности Турции в ее поддержке повстанческих группировок².

Разница подходов двух столиц наблюдается и по вопросу реформы Совета безопасности ООН. Индия входит в т. н. «Группу четырех» (G4; Индия, Германия, Бразилия, Япония), в рамках которой ее члены поддерживают друг друга в стремлении получить статус постоянных членов структуры. Турция же, хотя признает необходимость пересмотра механизмов и принципов работы данного органа (формула Р. Т. Эрдогана «мир больше пяти»), выражает солидарность с движением «Объединение ради консенсуса» (или «Кофейный клуб»), возникшим в противовес G4 и призывающим к выработке единого знаменателя под различными имеющимися предложениями по реформам.

Индия и Турция как две динамично развивающиеся державы стремятся к расширению своего влияния на происходящие на мировой арене процессы и в этой связи наращивают свою вовлеченность в работу различных интеграционных объединений. В частности, Турция и Индия принимают участие в работе G20, ШОС (РИ как член организации, ТР в статусе партнера по диалогу), БРИКС (РИ — член объединения, ТР в 2024 г. получила приглашение присоединиться в качестве партнера). И хотя в конце ноября 2024 г. по итогам прошедшего в Казани Саммита БРИКС некоторые СМИ отметили, что именно по вине Нью-Дели Анкара не смогла полноправно присоединиться к структуре, впоследствии турецкие официальные лица опровергли данную информацию. А тот факт, что осенью 2024 г. Р. Т. Эрдоган впервые за последние пять лет не поднял тему Кашмира в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН, было отмечено рядом обозревателей (в том числе индийских) как сигнал к потеплению отношений.

Культурное и гуманитарное сотрудничество

Наиболее стабильной и лишенной противоречий сферой двустороннего взаимодействия выступают гуманитарные и культурные вопросы. В начале 2023 г. в рамках операции DOST («друг» по-турецки) Индия направила в пострадавшую от землетрясения Турцию спасательные и медицинские бригады, а также партию необходимых медикаментов, что было высоко оценено Анкарой. В рамках межведомственного сотрудничества по линии министерств культуры проходят перекрестные фестивали, фольклорные конкурсы, гастроли творческих коллективов.

В Нью-Дели функционирует представительство главного проводника турецкой культурной политики — Института Юнуса Эмре, который также связан соглашениями по продвижению турецкой культуры, языка и тюркологических исследований с Университетом Джамиа Миллия Исламия и Университетом Дж. Неру. Под эгидой правительственной индийской программы по техническому и экономическому сотрудничеству выделяются образовательные гранты турецким студентам для прохождения стажировок на базе Центрального института хинди в Агре. Кроме того, совместно с Анкарским университетом реализуются программы обмена для профессорско-преподавательского состава по программам подготовки индологов.

В Турции проживает небольшая индийская община численностью около 3 тыс. чел. В Индии, согласно открытым данным, эти цифры гораздо скромнее: порядка нескольких сотен турок³. В обоих случаях в основном это представители коммерческих организаций, банков, университетов.

Заключение

Динамика развития турецко-индийских отношений в новом столетии демонстрирует значимость экономической дипломатии как краеугольного камня двустороннего взаимодействия. Достаточно ста-

¹ Abbas A. Syria shift, Assad's fall and what it means for India [Электронный ресурс] // India Today. 09.12.2024. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/syria-bashar-al-assad-opposition-rebels-india-relations-damascus-2646921-2024-12-09> (дата обращения: 10.01.2025).

² Where Turkey stands as Syrian government falls to opposition insurgents [Электронный ресурс] // Times of India. 08.12.2024. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/middle-east/where-turkey-stands-as-syrian-government-falls-to-opposition-insurgents/articleshow/116105963.cms> (дата обращения: 17.12.2024).

³ India-Turkey Bilateral Relations [Электронный ресурс] // Vajiram & Ravi. 2023. URL: <https://vajiramandravi.com/upsc-daily-current-affairs/mains-articles/india-turkey-bilateral-relations/> (дата обращения: 17.12.2024).

бильное развитие торговых связей, несмотря на определенные флуктуации в мировой и национальных экономиках, отражает обоюдное стремление к упрочению контактов и наличие потенциала для осуществления таких намерений. Такие институциональные механизмы, как Совместная индийско-турецкая комиссия по экономическому и техническому сотрудничеству, а также ряд частных инициатив по продолжению бизнес-диалога, заложили основу для последующего расширения сотрудничества в различных секторах промышленности. Вместе с тем по-прежнему пробуксовывает реализация всеобъемлющего договора о свободной торговле, которая могла бы придать значительный дополнительный импульс развитию торгово-экономических отношений между странами.

На геополитическом фронте Турция и Индия сталкиваются с рядом проблем и «отложенных возможностей», детерминированных спецификой меняющейся глобальной и региональной конфигурации. Хотя разница подходов по некоторым текущим досье по-прежнему сохраняется (в первую очередь по Кашмиру, Кипру и Южному Кавказу), прослеживается стремление к вынесению спорных вопросов за скобки и преодолению негативного бремени ради продолжения диалога в прагматичных целях. Вовлеченность Нью-Дели и Анкары в работу многосторонних форумов и площадок (от ООН до БРИКС) подчеркивает разделяемую ими приверженность содействовать упрочению механизмов глобального управления.

Сложная траектория развития современных турецко-индийских отношений все еще находится под влиянием груза сложностей, унаследованных от прошлого столетия, во многом обусловленных спецификой времен холодной войны и ее последствий, отразившихся на внутренней политике стран и выстраивании новых глобальных императивов. В перспективе, как представляется, обе страны могут исследовать новые возможности для расширения своих контактов. Например, Индия могла бы вынести на повестку переговоров обсуждение перспектив обеспечения гарантий Турцией, как значимого поставщика военной продукции Исламабаду, неиспользования оружия пакистанцами в террористических целях против РИ. Анкара же могла бы включить Индию в свою новую инициативу «Азия заново», что определило бы выстраивание более системного подхода к взаимодействию с ней. В совокупности более устойчивая ось отношений Турция — Индия, вероятно, содействовала бы упрочению стабильности на евразийском материке и более скоординированному и эффективному преодолению общих региональных проблем.

Список литературы

1. Колесникова М. А. Турция — Индия: об актуальном [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 29.09.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/42460> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Кузнецов А. А. Иранские эксперты о проекте транспортного коридора Индия — Ближний Восток — Европа [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 27.09.2023. URL: <http://www.iimes.ru/?p=101700> (дата обращения: 10.01.2025).
3. Мелконян С., Вахланг Д. Индия на Южном Кавказе: значение для России, Ирана и Турции [Электронный ресурс] // РСМД. 30.01.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/?sphrase_id=163269644 (дата обращения: 10.01.2025).
4. Щегловинин Ю. Б. Турция расширяет свое влияние на мусульман в Индии [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 02.09.2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=72797> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Ahmad Khan M., Manawar A., Nadeem A. The Impact of Erdoğan's Victory on Türkiye-India Bilateral Relations: An Analysis // International Journal of Social Science and Human Research. 2023. Vol. 6. No. 6. P. 3742–3747. DOI: 10.47191/ijsshr/v6-i6-63
6. Alam M. Türkiye-India Relations in the 21st Century: Progress, Challenges, and Prospects // Insight Turkey. 2024. Vol. 26. No. 1. P. 91–115. DOI: 10.25253/99.2024261.8
7. Aslan Ö. The Evolution of Turkey's 'South Asia Policy': Continuities and Ruptures in Outlook, Roles, Actors and Constraints // Journal of Asian Security and International Affairs. 2022. No. 9 (1). P. 122–149. DOI: 10.1177/23477970221076754

8. Colakoğlu S. Turkey and India: "Natural Allies"? [Электронный ресурс] // Middle East Institute. 11.08.2020. URL: https://www.mei.edu/publications/turkey-and-india-natural-allies#_ftn1 (дата обращения: 17.12.2024).
9. Erdoğan R. T. Daha Adil Bir Dünya Mümkün. İstanbul. 2021. 216 s. ISBN: 625754808X (На турецком яз.)

Об авторе:

Колесникова Мария Александровна, доцент кафедры зарубежного регионоведения Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия), кандидат политических наук;
e-mail: kolmaral-1710@mail.ru; ORCID: 0009-0006-6441-5389

References

1. Kolesnikova, M. A. Turkey-India: About the Current Issues [Electronic resource] // The International Affairs. 29.09.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/42460> (accessed: 10.01.2025). (In Russ.)
2. Kuznetsov, A. A. Iranian Experts on India-Middle East-Europe Transport Corridor Project [Electronic resource] // Institute of Middle East. 27.09.2023. URL: <http://www.iimes.ru/?p=101700> (accessed: 10.01.2025). (In Russ.)
3. Melkonian, S., Wahlang, J. India in the South Caucasus: Implications for Russia, Iran and Turkey [Electronic resource] // Russian International Affairs Council. 30.01.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/?sphrase_id=163269644 (accessed: 10.01.2025). (In Russ.)
4. Scheglovini, Yu. B. Türkiye Expands Influence Over Muslims in India [Electronic resource] // Institute of Middle East. 02.09.2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=72797> (accessed: 10.01.2025). (In Russ.)
5. Ahmad, Khan M., Manawar, A., Nadeem, A. The Impact of Erdoğan's Victory on Türkiye-India Bilateral Relations: An Analysis // International Journal of Social Science and Human Research. 2023. Vol. 6. No. 6. P. 3742–3747. DOI: 10.47191/ijsshr/v6-i6-63
6. Alam, M. Türkiye-India Relations in the 21st Century: Progress, Challenges, and Prospects // Insight Turkey. 2024. Vol. 26. No. 1. P. 91–115. DOI: 10.25253/99.2024261.8
7. Aslan, Ö. The Evolution of Turkey's 'South Asia Policy': Continuities and Ruptures in Outlook, Roles, Actors and Constraints // Journal of Asian Security and International Affairs. 2022. No. 9 (1). P. 122–149. DOI: 10.1177/23477970221076754
8. Colakoğlu, S. Turkey and India: "Natural Allies"? [Electronic resource] // Middle East Institute. 11.08.2020. URL: https://www.mei.edu/publications/turkey-and-india-natural-allies#_ftn1 (accessed: 17.12.2024).
9. Erdoğan, R. T. A Fairer World is Possible. İstanbul. 2021. 216 s. ISBN: 625754808X. (In Turkish)

About the author:

Maria A. Kolesnikova, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies of Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia); PhD in Political Sciences;
e-mail: kolmaral-1710@mail.ru; ORCID: 0009-0006-6441-5389

Политика обеспечения информационной безопасности в государствах — членах ШОС

Щербань А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: n.shche@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено изучению ключевых приоритетов государств — участников ШОС в сфере информационной безопасности, а также выявлению роли геополитических противоречий и их влияние на сотрудничество. **Цель и задачи.** На основании теоретического материала и практического анализа рейтинга и официальных документов выявить особенности взаимодействия государств — членов ШОС в вопросах обеспечения информационной безопасности. Проанализировать в Глобальном инновационном индексе показатели инновационного развития государств — членов ШОС, определить лидеров в этой области; исследовать уровень обеспечения информационной безопасности стран-участниц; выявить противоречия и рассмотреть общие приоритеты политики государств сотрудничества в сфере обеспечения информационной безопасности. **Методология.** Работа основана на анализе официальных документов, сравнительном методе количественных показателей, методе кейс-стади и синтезе. **Результаты.** Исследование показало, что в зависимости от уровня развития инноваций, государства ШОС по-разному видят угрозы в информационном пространстве. Так, для стран, обладающих технологическим лидерством, первостепенными являются вопросы обеспечения кибербезопасности, установления единых стандартов и развития международного сотрудничества. Менее развитые в технологиях государства заинтересованы в предотвращении и устранении угроз внутривнутриполитического характера. Фактор геополитических противоречий оказывает влияние на сотрудничество отдельных государств внутри организации в вопросах развития сферы информационно-коммуникационных технологий (пример Пакистана и Китая). Однако в рамках ШОС государства стремятся к конструктивному диалогу и выработке единых подходов регулирования сферы информационной безопасности. **Выводы.** Результаты исследования демонстрируют значение уровня технологического развития государств — членов ШОС в построении собственной информационной политики и предложенных инициативах в рамках ШОС. Безусловными технологическими лидерами в организации являются Китай и Россия. Будучи их союзником, Республика Беларусь стремится к улучшению системы обеспечения информационной безопасности. В то же время Пакистан, являясь геополитическим противником Индии, в рамках программы «Один пояс — один путь» развивает сотрудничество с Китаем в вопросах совершенствования сферы информационно-коммуникационных технологий. Проанализировав тенденцию инновационного развития, можно отметить значительные успехи Индии, Ирана и Казахстана. В случае с Казахстаном важно указать, что республика является технологическим лидером в Центрально-Азиатском регионе, а потому вопросы построения информационной безопасности являются стратегическим направлением. Таджикистан, Киргизия и Узбекистан фокусируются на решении внутренних проблем в информационном пространстве, однако активно выдвигают свои инициативы по данному вопросу в рамках ШОС.

Ключевые слова: ШОС, информационная безопасность, киберпространство, информационно-психологическая безопасность, Глобальный инновационный индекс

Для цитирования: Щербань А. В. Политика обеспечения информационной безопасности в государствах — членах ШОС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 159–170.
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-159-170>. EDN: DFBCZG

Information Security Policy in the SCO Member States

Anastasia V. Shcherban

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
e-mail: n.shche@mail.ru

ABSTRACT

This study is devoted to studying the key priorities of the SCO member states in the field of information security, as well as identifying the role of geopolitical contradictions and their impact on cooperation.

Aim and Tasks. Based on the theoretical material and practical analysis of the rating and official documents, to identify the specifics of cooperation between the SCO member states in matters of information security. To analyze the indicators of innovative development of the SCO member states in the Global Innovation Index (GII), identify leaders in this field; to study the level of information security of the participating countries; to identify contradictions and to consider the general priorities of the policy of the states of cooperation in the field of information security. **Methods.**

The work is based on the analysis of official documents, the comparative method of quantitative indicators, the case study method and synthesis. **Results.** The study showed that, depending on the level of innovation development, the SCO states see threats in the information space differently. Thus, for countries with technological leadership, cybersecurity, the establishment of common standards and the development of international cooperation are of paramount importance. Less technologically advanced states focus on preventing and eliminating threats of a domestic political nature. The factor of geopolitical contradictions has an impact on the cooperation of individual states within the organization in the development of the ICT sector (for example of Pakistan and China). However, within the framework of the SCO, states strive for constructive dialogue and the development of common approaches to regulating the field of information security. **Conclusions.**

The results of the study demonstrate the importance of the level of technological development of the SCO member states in building their own information policy and proposed initiatives within the SCO. China and Russia are the undisputed technological leaders in the organization. As their ally, the Republic of Belarus strives to improve its information security system. At the same time, Pakistan, being a geopolitical opponent of India, has established cooperation with China on the development of the ICT sector within the framework of the “One Belt — One Road” project. Analyzing the trend of innovative development, we can note the significant successes of India, Iran and Kazakhstan. In the case of Kazakhstan, it is important to point out that the republic is a technological leader in the Central Asian region, and therefore the issues of building information security are a strategic focus. Tajikistan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan are focusing on solving internal problems in the information space, but they are actively putting forward their initiatives in this area within the SCO.

Keywords: SCO, information security, cyberspace, information and psychological security, Global Innovation Index

For citation: Shcherban A. V. Information Security Policy in the SCO Member States // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 159–170. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-159-170>. EDN: DFBCZG

Введение

В докладе «Четвертая промышленная революция» (2016 г.) на Всемирном экономическом форуме в Давосе Клаус Шваб обозначил начало нового этапа индустриальной революции. Отличительной чертой этого витка технологического прогресса является слияние физического и виртуального миров. Международная нестабильность, связанная с борьбой за большие данные (колониализм данных), цифровое неравенство государств, возрастающий уровень безработицы, обусловленный автоматизацией производства, а также отсутствие этических норм и контроля являются нерешенной дилеммой международного уровня [2, с. 8; 15, с. 81].

В 1998 г. на уровне ООН министр иностранных дел России И. С. Иванов поднимал вопрос о регулировании международной сферы информационной безопасности. В том же году Москвой был представлен первый проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». США, в свою очередь, стремились сохранять гегемонию в вопросах регулирования данной сферы. Считая другие государства своими «цифровыми колониями», американцы отказывались от глобального сотрудничества. Поэтому за последнюю четверть века можно проследить формирование двух подходов к вопросам обеспечения международной информационной безопасности: российского и американского [8, с. 257; 18, р. 455].

В «Доктрине кибербезопасности США» 2023 г., в разделе «Злонамеренные акторы» (Malicious Actors), в качестве угроз национальной безопасности прописаны правительства Китайской Народной Республики (КНР), Российской Федерации, Ирана, Северной Кореи и других автократических режимов¹. Кроме этого, в Стратегической концепции НАТО от 29 июня 2022 г. Российская Федерация значится государством, составляющим угрозу государствам — участникам альянса [14, с. 114–115]. В п. 13 документа отмечается негативный контекст сотрудничества России и Китая².

Исходя из вышеизложенного и учитывая поляризацию мира после февраля 2022 г., говорить об урегулировании сферы информационной безопасности на международном уровне не представляется возможным. Однако в данных обстоятельствах региональные организации и объединения являются хорошей площадкой для переговоров и законотворчества в вопросах регулирования данной сферы [21, р. 318; 22, р. 112].

Россия, будучи участницей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), может выдвигать собственные инициативы, способствующие защите национальной безопасности и укрепляющие отношения между государствами.

Материалы и методы

Проведение всестороннего анализа проблематики информационной безопасности в рамках ШОС основано на комплексном применении взаимодополняющих методов. Основной упор сделан на анализ официальных документов, теоретических концепций и рейтинговых показателей. Метод кейс-стади использовался для изучения текущего состояния политики информационной безопасности в государствах ШОС. Это позволило выявить национальные особенности и вызовы, с которыми сталкиваются страны организации. Благодаря методу синтеза удалось определить закономерности подходов государств ШОС к обеспечению информационной безопасности.

Основными источниками информации для исследования стали доктрины, концепции, стратегии, а также законодательные акты, регулирующие вопросы обеспечения информационной безопасности государств — членов ШОС. Кроме этого, использовались данные рейтинга Глобального инновационного индекса (ГИИ), а также проводился анализ отечественных и зарубежных исследований по данной проблематике.

¹ National Cybersecurity Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2023/03/national-cybersecurity-strategy-2023.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).

² Стратегическая концепция НАТО 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_56626.htm (дата обращения: 16.01.2025).

Результаты

Уровень развития технологий государств — членов ШОС влияет на определение приоритетов обеспечения информационной безопасности. Ведущие экономики стран ШОС — Россия, Китай, Индия — заинтересованы в обеспечении кибербезопасности, установлении единых стандартов, а также развитии международного сотрудничества. Таджикистан, Киргизия и Узбекистан сосредоточены на предотвращении информационных угроз внутривнутриполитического характера и привлечении зарубежных инвестиций в развитие сферы технологий.

Полученные данные демонстрируют наличие разных подходов в стратегиях информационной безопасности стран ШОС. Преодоление технологического разрыва и формирование единой нормативно-правовой базы являются первостепенной задачей в рамках диалога на площадке ШОС.

Обсуждение

Особенности развития области инноваций государств — членов ШОС

Формирование региональной системы информационной безопасности в рамках ШОС тесно переплетается с особенностями обеспечения собственной системы национальной безопасности государств-участников. Поэтому между странами могут возникать противоречия, в основе которых заложены разные взгляды понимания информационной безопасности¹.

Характеристика стратегий информационной безопасности ШОС невозможна без оценки уровня технологического развития стран-участниц. Всемирная организация интеллектуальной собственности ежегодно публикует ГИИ. Рейтинг 133 государств позволяет проследить развитие инноваций, охватывая показатели политической ситуации, системы образования и технологий в каждой стране. Практика оценки и сравнения государств по определенным критериям является достаточно спорной, ведь большинство рейтингов составлены западными компаниями. Поэтому необходимо критически относиться к результатам и учитывать фактор мировой нестабильности.

Для характеристики развития инноваций в государствах ШОС рассмотрим результаты позиции государств — членов ШОС в рейтинге в период 2019–2024 гг., где нижняя граница 2019 г. — последний год (допандемийный) стабильности мировых процессов, верхняя граница 2024 г. — конфронтация мира после начала специальной военной операции в феврале 2022 г.

Таблица

Рейтинг Глобального инновационного индекса государств — участников ШОС в период 2019–2024 гг.

Table. The Ranking of the Global Innovation Index of the SCO member states in the period 2019–2024

Страна / год	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	46	47	45	47	51	59
КНР	14	14	12	11	12	11
Республика Беларусь	72	64	62	77	80	85
Иран	62	67	60	53	62	64
Индия	52	48	46	40	40	39
Пакистан	105	107	99	87	88	91
Республика Казахстан	79	94	79	83	81	78
Республика Таджикистан	100	109	103	104	100	107
Республика Узбекистан	—	93	86	82	82	83
Кыргызская Республика	90	94	98	94	106	99

Источник: Глобальный инновационный индекс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/ru/web/global-innovation-index> (дата обращения: 06.01.2025)

¹ О Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества URL: <https://rus.sectsc.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 17.01.2025).

Исходя из данных таблицы, основанных на ежегодных рейтингах ГИИ, можно проследить положительную динамику роста Республики Индии, Исламской Республики Пакистан и Республики Узбекистан. Устойчивые позиции инновационного развития демонстрируют Китай, Иран, Казахстан и Киргизия. Однако Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Таджикистан теряют позиции в рейтинге, в среднем на десять строк. Для Российской Федерации утрата позиций обусловлена устаревшими данными, которые используют авторы рейтинга ГИИ. Как отмечает В. В. Власова, по 18 индикаторам из 78 используются результаты старше 2022 г., а по 3 индикаторам информация и вовсе отсутствует¹. Тенденция снижения позиций Республики Беларусь и Республики Таджикистан обусловлена ухудшением позиций в индикаторах «институты», «человеческий капитал и развитие науки», «развитие инфраструктуры» и «уровня развития бизнеса».

Важно учитывать, что позиции стран в рейтинге ГИИ отражают уровень развития инноваций, который влечет появление новых вызовов и угроз. Анализ позиций государств в рейтинге демонстрирует, что обеспечение информационной безопасности является стратегическим приоритетом для Российской Федерации, КНР, Республики Индии и Исламской Республики Иран. Подвергаясь угрозам внешнего влияния и дестабилизации внутривнутриполитической обстановки, Республика Беларусь и Республика Казахстан заинтересованы в обеспечении надежной системы информационной безопасности. Исходя из этого, коллективное сотрудничество в рамках ШОС в вопросах обеспечения информационной безопасности позволяет государствам выработать общие меры противодействия вызовам и угрозам в данной области.

Особенности системы информационной безопасности государств — участников ШОС

В Российской Федерации существуют два подхода к пониманию информационной безопасности. Кибербезопасность нацелена на защиту технических систем, критически важной сетевой инфраструктуры. Информационно-психологическая безопасность подразумевает защиту населения от деструктивного влияния извне. Достаточно широкая интерпретация термина «информационной безопасности» позволяет использовать его в стратегиях, доктринах и законах [16, с. 4]. В отечественной науке вопросы обеспечения информационной безопасности связаны с изучением теории информационного противоборства, которая охватывает весь спектр воздействия: как использование технологий, так и информационно-психологическое влияние на людей в межгосударственном противостоянии [1, с. 139].

По мнению И. Ф. Кефели, обеспечение информационной безопасности предотвращает военное и невоенное воздействие. Для государства наличие идеологии является главным элементом обеспечения информационно-психологической безопасности [4, с. 144].

Е. Н. Пашенцев под термином «информационно-психологической безопасности» понимает защиту системы международных отношений от негативного психологического воздействия, связанного с разнообразными объективными и субъективными факторами. Прежде всего он акцентирует внимание на проблеме злонамеренного использования искусственного интеллекта, который используется в политических и преступных целях [9, с. 286].

Подводя итог, можно отметить, что междисциплинарный подход изучения информационной безопасности позволяет выделить отдельные области, которые должны регулироваться на государственном уровне.

Вопросы обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации закрепляет вторая редакция Доктрины информационной безопасности РФ от 5 декабря 2016 г.², кроме этого, основные положения содержатся в Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г.³ и Стратегии

¹ Валерия Власова об оценке позиций России в ГИИ-2024 [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 27.09.2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/967248155.html> (дата обращения: 10.01.2025).

² Доктрина информационной безопасности РФ от 5 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.01.2025).

национальной безопасности РФ от 2 июля 2021 г.¹ Особенностью Доктрины информационной безопасности РФ являются:

- сотрудничество в сфере информационной безопасности и предоставление помощи своим союзникам;
- борьба с подрывом традиционных ценностей, фальсификацией истории и распространением ложных новостей;
- положения доктрины отмечают, что информационная безопасность распространяется на духовную жизнь граждан.

При этом необходимо понимание, что после начала острой конфронтации с Западом, а также бурным развитием цифровых технологий положения доктрины будут дополняться. Таким образом, политика информационной безопасности России направлена на сохранение традиционных семейных ценностей, исторической памяти, воспитание патриотизма, а также на духовно-нравственное развитие граждан [10, с. 155].

В Китайской Народной Республике сформировалась надежная система информационной безопасности, которая подразумевает защиту информации и сетей критически важной информационной инфраструктуры от взломов, утечек данных и уничтожения информации. На законодательном уровне вопросы обеспечения информационной безопасности регулируются законом «О кибербезопасности» от 2017 г., законом «О безопасности данных» от 2021 г. и законом «О защите персональной информации» от 2021 г. [13, с. 80; 19, р. 225–226]. Важной особенностью китайской системы сетевой безопасности (терминология для обозначения «кибербезопасности» в официальных документах) является концепция цифрового суверенитета. Она подразумевает защиту информационных потоков и больших данных от внешнего влияния. Уникальная техническая система «Золотой щит» позволяет осуществлять мониторинг и контроль в Интернете. Система подвергает цензуре нежелательный контент, контролирует китайские социальные сети и мобильные приложения, кроме этого, предоставляет большие данные государственным структурам и осуществляет видеонаблюдение для отслеживания правонарушений по всей стране [11, с. 58–59; 17, с. 38]. Среди основных принципов регулирования информационной безопасности в Китае можно выделить следующие: осуществление контроля в информационном и киберпространстве, строгая локализация данных и шифрование их при передаче за рубеж, а также обеспечение надежной защиты научно-технических открытий.

Для Республики Беларусь обеспечение защиты информационно-технологического пространства является стратегическим направлением государственной политики. Нормативно-правовая база Республики Беларусь (РБ) регулируется Концепцией информационной безопасности РБ от 18 марта 2019 г., законом «Об информации, информатизации и защите информации» от 2008 г. и законом «О защите персональных данных» от 2021 г. В концепции содержатся основные приоритеты государственной политики, направленные на устранение ключевых угроз в политическом, экономическом, социальном и техническом пространстве. Важно отметить, что в документе подчеркиваются угрозы распространения деструктивной информации, а также манипуляция общественным мнением в экстремистских и террористических целях. Попытки дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране, а также геополитическое положение вблизи военного конфликта подчеркивают необходимость серьезного подхода к обеспечению национальной безопасности [6, с. 8].

В Республике Индии вопросы обеспечения информационной безопасности регулируются законом «Об информационных технологиях» от 2000 г. Дополнением к нему служит закон «О персональных данных», принятый в 2023 г., в основе которого заложен европейский Общий регламент защиты персональных данных. Национальная политика кибербезопасности Индии от 2013 г. определяет области защиты киберпространства, однако в 2020 г. Совет по безопасности данных Индии анонсировал разработку новой Национальной программы, которая на момент конца 2024 г. находится в стадии утверждения².

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Правительство России (дата обращения: 15.01.2025).

² Data Security Council of India Analysis of National Cyber Security Policy (NCSP–2013) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dsci.in/blogs/national-cyber-security-policy-ncsp-2013/> (дата обращения: 16.01.2025).

На международном уровне Индия активно ведет сотрудничество в вопросах обеспечения информационной безопасности. В октябре 2024 г. состоялся первый «кибер-диалог» между Италией и Индией. По итогам диалога государства укрепили двустороннее сотрудничество в обеспечении безопасного киберпространства. В 2023 г., в рамках ШОС, Индия организовала практический семинар на тему «Противодействие неправомерному использованию Интернета и новых информационных технологий». Так, можно проследить многовекторный подход государства в установлении сотрудничества в данной области [7, с. 445–448; 20, р. 13].

Политика Исламской Республики Пакистан в вопросах обеспечения информационной безопасности регулируется Национальной политикой кибербезопасности, принятой в июле 2021 г. Документ регулирует защиту киберпространства, определяет сотрудничество между государством и частными предприятиями, а также закрепляет создание Комитета по киберуправлению. Напряженные отношения Индии, Китая и Пакистана побуждают Пекин и Исламабад к тесному сотрудничеству в области обеспечения кибербезопасности. По уровню развития ИКТ Пакистан серьезно уступает ключевому региональному противнику — Индии. Регулярные хакерские атаки со стороны Индии на инфраструктуру Исламабада привели к подписанию между Китаем и Пакистаном Китайско-пакистанского экономического коридора 2017–2030. Данное соглашение затрагивает вопросы сотрудничества в сфере информационной безопасности. Основными целями сотрудничества является улучшение информационной инфраструктуры в Пакистане, обеспечение защиты данных, а также сотрудничество в сфере обмена опытом и технологиями для предотвращения угроз [3, с. 110; 7, с. 442]. В рамках ШОС Пакистаном в 2024 г. была выдвинута идея о создании общего цифрового рынка. Так, создание единого пространства позволит свободно обмениваться цифровыми товарами и услугами, что послужит укреплению связей и преодолению существующих барьеров.

В Исламской Республике Иран политика информационной безопасности выстраивается на идеях Исламской революции 1979 г. Будучи клерикальным государством, Иран выстраивает информационную политику, направленную на поддержку шиитской ветви ислама. Приоритетной областью является разработка эффективных мер по защите культурного и духовно-нравственного наследия, традиций и норм общественной жизни страны. На площадке ШОС Иран активно предлагает инициативы, направленные на защиту от зарубежного влияния и информационных войн, развитие общих стандартов информационной безопасности, а также создание совместных центров по вопросам предотвращения угроз в информационном пространстве [5, с. 23–24].

Переходя к центральноазиатским республикам, необходимо упомянуть о существующих различиях в экономическом и технологическом потенциале развития государств. Геополитическая конкуренция и имеющиеся политические, территориальные претензии отражают разный взгляд на подходы регулирования сферы информационной безопасности.

Казахстан является ведущей экономикой в Центрально-Азиатском регионе. Привлечение иностранных инвестиций способствует совершенствованию многих областей, включая развитие инноваций. Имея хорошо развитую цифровую инфраструктуру, Астана заинтересована в создании устойчивой системы информационной безопасности. Разработав ряд законов и нормативных актов, государство стремится установить собственную модель цифрового суверенитета, а также контролировать деструктивные информационные потоки, направленные на расшатывание политической ситуации в стране. К основным недостаткам можно отнести нехватку специалистов, которые способны обеспечить открытия в области информационных технологий. Казахстан на площадке ШОС выдвигает инициативу создания Центра информационной безопасности по предотвращению киберугроз. В 2023 г. в Алматы казахская сторона представила разработанный проект центра.

Особенностью политики информационной безопасности в Таджикистане является разработка институциональных механизмов и выработка нормативно-правовой базы. Для противодействия угрозе распространения экстремистских материалов правительство строго контролирует информационное пространство, включающее цензурирование иностранных материалов. В июле 2024 г., выступая на заседании Совета глав государств — членов ШОС, президент Таджикистана отметил важность координации

усилий в борьбе с распространением деструктивной идеологии. Поэтому в вопросах обеспечения информационной безопасности Таджикистан больше ориентируется на предотвращение внутренних угроз, которые обусловлены высокой активностью экстремистских группировок.

В Кыргызской Республике информационная безопасность носит фрагментарный и декларативный характер. Среди основных угроз в информационном пространстве можно выделить распространение зарубежного контента, который может негативно влиять на политические убеждения граждан.

К особенностям информационной политики в Узбекистане можно отнести достаточно свободный подход ограничений в Интернете. В стремлении стать региональным лидером, Узбекистан развивает многовекторное сотрудничество. В вопросах обеспечения информационной безопасности в рамках ШОС республика активно выдвигает свои предложения и организует научно-экспертные мероприятия. Важной инициативой является разработка Плана взаимодействия по международной информационной безопасности [3, с. 110–115, 126].

Вопросы обеспечения информационной безопасности в повестке деятельности ШОС

История переговорного процесса в рамках Шанхайской организации сотрудничества по вопросам обеспечения информационной безопасности берет начало 15 июня 2006 г. В совместном заявлении главы государств — членов ШОС впервые затронули вопросы регулирования международной информационной безопасности (МИБ)¹.

В 2009 г. было подписано основополагающее Соглашение между Правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения МИБ, которое вступило в силу 2 июня 2011 г.² В Соглашении определялась терминология и отмечались основные угрозы в области обеспечения МИБ. Кроме этого, указывались основные направления сотрудничества в рамках регулирования МИБ.

Во время саммита ШОС в Уфе в июле 2015 г. было утверждено решение о проекте «Стратегии развития ШОС до 2025 года», которая определила приоритеты деятельности организации в сфере обеспечения информационной безопасности на десятилетие³. Стратегия подчеркивает необходимость коллективного сотрудничества в вопросах укрепления мира, обеспечения информационной безопасности, а также расширения связей с региональными и международными организациями.

Важным шагом в вопросах регулирования информационной безопасности является принятая в 2019 г. Концепция сотрудничества государств — членов ШОС в сфере цифровизации и ИКТ⁴. В качестве приоритетов развития документ закрепляет развитие информационной инфраструктуры, обеспечение безопасности данных, цифровизацию государственных структур, сотрудничество в области науки и техники, а также равенство всех членов-партнеров. Среди положительных сторон документа можно отметить стремление к международному сотрудничеству, научному обмену и равному диалогу государств — участников ШОС в вопросах политики информационной безопасности. При этом разногласия могут возникать в связи с разным уровнем развития ИКТ в государствах — членах ШОС, а также пониманием вопросов регулирования сферы информационной безопасности [12, с. 280].

Не менее важными документами регулирования региональной системы информационной безопасности являются ежегодные декларации по итогам саммитов ШОС. Исходя из основных положений, можно прийти к выводу, что приоритетами политики в области обеспечения информационной безопасности являются:

¹ Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Президент России. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/1679413/ (дата обращения: 16.01.2025).

² О вступлении в силу Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/1725922/ (дата обращения: 16.01.2025).

³ Уфимская декларация глав государств-членов [Электронный ресурс] // Официальный сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2014–2015 годах. URL: <https://rus.sectsc.org/files/49097/49097> (дата обращения: 16.01.2025).

⁴ Бишкекская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5421> (дата обращения: 16.01.2025).

- обеспечение безопасности ИКТ-структур государств ШОС;
- разработка и реализация мероприятий в области обеспечения международной информационной безопасности согласно появлению новых типов информационных угроз, признание ООН в качестве главного органа международного регулирования;
- сотрудничество государств-членов в сфере борьбы с преступными группировками, использующими ИКТ.

Особую роль в определении приоритетов деятельности организации в сфере информационной безопасности играют Российская Федерация и Китай, которые стремятся к принятию общих правил и выработке информационного суверенитета.

Заключение

Вопросы обеспечения информационной безопасности являются приоритетной сферой развития диалога в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Анализ уровня показателей рейтинга Глобального инновационного развития продемонстрировал разный уровень технического состояния стран ШОС. Занимая лидерские позиции, Россия и Китай активно продвигают инициативы, которые направлены на международное регулирование системы информационной безопасности, предотвращение угроз в киберпространстве, а также продвижение концепции цифрового суверенитета. Наличие геополитических противоречий между Индией, Пакистаном и Китаем влечет установление сотрудничества между Пекином и Исламабадом в вопросах развития и защиты ИКТ-систем. Различия в понимании информационной безопасности в центральноазиатских республиках обусловлены разным уровнем технологического развития. Так, Казахстан, являясь лидером в регионе, стремится к обретению цифрового суверенитета и развитию международного сотрудничества, в то время как действия Таджикистана направлены на устранение внутривосточных информационных угроз.

Однако, несмотря на перечисленные противоречия, страны серьезно относятся к разработке мер по выявлению и устранению угроз в информационном пространстве. Учитывая принципы равенства и суверенитета, государства стремятся укрепить прочную дипломатическую базу для развития сотрудничества государств-членов в области обеспечения информационной безопасности.

Список литературы

1. *Выходец Р. С., Панцеров К. А.* Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 4 (42). С. 139–148. EDN: SVTUJU. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-139-148
2. *Галушкин А. А.* К вопросу о значении понятий «национальная безопасность», «информационная безопасность», «национальная информационная безопасность» // Правозащитник. 2015. № 2. С. 8.
3. *Ибрагимова Г. Р.* Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1 (104). С. 103–128. EDN: PILLVN
4. *Кефели И. Ф.* Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с. ISBN: 978-5-89781-676-7. EDN: JSTIQP
5. *Майорова М. А.* Информационная безопасность Исламской Республики Иран // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. Т. 14. № 3. С. 20–27. EDN: GGVAWQ. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-20-27
6. *Масленченко С. В.* Реализация концепции информационной безопасности Республики Беларусь в государственной культурной политике // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4 (50). С. 5–15. EDN: PITXSM

7. *Матюхина Е. Н.* Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии // Сиб-Скрипт. 2024. Т. 26. № 3 (103). С. 441–458. EDN: RPEGEY. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-3-441-458
8. Международная информационная безопасность: Теория и практика: В трех томах. Т. 2: Сборник документов (на русском языке) / под общ. ред. А. В. Крутских. М. : Аспект Пресс, 2019. 784 с. ISBN: 978–5–7567–1032–8 (т. 2).
9. *Пашенцев Е. Н.* Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 279–300. EDN: CVLXTW. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10013
10. *Полыхань К. О.* Проблемы и особенности состояния информационной безопасности в соответствии с доктриной информационной безопасности Российской Федерации // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 5. С. 154–160.
11. *Романовский В. Г., Абубекерова Д. А.* Права человека, кибербезопасность, борьба с терроризмом (опыт Китая) // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 3 (35). С. 57–67. EDN: PGIKQC. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-3-6
12. *Себекин С. А.* Роль Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС в обеспечении международной информационной безопасности в условиях продолжающегося конфликта на Украине // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 276–287. EDN: SPOIBR. DOI: 10.17150/2587-7445.2022.6(4).276-287
13. *Чекменева Т. Г., Ершов Б. А., Трубицын С. Д., Остапенко А. А.* Стратегия Китая по обеспечению информационной безопасности: политический и технический аспекты // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2020. № 7 (9). С. 78–97. EDN: KBYJRD DOI: 10.5281/zenodo.3911320
14. *Филатов О. В.* Современная структура НАТО по обеспечению информационной безопасности // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 9 (171). С. 112–121. EDN: EBLJAS
15. *Шваб К.* Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 79–84. EDN: QOGCGT
16. *Шерстюк В. П.* Информационная безопасность в системе обеспечения национальной безопасности России, федеральные и региональные аспекты обеспечения информационной безопасности // Информационное общество. 1999. № 5. С. 3–5. EDN: HRNTDF
17. *Яковлева А. В.* Правовое обеспечение кибербезопасности в Китае // Информационное право. 2021. № 2. С. 37–40. EDN: NCYMDX. DOI: 10.18572/1999-480X-2021-2-37-40
18. *Denning D.* Information Warfare and Security. New York : ACM Press. 1999. 522 p.
19. *Kremer J., Müller B.* Cyberspace and International Relations: Theory, Prospects and Challenges. Ed. 1. New York : Springer. 2014. 284 p. DOI: 10.1007/978-3-642-37481-4
20. *PK. Mallick.* Vivekananda International Foundation [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/344336074_Cyber_Attack_on_Kudankulam_Nuclear_Power_Plant_-_A_Wake_Up_Call. 2019. 36 p. (accessed: 18.04.2024)
21. *Russia and the United States in the Evolving World Order* / ed. by A. Torkunov, N. Noonan, T. Shackleina. Moscow : MGIMO University Press. 2018. 414 p.
22. *Winterfeld S., Andress J.* The Basics of Cyber Warfare: Understanding the Fundamentals of Cyber Warfare in Theory and Practice. Syngress, 2012. 164 p. ISBN: 978-0-12-404737-2.

Об авторе:

Щербань Анастасия Владимировна, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: n.shche@mail.ru

References

1. Vykhodets, R. S., Pantserov, K. A. Comparative Analysis of Modern Concepts of Information Warfare // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16. No. 4 (42). P. 139–148. (In Russ.) EDN: SVTUJU. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-139-148
2. Galushkin, A. A. On the Question of the Meaning of the Concepts “National Security”, “Information Security”, “National Information Security” // Human Rights Defender. 2015. No. 2. P. 8. (In Russ.)
3. Ibragimova, G. R. Approaches of the Central Asian States to the Issues of Internet Governance and Information Security // The Security Index. 2013. Vol. 19. No. 1 (104). P. 103–128. (In Russ.) EDN: PILLVN
4. Kefeli, I. F. Asphatronics: On the Way to the Theory of Global Security. St. Petersburg, 2020. 228 p. (In Russ.)
5. Mayorova, M. A. Information Security of the Islamic Republic of Iran // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2024. Vol. 14. No. 3. P. 20–27. (In Russ.) EDN: GGVAWQ. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-20-27
6. Maslenchenko, S. V. Implementation of the Concept of Information Security of the Republic of Belarus in State Cultural Policy // Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts. 2023. No. 4 (50). P. 5–15. (In Russ.) EDN: PITXSM
7. Matyukhina, E. N. Evolution of India’s Information and Cybersecurity Infrastructure // SibSkript. 2024. Vol. 26, No. 3 (103). P. 441–458. (In Russ.) EDN: RPEGEY. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-3-441-458
8. International Information Security: Theory and Practice: in 3 volumes. Vol. 2: Collection of Documents. Under the general editorship / ed. by A. V. Krutskikh. Moscow : Aspect Press, 2019. 784 p. (In Russ.)
9. Pashentsev, E. N. Malicious use of Artificial Intelligence: New Threats to International Information and Psychological Security and Ways to Neutralize Them // Public Administration. Electronic Bulletin. 2019. No. 76. P. 279–300. (In Russ.) EDN: CVLXTW. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10013
10. Polyhan, K. O. Problems and Features of the State of Information Security in Accordance with the Doctrine of Information Security of the Russian Federation // Sustainable Development of Science and Education. 2019. No. 5. P. 154–160. (In Russ.)
11. Romanovsky, V. G., Abubekrova, D. A. Human Rights, Cybersecurity, and the Fight Against Terrorism (China’s Experience) // Science. Society. State. 2021. Vol. 9. No. 3 (35). P. 57–67. (In Russ.) EDN: PGIKQC. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-3-6
12. Sobekin, S. A. The Role of the Shanghai Cooperation Organization and BRICS in Ensuring International Information Security in the Context of the Ongoing Conflict in Ukraine // Russian-Chinese Studies. 2022. Vol. 6. No. 4. P. 276–287. (In Russ.) EDN: SPOIBR. DOI: 10.17150/2587-7445.2022.6(4).276-287
13. Chekmeneva, T. G., Ershov, B. A., Trubitsyn, S. D., Ostapenko, A. A. China’s Strategy for Ensuring Information Security: Political and Technical Aspects // Bulletin of Socio-economic and Humanitarian Studies. 2020. No. 7 (9). P. 78–97. (In Russ.) EDN: KBYJRD. DOI: 10.5281/zenodo.3911320
14. Filatov, O. V. The Modern Structure of NATO to Ensure Information Security // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2022. No. 9 (171). P. 112–121. (In Russ.) EDN: EBLYAS
15. Schwab, K. Globalization 4.0. A New Architecture for the Fourth Industrial Revolution // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2019. No. 1. P. 79–84. (In Russ.) EDN: QOGCGT
16. Sherstyuk, V. P. Information Security in the System of Ensuring National Security of Russia, Federal and Regional Aspects of Ensuring Information Security // Information Society. 1999. No. 5. P. 3–5. (In Russ.) EDN: HRNTDF
17. Yakovleva, A. V. Legal Provision of Cybersecurity in China // Information Law. 2021. No. 2. P. 37–40. (In Russ.) EDN: NCYMDX. DOI: 10.18572/1999-480X-2021-2-37-40
18. Denning, D. Information Warfare and Security. New York : ACM Press. 1999. 522 p.
19. Kremer, J., Müller, B. Cyberspace and International Relations: Theory, Prospects and Challenges. Ed. 1. New York : Springer. 2014. 284 p. DOI: 10.1007/978-3-642-37481-4
20. Pk., Mallick. Vivekananda International Foundation URL: https://www.researchgate.net/publication/344336074_Cyber_Attack_on_Kudankulam_Nuclear_Power_Plant_-_A_Wake_Up_Call 2019. 36 p. (accessed: 18.04.2024).

21. Russia and the United States in the Evolving World Order / ed. by A. Torkunov, N. Noonan, T. Shackleina. Moscow : MGIMO University Press. 2018. 414 p.
22. Winterfeld, S., Andress J. The Basics of Cyber Warfare: Understanding the Fundamentals of Cyber Warfare in Theory and Practice. 2012. 164 p. ISBN: 978-0-12-404737-2.

About the author:

Anastasia V. Shcherban, PhD student at the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: n.shche@mail.ru

Политические партии Гвинейской Республики в формировании внешнеполитического курса страны: евразийский акцент

Баранов Н. А.^{1,*}, Берете Бакари Блонд²

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: nicbar@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3547-3644

² Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. В данной работе акцент сделан на Гвинейской Республике, расположенной в Западной Африке. Значительная роль в определении внешней политики страны принадлежит политическим партиям, которые выполняют важную функцию формирования политического курса государства. Поэтому целью работы является выявление особенностей внешнеполитических подходов ведущих политических партий Гвинейской Республики. Для осуществления данной цели решаются задачи, связанные с фактором этнической принадлежности в процессе реализации внешней политики, влиянием этничности в деятельности политических партий, особенностями политического процесса в Гвинейской Республике. **Методология.** В статье применен метод сравнительного анализа для сопоставления ведущих политических партий Гвинейской Республики, а также дискурс-анализ для изучения их программ. Ретроспективный анализ политической системы позволил проследить эволюцию становления политических институтов, таких как политические партии, и особенности их формирования. В работе проанализированы программы пяти политических партий: Объединения гвинейского народа, Союза демократических сил Гвинеи, Союза республиканских сил, Партии надежды на национальное развитие и Либерального блока. **Результаты.** Гвинейская Республика находится в переходном этапе своего развития. Решение внутриполитических задач, связанных с преодолением политического кризиса, политизацией этничности, созданием солидарного общества, будет способствовать формированию внешнеполитических приоритетов. Решающая роль в данном процессе принадлежит ведущим политическим партиям страны, как важнейшим демократическим институтам общества. **Выводы.** На формирование политических партий в Гвинейской Республике решающее влияние оказывает этнический и региональный фактор в связи с существующей конфликтностью этносов, входящих в состав государства. Исходя из межплеменных и этнических противоречий, принимаются программы политических партий, ориентированные на решение как внутриполитических, так и внешнеполитических задач. В целях устойчивого развития общества необходимо гармонизировать их интересы, оптимизировать бюрократические процессы и укреплять демократические политические институты. Все чаще политические партии делают акцент во внешнеполитических программах на страны евразийского региона.

Ключевые слова: ведущие политические партии, Гвинейская Республика, евразийский регион, Национальное собрание Гвинеи, партийная система Гвинеи, ЭКОВАС

Для цитирования: Баранов Н. А., Берете Бакари Блонд. Политические партии Гвинейской Республики в формировании внешнеполитического курса страны: евразийский акцент // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 171–182.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-171-182>. EDN: DIVEAT

Political Parties of the Republic of Guinea in Shaping the Country's Foreign Policy: Eurasian Emphasis

Nikolay A. Baranov^{a,*}, Berete Bakari Blond^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nord-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russia

* e-mail: nicbar@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3547-3644

^b Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

Aim and tasks. In this paper, the focus is on the Republic of Guinea, located in West Africa. A significant role in determining the country's foreign policy belongs to political parties, which perform an important function of shaping the political course of the state. Therefore, the purpose of the work is to identify the peculiarities of the foreign policy approaches of the leading political parties of the Republic of Guinea. To achieve this goal, tasks related to the factor of ethnicity in the implementation of foreign policy, the influence of ethnicity in the activities of political parties, and the peculiarities of the political process in the Republic of Guinea are being solved. **Methods.** The article uses a comparative analysis method to compare the leading political parties of the Republic of Guinea, as well as a discourse analysis to study their programs. A retrospective analysis of the political system made it possible to trace the evolution of the formation of political institutions, such as political parties, and the specifics of their formation. The paper analyzes the programs of five political parties: the Association of the Guinean People, the Union of Democratic Forces of Guinea, the Union of Republican Forces, the Party of Hope for National Development and the Liberal Bloc. **Results.** The Republic of Guinea is in a transitional stage of its development. Solving domestic political problems related to overcoming the political crisis, politicizing ethnicity, and creating a solidary society will contribute to shaping foreign policy priorities. The leading political parties of the country, as the most important democratic institutions of society, play a decisive role in this process. **Conclusions.** The formation of political parties in the Republic of Guinea is decisively influenced by the ethnic and regional factors due to the existing conflict among the ethnic groups that make up the State. Based on intertribal and ethnic contradictions, programs of political parties are being adopted, focused on solving both domestic and foreign policy tasks. For the sustainable development of society, it is necessary to harmonize their interests, optimize bureaucratic processes and strengthen democratic political institutions. Increasingly, political parties are focusing their foreign policy programs on the countries of the Eurasian region.

Keywords: Republic of Guinea, National Assembly of Guinea, leading political parties, the party system of Guinea, ECOWAS, the Eurasian region

For citation: Baranov N. A., Berete Bakari Blond. Political Parties of the Republic of Guinea in Shaping the Country's Foreign Policy: Eurasian Emphasis // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 171–182. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-171-182>. EDN: DFBCZG

Введение

В условиях формирования нового мироустройства происходит смена внешнеполитических приоритетов во многих странах незападного мира. Укрепляются экономические, социальные связи между странами на евразийском пространстве, в Африке, Латинской Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Африку называют континентом будущего, страны которого обладают огромным экономическим и демографическим потенциалом. Являясь вторым по численности населения и величине континентом после Евразии, Африка становится самобытным и влиятельным центром мирового развития. Крупнейшим

инвестором в африканскую экономику является Китай, который в сентябре 2024 г. провел девятый китайско-африканский форум. По результатам форума была принята Пекинская декларация о построении постоянного китайско-африканского сообщества¹. Начиная с 2019 г. проводятся саммиты Россия — Африка, способствующие развитию социально-экономических, культурных связей, укреплению диалогового партнерства. В Концепции внешней политики России констатируется: «Россия солидарна с африканскими государствами в их стремлении к установлению более справедливого многополярного мира и устранению социально-экономического неравенства, усиливающегося из-за изощренной неокOLONIALНОЙ политики ряда развитых государств в отношении Африки»².

У Российской Федерации складываются взаимовыгодные отношения со многими африканскими государствами, например, с Гвинейской Республикой, с которой существуют дипломатические отношения с 1958 г. На официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации отмечается, что «российско-гвинейские отношения носят дружественный характер, поддерживается политический диалог»³. В Гвинее ведут свою деятельность такие компании, как РУСАЛ (разработка месторождений бокситов), «Нордголд» (золотодобыча), «Геопроспект» (геологоразведка). В результате работы VI Межправительственной российско-гвинейской комиссии была составлена среднесрочная программа в области геологии и недропользования, с участием таких организаций, как Росгеология, ЦНИГРИ, ВИМКС, и иных компаний, осуществляющих свою деятельность на основе советского опыта и использования современных технологий. Осуществлен переход школ Гвинейской Республики на программное обеспечение российского производства «МойОфис» (аналог американской экосистемы «Microsoft»). Следует также отметить оказание Россией помощи Гвинее в борьбе с лихорадкой Эбола, включая апробацию на базе стационарного Научного клинко-диагностического центра эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи российской вакцины «ГамЭвак-Комби». Гвинейская Республика — участник обоих саммитов «Россия — Африка». Руководство страны отказалось от осуждения России за проведение СВО [1, р. 1498]. По данным посольства Гвинейской Республики в Российской Федерации, до 100 квот повышено число государственных стипендий для обучения гвинейской молодежи в российских вузах. Таким образом, происходит развитие российско-гвинейских отношений, несмотря на сложный переходный период, который проходит Гвинейская Республика в связи со сменой власти в 2021 г.

На внешнеполитические приоритеты государства решающее влияние оказывают политические лидеры, поддерживаемые политическими партиями, в рамках которых происходило их становление и выдвижение. Как показывает политическая практика, в зависимости от предпочтений первых лиц государства происходит переориентация внешней политики. Так, первый президент страны Секу Туре (период президентства 1958–1984 гг.) был ориентирован на сотрудничество с Советским Союзом, второй президент Лансана Конте (период президентства 1984–2008 гг.) — на США и Францию, а в 2001 г. возобновил отношения с Россией, подписав Декларацию о принципах дружественных отношений и партнерства между Российской Федерацией и Гвинейской Республикой⁴. При президенте Альфа Конде (период президентства 2010–2021 гг.) активизировалось сотрудничество с Индией, Китаем и Турцией. Таким образом, происходит переориентация сотрудничества с другими странами в зависимости от вовлеченности иностранных государств во взаимовыгодные отношения с Гвинейской Республикой.

Несмотря на регулярно совершаемые в стране военные перевороты, роль политических партий постоянно возрастает, требования демократизации политической жизни исходят от большинства политических субъектов. В складывающихся условиях без партийной поддержки становится проблематичным удержание власти и ее легитимация.

¹ Beijing Declaration on Jointly Building an All-Weather China-Africa Community with a Shared Future for the New Era [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs the People's Republic of China. September 05, 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485993.html (дата обращения: 05.01.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 года № 229) [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 05.01.2025).

³ Российско-гвинейские отношения (справка) [Электронный ресурс] // МИД России. URL: https://guinea.mid.ru/ru/gvinee/rossiysko_gvineyskie_otnosheniya/ (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ Декларация о принципах дружественных отношений и партнерства между Российской Федерацией и Гвинейской Республикой от 27.07.2001 [Электронный ресурс] // МИД Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/gn/1610602/> (дата обращения: 05.01.2025).

Целью данной статьи является выявление особенностей внешнеполитических подходов ведущих политических партий Гвинейской Республики. Для осуществления данной цели решаются задачи, связанные с фактором этнической принадлежности в процессе реализации внешней политики, влиянием этничности в деятельности политических партий, особенностями политического процесса в Гвинейской Республике.

Теоретические основы исследования

Гвинейская Республика так же, как и ее соседи в западноафриканском регионе, находится в поиске оптимальных условий для успешного развития. Предпринятые попытки демократизации не увенчались значимым успехом. Процесс формирования многопартийной системы, начатый в 2010-е гг., еще не завершился. Тем не менее политические партии стали играть значимую роль в гвинейской политике.

С. Ламин, Юсуф-Ток, И. Наронграксакхет и Р. Ваехама [17] пишут об опыте внедрения многопартийной системы в Гвинейской Республике, которая не оправдывает ожидания жителей республики, так как не решает проблемы борьбы с бедностью и экономического развития страны. Превалирование этнического характера в предоставлении экономических приоритетов, по мнению авторов, усугубляет проблему неравенства. А М. Камара [8] акцентирует внимание на возрождении этнополитики в Гвинее в связи с восстановлением многопартийной политики после трех десятилетий однопартийного и военного правления, а также на влиянии СМИ на этнополитическую ситуацию в стране.

М. Энгелер в статье о незавершенной революции пишет о влиянии военных на политико-экономическое развитие Гвинии в свете событий 2006–2007 гг. [14], а в монографии «Молодежь и государство: извилистая жизнь» [15] — о роли молодежи в политической жизни Гвинии. Политическая активность женщин и их адаптация к решению проблем в традиционном обществе, каковым является гвинейское общество, находится в центре внимания К. Амман, которая обозначила гендерные проблемы в книге «Женщины, свобода действий и государство в Гвинее: молчаливая политика» [5]. По мнению швейцарского исследователя, политические действия женщин проистекают из их повседневной жизни, а не из-за стремления к политической деятельности.

Значительное количество научных работ посвящено общеафриканским проблемам. Так, М. Диавава, Б. К. Латеган и Й. Рюсен [13] пишут об исторической памяти африканцев, которая влияет на построение современных государств через связь с прошлым в культурном контексте. А в монографии «Трансграничное сотрудничество и политические сети в Западной Африке» [12] анализируются проблемы в западноафриканском регионе, связанные с трансграничным сотрудничеством, в связи с неурегулированностью границ между странами региона. Инициативы, направленные на признание и открытие границ, происходят, как отмечают авторы, на фоне новой волны транснационального терроризма. Для решения проблем создаются трансграничные сети в целях обмена информацией между партнерами, которые носят неформальный характер и которые помогают выявлять наиболее уязвимые проблемы между странами.

В монографии Дж. Арулпрагасама и Д. Сана [6] представлен обзор экономики Гвинии и ее эволюция — от независимости до конца XX в. Показаны не только успехи национальной программы реформ, но и фундаментальные препятствия на пути развития африканского государства, которые являются актуальными и для XXI в.

Статья А. Шровен «Оспариваемые транснациональные пространства: дебаты о гражданстве эмигрантов и их роли в политике Гвинии» [21] посвящена гвинейской диаспоре в других странах, представители которой косвенно участвуют в политических событиях и экономических преобразованиях в родной стране.

Некоторые исследователи анализируют политические кризисы в стране, которые регулярно проявляются в политической жизни Гвинейской Республики. Так, М. С. Камара [7] пишет о политическом кризисе, охватившем Гвинею после 2005 г., и предпринимает попытку пролить свет на вклад Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) и других крупных международных организаций в последовавшие за этим политические преобразования. А К. С. Ориевулу в статье «Переходный период

в Гвинейской Республике: критический взгляд» [19] рассматривает переходный процесс, происходивший в Гвинее и связанный с демократическими выборами после долгих лет авторитарного правления. В работе акцентируется внимание на этнических проблемах и влиянии военных на политическую ситуацию в стране.

Тему влияния международных организаций на ситуацию в Гвинее после государственного переворота 2021 г. развивают Т. Одубахо и Э. Б. Ишола [18]. По их мнению, Экономическое сообщество западноафриканских государств призвано противостоять экономическим, политическим, социальным вызовам региона. Одна из задач ЭКОВАС заключается в поддержании демократических преобразований в странах. Однако переворот в Гвинее не получил должного отклика от этой организации, что свидетельствует о том, что возможности ЭКОВАС по политическому или военному вмешательству в дела «демократически проблемных» государств-членов могут быть ограничены как внутренними противоречиями организации, так и отсутствием у государств-членов решимости укреплять ЭКОВАС.

Баллотирующийся на третий президентский срок Альфа Конде после сомнительного референдума 22 марта 2020 г., по результатам которого была изменена конституция страны относительно количества президентских сроков, взбудоражил общество своим стремлением к власти и поправлением демократии. Как отмечается в предисловии к интервью с Селлу Далейн Диалло¹, «прошлое страны, отмеченное авторитарными лидерами и государственными переворотами, отсутствием верховенства закона, подавленной демократией и повальной коррупцией, продемонстрировало отсутствие прогресса в развитии для населения»².

Критичную оценку режиму, сформировавшемуся в Гвинее после военного переворота 2021 г., дают В. Фуше и Ж. Пети, отмечая отсутствие обещанных выборов и новой конституции. Однако изоляции ни в ЭКОВАС, ни во франкоязычном мире и даже со стороны США не наблюдается, более того, западные страны воздерживаются от открытой критики руководства богатой полезными ископаемыми республики. Как отмечали французские исследователи, окончание «запланированного переходного периода (конец 2024 года) усиливает напряженность. В процессе восстановления конституционного порядка достигнуто очень мало подвижек, социально-экономическая ситуация оставляет желать лучшего, сохраняется напряженность в армии, нарастают протесты, а репрессии усиливаются»³.

В достаточно большом количестве научных работ по внутриполитической проблематике значительно меньше внимания уделяется внешней политике Гвинеи, а также ее институциональным аспектам. В данном контексте следует выделить статью А. Халитовой, в которой автор отмечает, что «внешняя политика Гвинеи ориентирована на многостороннее сотрудничество как на региональном, так и на глобальном уровнях. Гвинейское руководство так же продолжает опираться на своих традиционных западных партнеров (Франция, США, ЕС), активно сотрудничает с азиатскими (КНР, Индия, Япония, Малайзия) и арабскими (Марокко, ОАЭ, Саудовская Аравия) государствами» [4, с. 70]. При этом отмечается активизация двусторонних отношений с Российской Федерацией. Поэтому развитие темы внешнеполитических приоритетов Гвинейской Республики представляется актуальным и востребованным.

Таким образом, следует отметить, что в академическом сообществе предпринимаются попытки обоснования существующей политической реальности, анализа внутриполитических процессов, происходящих в стране, вызывает обеспокоенность авторитарность политических лидеров, а также нереализованный потенциал политических партий.

Этнические основания формирования политических партий в Гвинейской Республике

До 1984 г. в стране существовала однопартийная система во главе с Демократической партией Гвинеи. Конституция 1990 г. предусматривала существование двух партий, что стало основанием для

¹ Селлу Далейн Диалло — бывший премьер-министр Гвинеи (2004–2006 гг.), председатель оппозиционной партии Союз демократических сил Гвинеи (Union des Forces Démocratiques de Guinée — UFDG).

² Guinea: The downfall of democracy? An interview with Cellou Dalein Diallo, Former Prime Minister [Электронный ресурс] // Friedrich Naumann Foundation. 17.04.2020. URL: <https://www.freiheit.org/guinea-guinea-downfall-democracy> (дата обращения: 04.01.2025).

³ Foucher V., Petit J. Guinea: When the putschists overstay their welcome [Электронный ресурс] // African Arguments. September 5, 2024. URL: <https://africanarguments.org/2024/09/guinea-when-the-putschists-overstay-their-welcome/> (дата обращения: 04.01.2025).

постепенного перехода к многопартийной системе. Так как в соответствии с национальным законодательством выдвигать кандидатов на президентский пост могут только политические партии, то их роль резко возросла [2, с. 82].

Изучение роли политических партий в формировании внешнеполитического курса Гвинейской Республики важно для понимания механизмов принятия решений и реализации внешней политики. Это особенно актуально в контексте этнической принадлежности, бюрократии и политических институтов, которые могут оказывать значительное влияние на эффективность и легитимность этих процессов.

Политика первого президента республики Секу Туре (годы президентства — 1958–1984 гг.) осуществлялась в состоянии «осадного положения», которое режим сохранил в качестве революционного наследия. Проблемы безопасности стали благодатной почвой для распространения репрессий и появления аппарата по выявлению «врагов» государства. Элита этнической группы малинке, возглавляемая Секу Туре, использовала свое влияние для монополии на высокие властные посты. Полукочевой народ фула или фульбе (фулани), который составлял 40% населения страны, подозревался в государственной измене, вследствие чего более двух миллионов гвинейцев бежали в изгнание, спасаясь от репрессий.

После смерти Секу Туре в 1984 г. власть перешла к военным, принадлежащим этнической группе юругу (народ сусу, проживающий в основном в Гвинее). Главой Комитета национальной реформы стал представитель этого народа полковник Лансану Конте. Опасения перед контрпереворотом со стороны народности малинке и потерей власти привели к усилению давления на оппозиционные партии и группировки, возникшие по этническому принципу. Политические партии все больше объединялись вокруг этнических лидеров: Партия единства и прогресса, возглавляемая Лансану Конте, пользовалась поддержкой народности юругу; политическая партия «Объединение гвинейского народа» Альфы Конде привлекала сторонников малинке, а политики этнической группы фулани Мамаду Бойе Ба и Сирадиу Диалло создали соответственно политические партии «Союз за новую республику» и «За обновление и прогресс».

Таким образом, в Гвинее сформировалась поляризованная электоральная политическая архитектура, основанная на этническом размежевании народов, населяющих республику. 12 февраля 2007 г. офицерами народности малинке был совершен военный переворот, в результате которого были запрещены демонстрации и протесты оппозиционных групп, что парализовало деятельность партийной системы государства. По этой причине парламентские выборы, которые должны были пройти в 2007 г. (предыдущие выборы в парламент республики — Национальное собрание Гвиней — проходили в 2002 г.), неоднократно переносились и состоялись только 28 сентября 2013 г.¹ Однако они не были признаны оппозицией, которая заявила о масштабных фальсификациях, что подтвердили послы и наблюдатели из США, Франции и Европейского союза. Сомнительными с точки зрения открытости и прозрачности были и выборы в Народное собрание Гвиней, состоявшиеся 22 марта 2020 г., которые были объединены с конституционным референдумом и переносились четыре раза².

Проблемы с политической стабильностью, имеющей этнические основы, заставляют политическую элиту Гвиней обратиться за опытом к другим африканским государствам. Например, к реформам Кении, в которой силами политических партий, институтов гражданского общества и религиозных общин были внесены изменения в конституцию страны, предполагающие передачу значительной части полномочий местным органам власти, учитывающим этнические особенности народов, населяющих данные территории.

Другим источником креативных идей могла бы стать Нигерия. Такие институциональные механизмы, как федеративный характер государственно-административного устройства и предписание о том, что президент и другие выборные должностные лица должны набрать минимум 25% голосов в трех четвертях избирательных округов, могли бы послужить основой для политической стабильности в Гвинее,

¹ Opposition and ruling party in Guinea reach deal for legislative election [Электронный ресурс] // Archive.today. July 3, 2013. URL: https://archive.fo/20130704021603/www.washingtonpost.com/world/africa/opposition-and-ruling-party-in-guinea-reach-deal-for-legislative-election/2013/07/03/e0bccad6-e3d5-11e2-bffd-37a36ddab820_story.html#selection-3685.11-3685.17 (дата обращения: 05.01.2025).

² Денисова Т. С. Гвинея: парламентские выборы и референдум по внесению поправок в конституцию, 22 марта 2020 г. [Электронный ресурс] // Институт Африки РАН. 06.05.2020. URL: <https://www.inafran.ru/node/2208> (дата обращения: 05.01.2025).

разделенной по этническому признаку. ЭКОВАС могла бы содействовать осуществлению этого политического проекта.

Гвинея унаследовала долголетие правителей. Французские колониальные диктаторы не терпели поражений при передаче власти от одной правящей группы к другой. Президент Секу Туре скончался на своем посту после 26 лет пребывания у власти (1958–1984 гг.), Лансана Конте — после 24 лет пребывания в высшей государственной должности (1984–2008 гг.). Когда такое долголетие сочетается с отстранением других этнических групп от рычагов власти, это порождает «жажду перемен». Такие международные организации, как Африканский союз и ЭКОВАС, членами которых является Гвинейская Республика, могли бы повлиять на ее этническую политику, так как существуют положительные примеры стран, входящих в эти организации.

Для Гвинеи интересен опыт построения «радужной нации» в Южно-Африканской Республике, которую населяют большое количество племен и народов. В Зимбабве реализован новый экономический инструмент для придания легитимности политике путем передачи местным сообществам пятидесяти процентов акций компаний, в которых ведется добыча алмазов, золота, платины и других полезных ископаемых. Экономическое благополучие местных сообществ является целебным средством в плюралистических странах.

С. Чой подчеркивает, что лидерство имеет жизненно важное значение в демократических движениях, поэтому понимание природы демократического лидерства становится особенно актуальным [9]. Демократическое восприятие лидерства является необходимым для руководителей политических партий Гвинеи. Однако, как отмечает Дж. Гастил [16], определение демократического лидерства остается неоднозначным. Несмотря на то, что в некоторых исследованиях дается определение демократического лидерства в контексте демократических движений, но в литературе, посвященной изучению лидерства, не уделяется достаточно внимания этому аспекту. Основное внимание уделяется демократическому лидерству в небольших группах и организациях, а не в крупных, таких как политические партии.

В данном контексте актуальной является классическая работа А. Лейпхарта о общественной демократии, в которой американский ученый предлагает в целях поддержания стабильности и развития демократии в стране наладить сотрудничество политических лидеров всех значительных сегментов многосоставного общества в управлении страной в рамках большой коалиции. Важными элементами общественной демократии являются также «взаимное вето или правило “совпадающего большинства”», выступающие как дополнительная гарантия жизненно важных интересов меньшинства; пропорциональность как главный принцип политического представительства, распределения постов в государственном аппарате и средств государственного бюджета и высокая степень автономности каждого сегмента в управлении своими внутренними делами» [3, с. 60]. Однако данные предложения в политической практике Гвинеи не реализованы.

Политизация этнических вопросов была признана основным источником насилия в Африке, включая Гвинейскую Республику. Под политизацией этничности понимается превращение этничности «из психологического, культурного или социального фактора в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [20, р. 2]. М. Ж. Коул в своем исследовании попыталась определить, насколько стратегии деполитизации этнических конфликтов были включены в процесс миростроительства в Сьерра-Леоне [10]. В своей работе она опиралась на пять ключевых определений этнополитизации, которые были основаны на институциональной инструменталистской теории. Исследование показало, что в рамках миростроительства этнополитизация рассматривается как непосредственная угроза миру и стабильности и, следовательно, не является приоритетом в архитектуре миростроительства.

Тем не менее некоторые политические инициативы, которые были реализованы в рамках миростроительства, могут косвенно способствовать деполитизации этнических вопросов. Однако для обеспечения их эффективности эти инициативы требуют более тщательного и целенаправленного осуществления и мониторинга. Для решения межэтнических проблем предлагаются следующие шаги: создание комиссии по внесению изменений в конституцию, которая будет учитывать этнические квоты для руководства

политических партий и кандидатов в депутаты; укрепление гражданского общества; проведение интенсивной общенациональной кампании, направленной на пропаганду национальной идентичности; укрепление демократических институтов, включая внедрение этнически инклюзивной и беспристрастной практики в государственных учреждениях при оценке работы высших должностных лиц [10, р. 109–112].

В работе канадского исследователя утверждается, что значительная часть универсальности этнических конфликтов может быть объяснена эволюционной предрасположенностью к этническому nepoтизму. Nepoтизм можно рассматривать как расширенную форму семейственности. Эволюционные теории, такие как инклюзивная приспособленность и родственный отбор, объясняют происхождение и универсальность кумовства.

Наиболее влиятельные политические партии Гвинеи

Гвинея имеет разнообразный политический ландшафт, в котором множество партий представляют различные идеологии и интересы. Деятельность политических партий в стране регулируется Нормативным правовым актом L/91/002/CTRN от 23 декабря 1991 г. «Об Уставе политических партий Гвинейской Республики»¹. На его основании в 2024 г. была осуществлена проверка соответствия зарегистрированных партий требованиям, предъявляемым к данным политическим объединениям. По результатам проверки был подготовлен доклад, в котором указывалось, что ряд политических объединений не соответствуют действующему законодательству, поэтому 53 политические партии были распущены². Несмотря на некоторые замечания в адрес парламентских партий, все они сохранили свой статус. К тому же 22 января 2022 г. президент переходного периода полковник Мамади Думбуя³ сформировал Национальный переходный совет, который исполняет функции Национального собрания Гвинеи. В его состав вошел 81 представитель от политических партий, институтов гражданского общества, федераций профсоюзов, организаций работодателей и других социальных групп общества⁴. Несмотря на проведенные преобразования, роль политических партий остается весьма значимой в формировании как внутриполитической, так и внешнеполитической повестки.

Среди наиболее влиятельных партий в политической жизни Гвинейской Республики необходимо выделить следующие [11, р. 186–215].

1. Объединение гвинейского народа (ОГН). Одна из самых многочисленных политических партий в Гвинее, которую длительное время возглавлял Альфа Конде, занимавший пост президента страны с 2010 г. до своего свержения в 2021 г. ОГН известна своей ориентацией на демократические ценности и развитие.

2. Союз демократических сил Гвинеи (СДСГ). Политическая партия, которую часто считают главной оппозиционной силой. Ее возглавляет Селлу Далейн Диалло, ключевая политическая фигура Гвинеи. СДСГ выступает за демократические реформы и экономический прогресс.

3. Союз республиканских сил (СРС). Крупная политическая партия, возглавляемая Сидьей Туре. СРС продвигает республиканские ценности, экономическую модернизацию и политическую стабильность.

4. Партия надежды на национальное развитие (ПННР). Партия, которую возглавляет Лансана Куйате, акцентирует внимание на экономическом развитии, национальном единстве и социальной справедливости.

5. Либеральный блок (ЛБ). Это небольшая партия, выступающая за либеральную экономическую политику и реформы государственного управления. Ее лидер Фая Миллимоно является сторонником прозрачности и подотчетности в правительстве.

¹ Loi organique L/91/002/CTRN du 23 decembre 1991 portant Charte des partis politiques [Электронный ресурс]. URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/africa/GN/guinee-loi-organique-l-91-002-ctrn-du-23-decembre/> (дата обращения: 05.01.2025).

² Rapport d'Evaluation des Partis Politiques (2024). Guinée [Электронный ресурс]. URL: <https://interfacelonny.com/public/documents/do-1730376607> (дата обращения: 05.01.2025).

³ Les 81 membres du CNT nommés: Voici la liste complète (Décret) [Электронный ресурс] // Guineesignal. 23 janvier 2022. URL: <https://www.guineesignal.com/2022/01/23/les-81-membres-du-cnt-nommes-voici-la-liste-completedecret/> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ Conseil National de la Transition [Электронный ресурс]. URL: <https://cnt.gov.gn/> (дата обращения: 05.01.2025).

Политическая обстановка в Гвинее была отмечена периодами нестабильности, в том числе государственными переворотами и политическими волнениями. Политические партии часто действуют в сложных условиях этнической и региональной принадлежности, которые играют значительную роль в политике страны. Несмотря на трудности, эти партии продолжают определять путь Гвинеи к демократии и развитию.

Проведем сравнительный анализ партийных положений в области внутренней и внешней политики.

1. Объединение гвинейского народа (ОГН)¹:
 - внутренняя политика: ОГН фокусируется на продвижении демократических ценностей, экономическом развитии и социальной сплоченности. Исторически партия ставила своей целью улучшение инфраструктуры, здравоохранения и образования, а также содействие развитию сельских районов;
 - внешняя политика: ОГН выступает за укрепление дипломатических отношений Гвинеи и международного торгового партнерства. При Альфа Конде партия стремилась к установлению более тесных связей с Китаем и уделяла особое внимание отношениям в рамках Африканского союза и Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС). ОГН уделяет приоритетное внимание привлечению иностранных инвестиций для ускорения экономического развития.
2. Союз демократических сил Гвинеи (СДСГ)²:
 - внутренняя политика: СДСГ выступает за демократические реформы, прозрачность и экономический прогресс. Она направлена на борьбу с коррупцией, улучшение государственных услуг и стимулирование роста частного сектора;
 - внешняя политика: СДСГ поддерживает активную внешнеполитическую стратегию, которая укрепляет партнерские отношения Гвинеи с западными странами и международными финансовыми институтами. Партия выступает за региональное сотрудничество в рамках ЭКОВАС и стремится заручиться международной поддержкой инициатив Гвинеи в области развития.
3. Союз республиканских сил (СРС)³:
 - внутренняя политика: СРС продвигает республиканские ценности, политическую стабильность и экономическую модернизацию. Основное внимание уделяется диверсификации экономики, повышению уровня образования и модернизации инфраструктуры;
 - внешняя политика: СРС выступает за сбалансированную внешнюю политику, которая укрепляет связи как с западными, так и с незападными странами. Под руководством Сидьи Туре партия уделяет особое внимание сотрудничеству в области региональной безопасности, особенно в Африке. СРС также поддерживает усилия по взаимодействию с международными партнерами для получения экономической помощи и инвестиций.
4. Партия надежды на национальное развитие (ПННР)⁴:
 - внутренняя политика: Платформа ПННР сосредоточена на экономическом развитии, национальном единстве и социальной справедливости. Партия выступает за улучшение управления, справедливое распределение ресурсов и инициативы в области устойчивого развития;
 - внешняя политика: ПННР стремится повысить международный авторитет Гвинеи, укрепляя прочные дипломатические отношения, в частности, с акцентом на африканскую солидарность и сотрудничество. Партия заинтересована в привлечении помощи в целях развития и инвестиций, особенно из европейских и ближневосточных стран, для поддержки целей национального роста.

¹ Ensemble vers une prosperite partagee [Электронный ресурс]. URL: <https://guineepolitique.org/wp-content/uploads/2020/10/Programme-2020-2026-Alpha-Conde.pdf> (дата обращения: 05.01.2025).

² Projet de societe présidentielle 2020 [Электронный ресурс] // Union des forces démocratiques de Guinée. URL: https://ufdgonline.com/wp-content/uploads/2024/08/UFDG_Projet_de_Societe_2020.pdf (дата обращения: 05.01.2025).

³ The program of the political party Union des forces républicaines.

⁴ Batir une Guinee nouvelle [Электронный ресурс] // Parti de l'Espoir pour le Développement National. URL: https://www.pedn-france.org/wp-content/uploads/2015/06/Projet_de_Soci%C3%A9t%C3%A9_PEDN.pdf (дата обращения: 05.01.2025).

5. Либеральный блок (ЛБ)¹:

- внутренняя политика: ЛБ делает упор на либеральную экономическую политику, реформы управления и подотчетность. Блок выступает за гражданские свободы, судебную реформу и предпринимательство как ключевые факторы роста;
- внешняя политика: партия выступает за прозрачное и взаимовыгодное международное партнерство. Подчеркивается важность соблюдения норм глобального управления, поддержки антикоррупционных инициатив на мировой арене. Партия стремится использовать дипломатию для обеспечения технологического и образовательного партнерства, которое может способствовать прогрессу Гвинеи.

Политическая обстановка в Гвинее по-прежнему находится под влиянием различных политических партий, каждая из которых предлагает свое видение развития страны и участия на международной арене. Несмотря на внутренние проблемы, эти партии стремятся позиционировать Гвинею как активного игрока на региональной и глобальной арене.

Политические партии Гвинеи придерживаются различных внешнеполитических подходов, каждый из которых отражает их более широкие идеологические позиции и приоритеты. Сравнительный анализ их позиций приведен в таблице.

Таблица

Внешнеполитические подходы ведущих политических партий Гвинейской Республики

Table. Foreign policy approaches of the leading political parties
of the Republic of Guinea

Политические партии	Содержание внешнеполитических приоритетов
Объединение народа Гвинеи	Фокусируется на дипломатических отношениях и торговом партнерстве с заметным уклоном в сторону Китая и африканских региональных организаций, таких как Африканский союз и ЭКОВАС. Это отражает прагматичный подход, направленный на привлечение иностранных инвестиций, необходимых для экономического развития, а также на укрепление региональных связей
Союз демократических сил Гвинеи	СДСГ уделяет приоритетное внимание активной стратегии, направленной на укрепление связей с западными странами и глобальными финансовыми организациями. Их цель — заручиться международной поддержкой развития Гвинеи, что свидетельствует о предпочтении ориентации на Запад и прозрачности международных отношений
Союз республиканских сил	Придерживается сбалансированного подхода, укрепляя связи как с западными, так и с незападными странами и уделяя особое внимание сотрудничеству в области региональной безопасности. Это отражает понимание необходимости Гвинеи в разнообразных международных партнерствах для укрепления стабильности и экономического роста
Партия надежды на национальное развитие	Внешняя политика ПННР направлена на укрепление дипломатических связей с акцентом на африканскую солидарность, дополняемую отношениями с Европой и Ближним Востоком. Это указывает на стратегию привлечения поддержки и инвестиций от широкого круга партнеров для стимулирования национального роста и единства
Либеральный блок	Обращает внимание на прозрачность и соответствие нормам глобального управления. Их акцент на партнерстве в области борьбы с коррупцией и образования предполагает политику, направленную на повышение авторитета Гвинеи в мире при одновременном обеспечении взаимной выгоды от международных связей

Источник: составлено авторами

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Политические партии Гвинейской Республики играют ключевую роль в формировании внешнеполитического курса страны, представляя интересы различных этнических и социальных групп. Этническая принадлежность, бюрократия и политические институты оказывают значительное влияние на этот процесс. Межэтнические противоречия закладываются в деятельность политических партий,

¹ The program of the Bloc Libéral political party.

которые в значительной степени формируются по этническому принципу, что свидетельствует о политизации этничности.

2. Различные внешнеполитические позиции основных политических партий Гвинеи отражают расхождения в их внутренних приоритетах и идеологических пристрастиях. Подходы каждой партии влияют на международные отношения Гвинеи, формируя ее дипломатическую направленность, инвестиционные стратегии и усилия по региональному сотрудничеству. Акцент ОГН на отношениях с Китаем и региональными организациями контрастирует с ориентацией СДСГ на Запад, что иллюстрирует стратегический баланс Гвинеи в глобальной дипломатии. В совокупности эти различные позиции позволяют Гвинее исследовать множество путей международного сотрудничества, хотя эффективность и направленность ее внешней политики будут в значительной степени зависеть от преобладающей политической власти и ее способности последовательно осуществлять эти стратегии. Разнообразие мнений обеспечивает динамичный внешнеполитический ландшафт, хотя это также может затруднить достижение консенсуса и долгосрочную стратегическую согласованность.
3. Для успешного формирования внешнеполитического курса Гвинейской Республики необходимо учитывать и гармонизировать интересы различных социальных групп через учреждение этнических квот в представительных органах власти, развитие гражданского общества, формирование национальной идентичности, укрепление демократических институтов, а также важно оптимизировать бюрократические процессы. Успешное решение внутриполитических проблем будет способствовать укреплению позиций страны на международной арене и повышению эффективности внешнеполитической деятельности. Важное значение при этом приобретает сотрудничество со странами евразийского региона.

Список литературы / References

1. Берете Б. Б. Институционализация внешнеполитической деятельности Республики Гвинея: приоритеты и перспективы развития // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 4 (104). С. 1496–1505. [Berete, B. B. Institutionalization of Foreign Policy Activities of the Republic of Guinea: Priorities and Development Prospects // Political Science Issues. 2024. Vol. 14. No. 4 (104). P. 1496–1505. (In Russ.)] EDN: ICKIGE. DOI: 10.35775/PSI.2024.104.4.035
2. Гвинея // Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 4. Африка / под ред. А. В. Торкунова. М. : Аспект Пресс, 2014. С. 80–86. [Guinea // Political Systems of Modern States: Encyclopedic Handbook: in 4 vol. Vol. 4. Africa / ed. by A. V. Torkunov. Moscow : Aspect Press, 2014. P. 80–86. (In Russ.)].
3. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование / пер. с англ. Б. И. Макаренко; под науч. ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М. : Аспект-Пресс, 1997. 287 с. ISBN: 5-7567-0208-3. [Lijphart, A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven, London : Yale Univ. Press, 1977. 248 p.]
4. Халитова А. Внешняя политика Гвинеи // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 70–74. [Khalitova, A. R. Guinean Foreign Policy // Asia and Africa today. 2017. No. 12. P. 70–74. (In Russ.)] EDN: ZTUTKV
5. Ammann, C. Women, Agency, and the State in Guinea: Silent Politics. New York: Routledge, 2020. 220 p. ISBN: 9780429199547. DOI: 10.4324/9780429199547
6. Arulpragasam, Je., Sahn, D. E. Economic Transition in Guinea: Implications for Growth and Poverty. New York; London : Published for Cornell University Food and Nutrition Policy Program by New York University Press, 1997. 221 p. ISBN: 9780814706640.
7. Camara, M. S. Media, Civil Society and Political Culture in West Africa // African Journalism Studies. 2008. No. 29 (2). P. 1–31. DOI: 10.1080/02560054.2008.9653385
8. Camara, M. S. New Media and Ethno-Politics in the Guinean Diaspora // Africa Media & Democracy Journal. 2012. No. 1 (1). P. 1–20. ISBN: 978-9988-0-9954-1.
9. Choi, S. Democratic Leadership: The Lessons of Exemplary Models for Democratic Governance // International Journal of Leadership Studies. 2007. Vol. 2. Iss. 3. P. 243–262.

10. *Cole, M. J.* Investigating the Inclusion of Ethno-Depoliticization within Peace-Building Policies in Post-Conflict Sierra Leone. University of Ottawa, Ottawa, Canada, 2012. 148 p.
11. *Coleman, J. S., Rosberg, C. G.* (ed.). Political Parties and National Integration in Tropical Africa. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2023. 746 p. DOI: 10.1525/9780520311756
12. Cross-border Co-operation and Policy Networks in West Africa / under the direction of Marie Trémolières and Olivier J. Walther. OECD Publishing, Paris, 2017. 224 p. ISBN: 978-92-64-26587-5
13. *Diawara, M., Lategan, B. C., Rüsen, J.* Historical Memory in Africa Dealing with the Past, Reaching for the Future in an Intercultural Context. Berghahn Books, New York, 2010. 264 p. DOI: 10.3167/9781845456528
14. *Engeler, M.* Guinea 2008. The Unfinished Revolution // *Politique Africaine*. 2008. P. 87–98. DOI: 10.3917/polaf.112.0087
15. *Engeler, M.* Youth and the State in Guinea: Meandering Lives. Bielefeld, Transcript Verlag, 2019. 202 p. DOI: 10.14361/9783839445709
16. *Gastil, J.* A Definition and Illustration of Democratic Leadership // *Human Relations*. 1994. No. 47. P. 954–971. DOI: 10.1177/001872679404700805
17. *Lamine, S. I., Yusof-Talek, Narongraksakhet, I., Waehama, R.* Ending Ethnic Politics in Guinea through Eradicating Extreme Poverty and Providing Security // *Arts and Social Sciences Journal*. 2018. No. 9. P. 1–9. DOI: 10.4172/2151-6200.1000343
18. *Odubajo, T., Ishola, E. B.* Ecowas Protocol on Democracy and Good Governance: An Analysis of Response to the 2021 Guinean Coup D'état // *Southern Journal for Contemporary History*. 2024. Vol. 49. Iss. 1. P. 46–67. DOI : 10.38140/sjch.v49i1.6874
19. *Orievulu, K. S.* Transition in the Republic of Guinea: A Critical Outlook Into the Future // *Consultancy Africa Intelligence*. 2010. URL: https://www.academia.edu/6267849/Transition_in_the_Republic_of_Guinea_A_critical_outlook (accessed: 05.01.2025).
20. *Rothschild, J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N. Y. : Columbia University Press, 1981. 290 p. ISBN: 0231052367
21. *Schroven, A.* Contested Transnational Spaces: Debating Emigrants' Citizenship and Role in Guinean Politics / ed. by Knörr J. and Kohl C. The Upper Guinea Coast in Global Perspective. Oxford, UK : Berghahn Books, 2016. P. 77–94. DOI: 10.1515/9781785333736-007

Об авторах:

Баранов Николай Алексеевич, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), доктор политических наук, профессор;
e-mail: nicbar@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3547-3644

Берете Бакари Блонд, аспирант факультета международного промышленного менеджмента и коммуникации Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: bkrberete@gmail.com

About the authors:

Nikolay A. Baranov, Professor of the Department of International Relations of Nord-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russia), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
e-mail: nicbar@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3547-3644

Berete Bakari Blond, Postgraduate student at the Faculty of International Industrial Management and Communication of Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D. F. Ustinov (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: bkrberete@gmail.com

ДОГОВОР

между Российской Федерацией и Республикой Беларусь

о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства

Российская Федерация и Республика Беларусь, далее именуемые Сторонами, руководствуясь Уставом Организации Объединенных Наций, опираясь на Конституцию Российской Федерации и Конституцию Республики Беларусь, Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года, Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о военном сотрудничестве от 19 декабря 1997 года, Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, а также другие применимые международные договоры, содержащие взаимные обязательства Российской Федерации и Республики Беларусь, опираясь также на Военную доктрину Союзного государства и другие применимые акты Союзного государства, признавая необходимость наращивания совместных усилий для эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы в целях укрепления безопасности Сторон в рамках общего оборонного пространства Союзного государства, стремясь обеспечить эффективность мер по совместной защите суверенитета, независимости и конституционного строя Сторон, целостности и неприкосновенности территории и внешней границы Союзного государства, включая меры Сторон по реагированию на акты агрессии, угрозы силой или попытки военного и военно-политического принуждения, подтверждая приверженность Сторон политико-дипломатическим мерам обеспечения безопасности и их приоритетность, договорились о нижеследующем:

Статья 1

1. Стороны подтверждают, что развитие их двусторонних отношений в сфере обеспечения безопасности не направлено против других государств и будет осуществляться в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, другими общепризнанными принципами и нормами международного права.
2. Стороны противодействуют любым попыткам недобросовестного и произвольного толкования общепризнанных принципов и норм международного права, в том числе закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций.

Статья 2

1. Стороны исходят из целостности оборонного пространства Союзного государства.
2. Стороны обязуются поддерживать друг друга всеми согласованными и допустимыми международным правом способами и средствами и предпринимать соответствующие действия в политической, военной и других сферах в случаях посягательств на безопасность любой из Сторон и Союзного государства в целом. Под такими посягательствами понимается целенаправленное создание или реализация угрозы суверенитету, независимости и (или) конституционному строю Сторон, целостности и неприкосновенности территории и внешней границы Союзного государства со стороны третьих государств и их объединений, международных организаций, террористических и экстремистских организаций и групп.
3. Каждая из Сторон использует свои отношения с другими государствами и иными субъектами международного права в целях предотвращения посягательств, указанных в пункте 2 настоящей Статьи, или минимизации их последствий для Сторон.

Статья 3

Если любая из Сторон или Союзное государство в целом будут подвергнуты посягательствам, упомянутым в пункте 2 Статьи 2 настоящего Договора, Стороны незамедлительно приступают к консультациям с целью выработки согласованных мер реагирования.

Статья 4

1. Стороны рассматривают вооруженное нападение на государство — участника Союзного государства как акт агрессии против Союзного государства в целом и будут предпринимать соответствующие ответные меры с использованием всех находящихся в их распоряжении сил и средств в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций и законодательством Сторон.

2. В случае совершения акта агрессии, упомянутого в пункте 1 настоящей Статьи, в отношении одной из Сторон либо непосредственной угрозы его совершения другая Сторона гарантирует:

а) выполнение всех мер, предусмотренных международными договорами с участием Сторон в области обеспечения военной безопасности, применимыми актами Союзного государства и законодательством Сторон для защиты суверенитета, независимости и конституционного строя подвергнувшейся агрессии или непосредственной угрозе агрессии Стороны, целостности и неприкосновенности территории и внешней границы Союзного государства;

б) незамедлительное предоставление по согласованию главами государств Сторон необходимой военной, военно-технической и иной помощи после соответствующего официального обращения подвергнувшейся агрессии или непосредственной угрозе агрессии Стороны.

3. В соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций Стороны незамедлительно направляют Совету Безопасности Организации Объединенных Наций информацию относительно их действий, предпринятых во исполнение права на самооборону.

Статья 5

В соответствии с отдельными соглашениями между Сторонами в целях предотвращения и отражения актов агрессии, упомянутых в пункте 1 Статьи 4, в отношении Республики Беларусь на территории Республики Беларусь могут создаваться военные и иные объекты Российской Федерации, а также размещаться воинские формирования Российской Федерации.

Статья 6

1. Стороны рассматривают ядерное оружие Российской Федерации как важный фактор предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения, а также как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой.

2. Ядерное оружие Российской Федерации может быть применено в ответ на применение против любой из Сторон ядерного оружия или других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против любой из Сторон с применением обычного оружия, создающей критическую угрозу ее суверенитету или территориальной целостности.

3. Решение о применении для защиты Республики Беларусь размещенного на ее территории ядерного оружия Российской Федерации принимается в порядке, установленном Сторонами.

Статья 7

В случае применения третьими государствами и их объединениями, международными организациями односторонних ограничительных мер экономического и иного характера в отношении любой из

Сторон, любая Сторона может инициировать рассмотрение вопроса о коллективном противодействии данным ограничительным мерам, в том числе на основе осуществления взаимной поддержки в рамках проведения государственной экономической политики и путем принятия необходимых мер органами Союзного государства с учетом национальных интересов каждой из Сторон.

Статья 8

1. Настоящий Договор не затрагивает право Сторон на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

2. Осуществление сотрудничества Сторон в целях реализации настоящего Договора может регулироваться отдельными соглашениями.

3. Стороны назначат специальных представителей, которые будут встречаться не реже двух раз в год для обзора действия Договора и разработки в случае необходимости предложений по мерам повышения его эффективности для рассмотрения главами государств.

Статья 9

Настоящий Договор подлежит ратификации в соответствии с процедурами каждой из Сторон и вступает в силу со дня обмена ратификационными грамотами.

Настоящий Договор заключается на 10 лет с автоматическим продлением его действия на последующие 10-летние сроки.

Любая из Сторон имеет право денонсировать настоящий Договор, уведомив о таком намерении другую Сторону не менее чем за шесть месяцев до истечения соответствующего срока в письменной форме.

Совершено в г. Минске 6 декабря 2024 года в двух экземплярах на русском языке.

За Российскую Федерацию

В. В. Путин

Дата подписания: 06.12.2024

Действие: Действует

Дата вступления в силу: 13.03.2025

За Республику Беларусь

А. Г. Лукашенко

2025. Том 19, № 1

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Дата выхода в свет 28.03.2025.

Подписано к печати: 04.04.2025

Формат 84×108 ¹/₁₆, Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,625. Тираж 100 экз.

Заказ № 1/2025.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72